

А.А.Формозов
Страницы
истории

русской
археологии

В книге рассматриваются процесс сложения археологической науки в России, зарождение охраны памятников истории, борьба передовых ученых с церковными догмами.

Автор стремится выявить теснейшую связь в развитии археологии, с одной стороны, литературы, искусства, общественной мысли — с другой.

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

А.А.Формозов
Страницы
истории
русской
археологии

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. В. КРОПОТКИН

Москва «Наука» 1986

Рецензенты:

В. П. ДАРКЕВИЧ, С. О. ШМИДТ

Ф $\frac{0507000000-410}{042(02)-85}$ 50-85-III

© Издательство «Наука», 1986 г.

От автора

Этой книгой я хочу подвести итог моим 25-летним изысканиям в области истории археологии. В печати они нашли отражение лишь частично¹. Здесь использованы разделы из трех изданных ранее книг: «Очерки по истории русской археологии» (М., 1961), «Пушкин и древности» (М., 1979) и «Начало изучения каменного века в России» (М., 1983), а также рукопись 1962—1963 гг. «Русское общество и охрана памятников культуры». Все тексты значительно дополнены и переработаны. Объединяет эти очерки исходный тезис: развитие любой гуманитарной дисциплины протекает не обособленно, а в теснейшей связи с развитием общественной мысли, всей отечественной культуры, литературы, искусства.

Когда мы обращаемся к наследию археологии, мы можем ставить перед собой три задачи. Первая — извлечь из архивных документов или старых забытых изданий сведения об обнаруженных некогда, а теперь исчезнувших археологических памятниках². Вторая — подготовить справочники того или иного типа: аннотированные библиографии, хроники раскопок в каких-либо районах³. И третья — проанализировать идеи и методы наших предшественников⁴. Эта цель и была для меня главной.

Начальный период истории русской археологии, а не время ее расцвета и блестящих полевых открытий, выбран по двум соображениям. Во-первых, сущность явления нельзя понять, не зная его генезиса. Во-вторых, широкий взгляд на задачи науки был воз-

можен скорее до того, как возникла специализация и ученые превратились в «машины для производства разрозненных опытов» (А. Блок) ⁵. В дальнейшем вырывались из тупика специализации очень немногие ученые — почти всегда самые незаурядные. Так, Д. И. Менделеев писал о пейзажах А. И. Куинджи ⁶, К. А. Тимирязев — о Д. Тернере ⁷, а В. О. Ключевский помогал советами Ф. И. Шаляпину и даже танцовщицу М. М. Мордкину ⁸. Интересы основной массы профессуры суживались от поколения к поколению. Каждый был поглощен вопросом, любопытным только для нескольких коллег. Вечные общечеловеческие проблемы вовсе не занимали подобных специалистов. В своей ограниченной сфере пользу они приносили, но зачастую мелкотемье и крохоборство заслоняли в глазах большинства подлинные достижения научной мысли. Вот почему важно рассказать читателям о людях, понимавших, как исследование древностей соотносится с путями современной культуры.

Пытаясь решить названные задачи, я заранее должен отказаться от исчерпывающей полноты при рассмотрении материалов, касающихся моей темы. Необходим отбор имен и событий из колоссального фонда фактов о прошлом русской археологии.

В конце XIX в. Н. П. Барсуков взялся за книгу о М. П. Погодине. Количество источников оказалось столь значительным, а желание автора не упустить ни одной детали — столь сильным, что издание «Жизнь и труды М. П. Погодина» растянулось на 22 тома, и все-таки завершить его Барсуков не успел ⁹. Таков объем материалов об одном историке. Что же говорить о целой дисциплине!

Меня, вероятно, будут упрекать, зачем я уделил внимание одним лицам (например, В. В. Пассеку) и обошел других, в том числе и некоторых видных археологов. Мне думается, что историю археологии нельзя сводить к перечню сенсационных находок в манере К. Керама ¹⁰. Крупные полевые открытия сплошь и

рядом делают совсем некрупные ученые, получающие известность благодаря своей удаче. На какой-то срок их открытия могут изменить направление научных поисков, однако появление новых идей в данной области знания неизмеримо важнее для ее судеб. В этих очерках речь будет идти прежде всего о тех, кто оставил какое-то теоретическое наследие, кто четко выразил цели своих начинаний и стремился ответить на вопросы эпохи.

Наряду с отбором материала историк науки сталкивается с другими трудностями. Почти в каждом сочинении, даже заведомо устаревшем, можно найти отдельные разумно звучащие фразы и принять их за некие откровения, предопределившие успехи науки в будущем. Меж тем, такие высказывания, сколь бы справедливы они ни были, не могли выделяться современниками из ошибочного контекста, обычно проходили незамеченными и скоро забывались. В монографии С. С. Волка 1958 г. об исторических взглядах декабристов доказывалось, например, что приоритет в исследовании палеолита принадлежит Ф. Н. Глинке, а не Ж. Буше де Перту¹¹. Чтобы увидеть тщетность этой попытки, не обязательно даже читать наивные статьи Глинки¹². Достаточно вспомнить, что он вел свои изыскания в Тверской губернии, где палеолит до сих пор не обнаружен. Две-три фразы Глинки, приведенные С. С. Волком, может быть, и верны, но никакой роли в развитии археологии не сыграли.

Оценить со всей объективностью достижения сверстников Ломоносова или Пушкина очень нелегко. Когда в толстом томе с кожаным переплетом, длиннейшим названием, вишетьками и гравюрами находишь какое-либо утверждение, сохранившее силу и теперь, поневоле готов придать ему слишком большое значение. Будем же изучать всю систему взглядов автора, а не вырывать из нее случайные куски.

Постараемся не путать выводы, основанные на исследованиях научного характера, с заключениями, под-

сказанными просто здравым смыслом. Во время раскопок крестьяне-землекопы порой сами замечают границу культурного слоя и материка или разрезы древних ям. Нужно отдать должное такой наблюдательности, но встретившись с ней в грамотах XVII в., не стоит впадать в преувеличения и рассуждать о «стратиграфическом методе»¹³.

Остерегаясь этих крайностей, не надо шархаться и в противоположную сторону и при просмотре старой литературы считать трюизмом то, что когда-то было смелой догадкой. Странно требовать от наших предшественников чуть ли не знакомства с современной техникой раскопок. А ведь А. С. Уваров подвергся незаслуженно суровому осуждению как раз с этих позиций.

Оценки отдельных ученых и направлений в развитии нашей науки, содержащиеся в этой книге, вероятно, несвободны от собственных автору симпатий и антипатий. Я допускаю право на существование и других оценок, но надеюсь, что во всех очерках не противоречу сам себе, а исхожу из одних и тех же точек отсчета.

Возникновение русской археологии

I

Археология — молодая наука. Как особая дисциплина со своими задачами и методами исследования она выделилась только в новое время. Но почти у всех недавно возникших наук, и у археологии тоже, есть предыстория, уходящая в глубокую древность.

Русская земля густо насыщена памятниками прошлого. Даже сейчас, после многовековой распашки и бесчисленных строительных работ, изменивших весь ландшафт страны, кое-где курганы и городища бросаются в глаза каждому. Сотни лет назад эти остатки далекой старины уже привлекали внимание народа. Прежде всего они служили хорошими ориентирами.

В дарственной грамоте Киево-Печерскому монастырю, приписывавшейся Андрею Боголюбскому, границы угодий проведены через два городища и четыре кургана — Перепет, Перепетовку, Великую могилу и курган на Невеселовском поле¹. В середине XIX в. киевские историки и сопровождавший их художник — Тарас Шевченко — отыскиали и Перепет, и Перепетовку. Их раскопали и обнаружили типичные скифские захоронения².

Пять раз, под 1093, 1095, 1149, 1151 и 1169 гг., Повесть временных лет упоминает о длинных валах, расположенных к югу от Киева³. До сих пор не выяснено, когда они были возведены, но из летописи видно, что в XI—XII вв. валы не имели стратегического значения. О них говорится как о приметах, помогающих уточнить место действия (в одних случаях — «межи валома» в других — «по валови»), а вовсе не как об оборонительных линиях.

Более поздние источники используют в качестве ориентиров и наскальные изображения бронзового века в Прикамье⁴, и половецких «девок каменных» в причерноморских степях⁵.

Народ не только замечал разнообразные археологические объекты, но и пытался решить, каково их происхождение. Иногда это не составляло труда. Обычай насыпать курганы

Каменный лабиринт («вавилон») на Большом Заяцком острове
Соловецкого архипелага

Фото Ю. А. Савватеева

над погребениями во многих районах держался очень долго. Для современников татарских набегов не было ничего загадочного и в укреплениях на береговых мысах и отдельных холмах. Поэтому курганы, где не хоронили ни деда, ни прадеда, и городища, где на памяти тех же дедов никто не жил, всюду признавали за старинные могилы и поселения. Не так легко решался вопрос о рисунках на камне и о костях мамонта. Поражали также особенно большие курганы, огромные по протяжению валы под Киевом — следы древней жизни, превосходившие по размерам сооружения средневековой Руси. Объяснить, как появились такие памятники, можно было, только рассказывая о великанах или нечистой силе.

Предания и легенды, зафиксированные фольклористами уже в XIX—XX вв., достаточно полно отражают народные представления о древностях. В Белоруссии и на Украине распространены поверья о великанах-волотах. В костях мамонта, нередко встречающихся в оврагах и при рытье колодцев, видят останки этих гигантов⁶. Точно так же оценивает находку громадных костей в Воронежском крае грамота 1684 г.⁷ Отсюда же названия урочищ «Волотова могила», «Волотово городище», отмеченных в Книге Большому Чертежу, западнорусское наименование курганов «волотовки», известное по документам XVI—XVII вв.⁸

Интересна легенда о валах, знакомых нам по Повести временных лет⁹. Оказывается, это — отвал борозды, проведенной плугом, в который запряг грозившего Киеву дракона — Змия — богатырь Кирило Кожемяка. Другой вариант этого эпического сюжета мы найдем в летописи: молодой кожевник, обладающий чудовищной силой, демонстрируя ее, вырывает кусок мяса у разъяренного быка, а затем побеждает в единоборстве страшного печенежина и спасает киевлян от исконных врагов¹⁰.

Легенда о характернейших археологических памятниках Беломорья I тысячелетия до н. э. — каменных выкладках в виде лабиринта¹¹ — сохранилась в записи XVI в. В 1592 г. русские дипломаты Григорий Борисович Васильчиков и князь Семен Григорьевич Звенигородский приехали в Коулу для переговоров с послами Христиана IV о русско-датской границе в Лапландии. Выясняя, где шла древняя межа русских и норвежских владений, Васильчиков и Звенигородский услышали предание о карельском богатыре Валите, служившем Новгороду Великому и победившем «Норвежских немцев»: «А в Варенге, на побоище немецком, где Варенской летней погост, [Валит] на славу свою принесши с

берегу своими руками, положил камень, в вышину от земли есть и ныне больше косые сажени, а около него подале выкладено камнем как бы городской оклад в 12 стен, а назван был у него тот оклад Вавилоном. А в Коле, где ныне острог, обложено было у него камнем в 12 стен тем же обычаем, и тот камень, что в Варенге, и посейчас словет Валитов камень, а что было в Коле — развалено»¹². Может быть, Валит — тот же «волот», как думал А. Н. Веселовский¹³, но не исключено, что это легенда о реально существовавшем лице. В новгородских летописях XIV в. упоминаются два воеводы Валита¹⁴.

Предание о лабиринтах заинтересовало послов неспроста. Они усмотрели в нем лишнее доказательство русских прав на Лапландию и впервые в истории России поставили археологические памятники на службу политике.

В 1603 г. И. С. Ржевский подал датским послам новую грамоту: «И Лопская земля вся изстари к нашей отчине, к Новгородцкой земле, а взял ее войною наши отчины Новгородцкого пригорода корельской державец именем Валит, тож и Варент, а русское имя его Василей, которого и ныне есть в тех местах на Мурманском море в его имя городище Валитово и иные признаки, как вам о том подлинно объявлено»¹⁵.

С подвигами другого героя — былинного Александра (Алеши) Поповича — связывала Тверская летопись под 1534 г. городище и курганы на р. Ишна под Ростовом¹⁶.

Итак, дожившие до наших дней легенды о курганах — могилах богатырских и городищах — «жилье богатырском»¹⁷ знало еще русское средневековье. Не менее популярно другое объяснение тех же памятников. Они якобы скрываютклады, зарытые разбойниками¹⁸. Это тоже древние легенды.

Таинственный клад из «латинских сосудов», спрятанный в Воряжской пещере под Киевом, фигурирует уже в Печерском патерике середины XIII в.¹⁹ Целый ряд сыскных дел XVII столетия посвящен поискам «кудеяровой поклажи» — сокровищ разбойника Кудеяра — в курганах и городищах Курской, Воронежской, Мценской округ²⁰.

Часто народ принимал остатки старины за следы определенных исторических событий. В укреплении XIV в. в Малоярославце видят батарею 1812 г., в украинских курганах — кладбища шведов из войска Карла XII. Если на рубеже XVI и XVII вв. сооружение лабиринтов приписывали Валиту, то в минувшем столетии это забытое имя заметили имена Петра I и Пугачева. Свежие впечатления засло-

нили более отдаленное прошлое.

В районах, которые были освоены русскими относительно поздно, — на европейском Севере и в Сибири, распространены легенды о древнейшем населении «чуди», обитавшем на городищах, хоронившем покойников в курганах, добывавшем медь и золото в горах²¹. «Чудскими копиями» интересовались уже наши землепроходцы XVII в.

Отразилась в легендах и вера во всякую нечисть. Гранитный мыс с неолитическими петроглифами на Онежском озере получил название «Бесов нос». Самую крупную из фигур, выбитых на камне, сочли изображением беса. В XIV

или XV в. монахи Муромского монастыря нанесли на скале поверх этой фигуры крест и монограмму Христа²².

Таким образом, на протяжении ряда столетий простые русские люди не раз проявляли любопытство к археологическим памятникам и желание их осмыслить. В этом наивном осмыслении есть и крупицы истины. Курганы всегда рассматривались как старинные могилы, а городища — как заброшенные укрепления. Когда в начале XIX в. З. Ходаковский приступил к научному изучению городищ, он думал, что это места культа. Курганы тогда же нередко считали сторожевыми вышками. Народная молва оказалась более верной, чем мнение основоположников славянской археологии.

Упоминания о древностях рассеяны по летописям и документам XI—XVI вв. более или менее равномерно. В литературе XVII в. число таких упоминаний резко возрастает. Период постепенного накопления новых элементов, которые в Петровскую эпоху неузнаваемо изменили лицо России, должен войти с той же характеристикой и в историю археологии. Грамотей XVII столетия говорят о памятниках уже не между прочим, а совершенно умышленно, описывая одну

Крест XIV—XV вв., выбитый
поверх неолитических паскальных
изображений в урочище
Бесов нос на Онежском озере

По В. И. Равдоникасу

за другой достопримечательности какой-нибудь области.

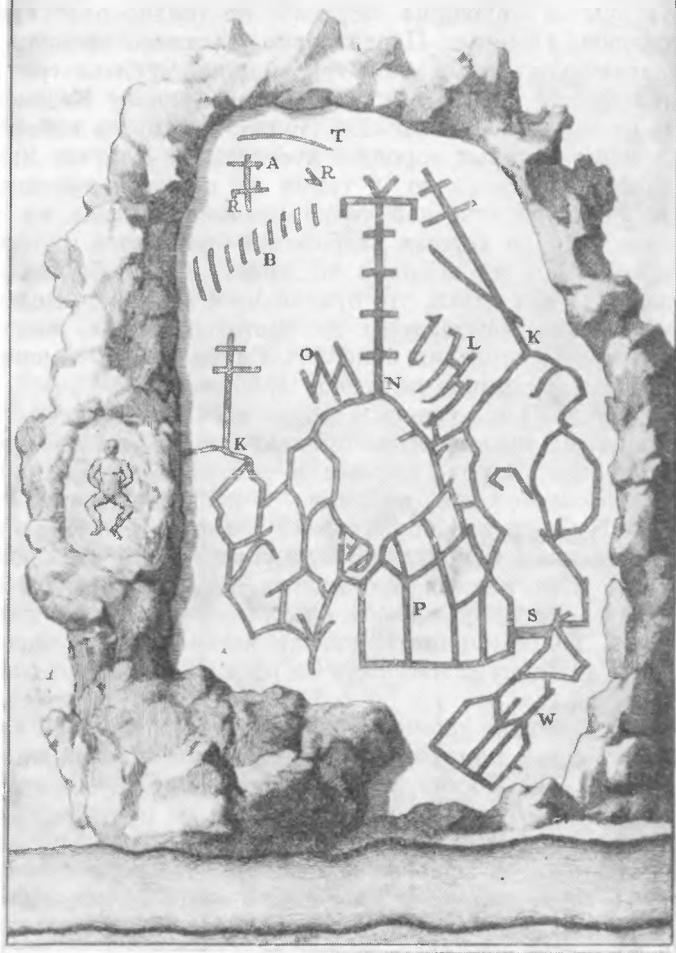
В Книге Большому Чертежу 1627 г. указаны десятки городищ и курганов и несколько каменных изваяний²³. В Чертежной книге Сибири С. У. Ремезова и в дневнике путешествия Николая Спафария от Тобольска до границ Китая 1675 г. мы найдем сведения о развалинах городов, писаницах, могильниках²⁴. В дипломатических актах попадают известия и о чужих краях: о городище Урцеки в Дагестане²⁵, уйгурских крепостях в Туве²⁶ и т. д.

Другая важная новость — стремление «прощупать» как следует все эти памятники и извлечь из них некую пользу. В XVII в. массовым явлением стали грабительские раскопки. Пострадало великое множество остатков старины. И все же археология кое-чем обязана кладоискателям. Благодаря им удалось получить самые первые, примитивные представления о том, что содержится в курганах и холмах, окруженных валами. Наиболее раннее описание городища дал в 1664 г. землянский воевода, посланный проверить, правда ли, что поп Киприан выкопал клад на р. Ведуга: «В давних годах был не то вор и разбойник Кудояр... И воровски де он большую казну собрав, стоял городком в степи... Промеж двух гор лог насыпан землею, а длина той насыпи 85 сажен, поперек 12, а инде и 10 сажен, а сыпана в тот лог земля слоями — глина красная и серая и чернозем под глиною»²⁷.

Находки вещей из драгоценных металлов в курганах и на городищах Средней России столь редки, что в этом районе золотая лихорадка угасла очень скоро. Не то было в Сибири, где в начале железного века и в тюркское время вместе с покойником достаточно часто закапывали его сокровища. Здесь уже в XVII столетии из года в год целые артели «гулящих» людей на все лето отправлялись в степь разрыть могильные «бугры»²⁸. При таких масштабах работ сибирские «бугровщики» имели возможность сделать больше археологических наблюдений, чем их курские и воронежские коллеги. По словам Г. Ф. Миллера, они хорошо знали, в погребальных сооружениях каких типов золото встречается, а в каких — нет²⁹. Именно поэтому захоронения первобытной эпохи в Сибири разрушены относительно редко, а более поздние — почти всегда. Еще до раскопок кладоискатели могли сказать, что заключено в земле, — срубы из лиственницы или каменные конструкции. Существовала даже своеобразная классификация надгробий: строго различались «чудские» и «калмыцкие» могилы, «маяки», «сланцы» и «курганы»³⁰.

D. 139

*Sibiersche Krays-berg, anders de klip van Pisanets ge-
naamt, niet verre van de stad Vergaturia gelegen*

Писаница на р. Ирбит.

Копия Я. Лосева 1699 г. Из книги Н. Витсена

Так в погоне за золотом был замечен ряд деталей чисто археологического характера. Это в какой-то мере подготовило исследовательский подход к памятникам в XVIII в. Недаром все, кто писал тогда о сибирских древностях, ссылались на сведения, полученные от «бугровщиков».

Курганы и городища портили не только охотники за «кудеяровой казной». Параллельно делались попытки использовать культурный слой городищ для добычи селитры. В связи с этим в 1630 г. царь повелел приказу Казанского дворца отыскать в Тобольском, Томском и других сибирских уездах места «старых городищ и селищ»³¹. Для тех же целей применяли нередко и грунт из насыпей курганов³².

С сугубо практической точки зрения обратили на себя внимание остатки горных разработок бронзового и раннего железного веков в Сибири и на Урале. И. И. Лепехин утверждал в 1760-х годах, что буквально все русские медеплавильные заводы поставлены на месторождениях, выявленных по следам «чудских копей»³³. Специальные поиски таких забытых рудников вели еще в Московской Руси³⁴.

Итак, в XVII в. древности упоминают все чаще и стараются найти им практическое применение. Но для нас это не самое главное. В ряде случаев и смотреть на них стали иначе, с бескорыстным, подлинно исследовательским интересом. С. Н. Замятнин опубликовал грамоту 1684 г., вызванную сообщением о находке гигантских костей в Воронежском крае. Конечно, их приняли за ноги «волога». В царском указе курскому воеводе предлагалось «ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеже начертить»³⁵.

В 1663 г. издана грамота 1699 г., где верхотурский воевода К. П. Козлов поручает подьячему верхотурской приказной палаты Я. Лосеву и стрельцам П. Сапожникову и П. Коптыреву отправиться в д. Писапец на р. Ирбит, чтобы найти «гору, на которых каменьях написаны слова и иные какие письмена. А приехав к той горе, тою гору осмотреть и описать сколь велика и высока и в котором месте на камени писаны слова иль иные какие письмена и сколь высоко... от воды и сколько написано слов, написать на чертеж тою гору и подписать слова слово в слово, ничем не разно и во всем сходно». Копия с наскальных изображений была снята и в начале XVIII в. воспроизведена в книге голландца Николая Витсена о Сибири³⁶. Таким образом, на рубеже XVII и XVIII столетий в России уже считали нужным фиксировать отдельные особо примечательные памятники прошлого.

Подведем итоги. Для допетровской эпохи о предыстории археологии можно говорить без всяких натяжек. В ту пору были известны курганы и городища, клады и лабиринты, надмогильные изваяния и рисунки на скалах, горные разработки — «чудские коши». Древние поселения, не имевшие признаков на поверхности, обнаружили лишь специалисты-археологи в конце XIX в. Но два вида находок на стоянках привлекали внимание гораздо раньше. Это — останки великанов, т. е. кости мамонта, и каменные «громовые стрелы». Поверья о том, что кремневые наконечники образуются при ударе молнии в землю и обладают целебными свойствами, распространены по всему Старому Свету. У нас эти представления были уже в средневековье. О «громовых стрелах» упоминают Травники, Кормчие книги, Домострой, Луцидариус³⁷. В слое XIV в. в Новгороде Великом найден амулет — наконечник неолитического копья в медной оправе с изображением процветшего креста. Есть такие амулеты и в погребениях вятичей, и во Владимирских курганах³⁸.

Искать древности в земле на Руси научились задолго до академиков XVIII в. и даже задолго до «бугровщиков». В 1420 г. в Пскове был мор. Чтобы прекратить его, посадники решили отрыть фундамент давно разрушившейся церкви Власия. Горожане купили «двор Артемьев», снесли постройки и, заложив раскоп, «обретоша престол»³⁹.

Уже в XVI—XVII вв. следы далекого прошлого хотели осмыслить в широком плане, установить их связь с жизнью общества. Наметилось несколько линий: памятники на службе политики; памятники, важные в практическом отношении; памятники-реликвии.

Итоги значительней, чем можно было ожидать. Но как еще далеко отсюда до науки! Остались непонятыми не толь-

Неолитический наконечник копья, использованный как амулет в XIV в. Из культурного слоя Новгорода Великого

По М. В. Седовой

ко кремневые орудия и кости мамонта. Столь же фантастические объяснения получили и самые немудреные старинные предметы, почти не отличающиеся от современных. В Ипатьевской летописи говорится, что в Ладоге бывает «туча велика и находят дети наши глазки стеклянные и малыи и великыи, провертаны, а другие подле Волхова берут, еже выполоскывает вода». Обыкновенные бусы, вымывавшиеся дождем из мощных отложений Ладожского городища, для летописца — великая загадка. Они, как град, выпадают из «тучи великой»⁴⁰.

О происхождении других древностей судили правильно, но ценность их совершенно не осознавалась. В 1626 г. в кургане под Путивлем были выкопаны золотые и серебряные вещи, вероятно, I тысячелетия н. э. Их переплавили и отдали золото и серебро «на церковное строение»⁴¹. Голландец Витсен рассказывает о двух поразивших его случаях. В 1688 г. боярин Головин вытащил из разрушенной могилы в обрыве Иртыша серебряный сосуд с изображениями. «Боярин велел его вызолотить по причине редкости работы и места, где он его нашел». Еще печальнее была судьба добычи «бугровщиков» под Тобольском: «Господин Салтыков из такого найденного в могилах серебра велел сделать себе саблю на память об этом замечательном обстоятельстве»⁴². Случаи характерные: остатками старины интересуются, но их еще не берегут.

Правда, в XVII столетии уже существовала Оружейная палата, где более века сохранялись многие реликвии. А. В. Арциховский назвал Оружейную палату первым нашим музеем и отвел ей видное место в истории археологии⁴³. Все же это явление совершенно другого порядка. В кремлевской сокровищнице мы увидим золотую и серебряную посуду, доспехи и одежды знаменитых деятелей Московского царства, известных потомкам хотя бы по рассказам. Совсем иное дело — предметы, извлеченные из земли, оставленные неведомыми народами. Для того чтобы сохранять такие находки, и тем более для того чтобы начать собирать их, русским нужно было пройти еще немалый путь.

Самые ранние сведения о древностях, уцелевших от переплавки в частных руках, встречаются только в дневнике путешествия по Сибири Д. Г. Мессершмидта 1720—1727 гг.⁴⁴ Даже если единичные коллекции появились в XVII в., независимо от указов Петра о доставке раритетов в Кунсткамеру, картину в целом это не меняет.

XVII век еще спокойно смотрел на разграбление тысяч курганов и выработку селитры из культурного слоя горо-

дищ. Чаще всего простое любопытство, а иногда и корысть — вот те чувства, которые определяли отношение к памятникам археологии в допетровскую эпоху.

II

Предыстория русской археологии закончилась вместе с XVII столетием. Первая четверть XVIII в. ознаменовалась такими достижениями, что нужно говорить уже о возникновении у нас этой науки. В 1710—1720-х годах начались и планомерные розыски древностей для нового музея — Кунсткамеры, и раскопки курганов с чисто исследовательскими целями, и невозможные в предшествующую эпоху реставрационные работы на средневековом мусульманском комплексе в Болгаре. Все эти достижения связаны с деятельностью Петра I. Стремясь поднять культуру России на европейский уровень, он не только отправлял недорослей учиться за рубеж, издавал переводные книги и приглашал в Петербург пемецких профессоров, но и пытался наладить собрание, изучение и охрану памятников прошлого в нашей стране.

Поворотным пунктом в истории археологии принято считать указ 1718 г. о покупке редкостей для Кунсткамеры. Но аналогичные предписания были, по-видимому, и раньше. Вряд ли случайно в 1707 г. в Петербург привезли восточные монеты из клада, найденного в Киеве, а несколько монет поспешили отослать к царю в действующую армию⁴⁵. В 1716 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин доставил Петру ряд «чудских» ювелирных изделий, ссылаясь на его повеление «приискать старых вещей... в земле древних поклаж». Можно догадываться, что это повеление относится к 1715 г., когда заводчик А. Н. Демидов поднес Екатерине коллекцию сибирского курганного золота⁴⁶. Но, вероятно, и этот подарок был сделан с учетом интересов царя.

Наконец, 13 февраля 1718 г. вышел знаменитый указ о Кунсткамере. Вот строки, наиболее важные для нас: «Ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменя необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным; также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье (т. е. оружие.— А. Ф.), посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно,— такожь бы приносили, за что будет довольная дача»⁴⁷.

Развалины так называемой Белой палаты в Болгаре
Литография из альбома А. Н. Демидова по рисунку А. Дюрана 1839 г. (ГИМ)

Петр I в музее древностей Якоба Вильде в Амстердаме
Гравюра Марии Вильде 1700 г.

В особой записке 1718 г. Петр уточнил размеры «дачи» и добавил: «Один гроб с костми привезть, не трогая. Где найдутца такие, всему делать чертежи»⁴⁸. Спасти от переливки золотые и серебряные предметы, вырытые «бугровщиками», должно было еще одно разъяснение 1721 г.: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать... и, не переплавливая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию»⁴⁹.

В 1719 г. из Петербурга отправилась в Сибирь первая научная экспедиция во главе с приглашенным из Данцига доктором Мессершмидтом. Ему было поручено «приискать... могильных всяких древних вещей, шейтены медные и железные и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под писмом»⁵⁰.

В 1722 г., отправляясь в Персидский поход, царь специально заехал из Казани на развалины Болгара. При осмотре городища он обратил внимание на плиты с надписями и захотел, чтобы их скопировали, а прибыв в Астрахань, обязал казанского губернатора реставрировать «грозящие упадком строения и монументы» и следить за их состоянием впредь⁵¹.

Упомянем еще запрос псковскому губернатору в 1723 г. о монетах князя Игоря, якобы обнаруженных в городе (это были копейки Ивана Грозного с ошибочно прочтенной сокращенной надписью «И государь»). Монеты были затребованы в Петербург⁵².

Семь распоряжений о древностях за восемь лет, и каких лет! Указ о Кунсткамере появился в дни процесса над царевичем Алексеем, реставрация Болгара организована в начале труднейшей кампании на Кавказе. Но это не сумасбродство, не прихоть самодержца. Перед нами четкая программа научных исследований. Каковы же ее истоки?

И в молодые годы в Голландии, и при позднейших поездках за границу Петр не раз бывал в музеях и мюнцкабинетах. Известна голландская гравюра 1700 г., изображающая царя, разглядывающего в музее Якоба Вильде коллекцию монет и античную статуэтку⁵³. В другом амстердамском доме, у бургомистра Витсена, можно было увидеть и раритеты из сибирских курганов. Такой же музей редкостей император мечтал создать в новой столице своего государства.

Но было бы ошибкой свести дело к простому заимствованию идей извне. Антикварию XVIII столетия разбирались в римских памятниках уже неплохо, но с сибирскими — едва успели познакомиться, а в болгарских или русских — не смыслили совсем. Между тем, в России сибирская старина

издавна возбуждала любопытство. Уже в грамотах 1684 и 1699 гг. мы встречаем слова о чертежах, повторенные в записке 1718 г. Очевидно, знания, приобретенные на Руси в XVII в., не пропали даром.

Мероприятия, заложившие основы археологии в России, характеризуются, таким образом, теми же чертами, что и вся деятельность Петра: здесь и уроки, взятые на Западе, и развитие глубоких местных традиций, и личный вклад гениального человека, опередившего эпоху в целом. Возникновение научной археологии — это одна из сторон гораздо более широкого явления: рождения великой русской культуры нового времени. Судьбы их и в дальнейшем неразделимы.

Как ни ничтожны были преемники Петра, движение вперед продолжалось по намеченному уже направлению. Не прекращалось и археологическое изучение страны.

Кунсткамера горела, погибали ее уникальные экспонаты, но музей не закрывался, отстраивался и быстро пополнял свой коллекционный фонд. Волжские руины разрушали лучше прежнего. Как и раньше, переплавляли сибирские сокровища «бугровщики». Но и тут, и там проводили поиски древностей, снимали планы городищ, делали зарисовки каменных баб, раскапывали курганы.

О заветах Петра не забывали. Когда в 1751 г. Академия наук послала студента Михаила Коврина проверить сообщение о развалинах близ д. Студенец Воронежской губернии, ему дали как руководство выписку из указа 1718 г.⁵⁴ В 1753 г. академик И. И. Тауберт предлагал периодически оглашать этот указ, чтобы и в дальнейшем в столицу присылали всякие находки⁵⁵.

Сбор сведений о всевозможных археологических объектах был поставлен в XVIII в. очень широко. В. Н. Татищев, а затем и М. В. Ломоносов подготовили инструкции по этому вопросу для геодезистов⁵⁶. Пользуясь анкетой Татищева, геодезисты В. и И. Шешковы уже в 1730-х годах зафиксировали в Сибири немало новых памятников⁵⁷. В апреле 1771 г. Сенат рекомендовал землемерам отмечать в своих журналах курганы, пещеры и развалины⁵⁸. Регистрация остатков старины в связи с географическим изучением России дала хорошие плоды. Записи XVIII столетия не раз служили источником для археологической карты⁵⁹.

Другое важнейшее начинание той же эпохи — длительные экспедиции «по разным провинциям Российской империи». Задуманные еще при Петре, эти «ученые путешествия» достигли особенного расцвета позднее, когда их взяла в

свои руки Академия наук. Огромный вклад в археологию сделан десятилетней сибирской экспедицией Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина в 1733—1743 гг. Множество ценных сообщений разбросано по страницам трудов Н. П. Рычкова, И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева, И. Г. Георги, И. А. Гильденштедта, П. С. Палласа⁶⁰.

Рядом с русскими именами мы упомянули и немецкие. Поневоле придется коснуться темы, вызывающей ожесточенные споры еще со времен Ломоносова. Кое-кто доказывал, что знания в подлинном смысле этого слова в России насадили именно немцы. По другой версии они, напротив, всячески мешали сложению нашей науки и готовы были на любую фальсификацию, чтобы протащить пресловутую норманнскую теорию. Даже в 1955 г. писалось, что немецкие ученые принесли «не столько пользы, сколько вреда»⁶¹. Как это нередко бывает, истина находится посередине.

Мессершмидт и Миллер пришли не на пустое место. Сибирские курганы и развалины, каменные бабы и рисунки на скалах уже 100 лет занимали воображение Московской Руси. В XVII в. их часто описывали, а иногда и «на чертеже чертили». Собирая в глубинах Азии коллекции для Кунсткамеры, Мессершмидт только старательно выполнял задания Петра I. Миллер и Паллас неизменно расспрашивали сибирских крестьян о содержимом погребальных сооружений разных типов. Но умением сравнивать новые археологические факты с десятками ранее известных обладали на первых порах одни иностранные ученые. Некогда верхотурский воевода Козлов снабдил подьячего Лосева и стрельцов Сапожникова и Коптырева весьма дельными указаниями об исследовании наскальных изображений на Ирбите. Но ни Козлов, ни стрельцы, ни Лосев до этого никогда не сталкивались с такой работой. Помочь им могла лишь природная наблюдательность. Петербургские академики подходили к остаткам былых веков вооруженные разнообразными специальными сведениями. Статья Палласа «Рассуждение о старинных рудных коях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских»⁶² основана на всестороннем сопоставлении наших памятников с зарубежными. Не Паллас, а русские люди XVII столетия обнаружили «чуждые рудники», но изучить их по-настоящему землепроходцы не могли. Разумеется, им было недоступно и использование античных источников или этнографических данных для интерпретации древностей. Вот почему роль Миллера, Гмелина, Палласа в истории археологии надо считать сугубо положительной.

Еще очень долго по инерции прибегали у нас к дедовскому приему решать загадки минувшего административным путем. «В Сибири научные изыскания делаются крайне просто,— повествовал Н. М. Ядринцев уже в 1883 г.,— Нужно ли коллекцию для выставки составить, минерал разыскать, древности описать, достаточно дать предписание исправнику,— все будет сделано. Каменный век было поручено открыть Т-скому исправнику»⁶³. Чем не эпизод XVII столетия? Но не этими курьезами определяется лицо русской науки того времени. Уже ко второй половине XVIII в. наши ученые овладели всеми методами исследования археологических памятников, применявшимися в ту эпоху. Сочинения Лепехина, Рычкова, Зуева ни в чем не уступают трудам Гмелина и Георги.

Бесспорно, что познание далекого прошлого началось на Руси до появления немецких профессоров, но столь же бесспорно, что они немало способствовали превращению археологии в науку. Нет оснований брать под сомнение и личную добросовестность Миллера или Палласа. Материал они собирали, не покладая рук, и фиксировали его очень тщательно. Бросим же беглый взгляд на достижения ученых XVIII в., как русских по рождению, так и иностранцев, отдававших свои знания России.

Первое, что мы увидим,— это расширение круга источников. Наряду с курганами и городищами, каменными бабами и чудскими копьями все больше внимания уделяют древней архитектуре и эпиграфике. После кратких посещений Болгара Петром и Татищевым здесь основательно поработала экспедиция Лепехина. В его «Записках» охарактеризованы 44 постройки на городище (этот раздел принадлежит Озерецковскому, тогда студенту, а в будущем академику) и издан перевод 50 арабских и армянских эпитафий⁶⁴. По заданию И. И. Шувалова и директора Казанской гимназии М. И. Веревкина молодой Г. Р. Державин целое лето 1761 г. прожил в Болгаре, снял его план, срисовал надписи с надгробий и привез оттуда коллекцию монет и глиняной посуды⁶⁵. Мессершмидт скопировал «рунические» начертания на двух изваяниях в Хакасии, впервые познакомив историков и филологов с тюркской енисейской письменностью⁶⁶. Помимо кремневых наконечников стали замечать и другие неолитические предметы. В зарисовке Мессершмидта до нас дошло каменное изображение рыбы с р. Караульная — находка, типичная для неолита Прибайкалья, но редкая для бассейна Енисея⁶⁷.

Древности из сибирских курганов

Рисунок 1734 г., приложенный к сочинению В. де Геннина
об уральских и сибирских заводах (ГИМ)

Древности из сибирских курганов

Рисунок 1734 г., приложенный к сочинению В. де Геннина
об уральских и сибирских заводах (ГИМ)

Памятники, оставшиеся ранее непонятыми, теперь правильно объяснены. Уже Мессершмидт пишет о костях мамонта, а не мифического волота. В 1731 г. в приложении к «Санкт-Петербургским ведомостям» была напечатана статья «О перунах или громовых стрелах», утверждавшая, что «они у наших древних предков вместо военного оружия были»⁶⁸. О том же можно прочесть и у Миллера: «Вне могил встречаются в земле... секиры древних, или так называемые громовые стрелы, да камешные наконечники стрел и долота, сделанные из агатов и яшмы»⁶⁹.

Напомню, что всего за год до статьи «О перунах» Парижская Академия осудила Н. Магюделя, также предполагавшего, что острия из кремня — это оружие первобытных времен.

В XVIII в. кладоискательские раскопки постепенно сменяются исследовательскими. В 1722 г. Мессершмидт захотел «узнать, каким образом эти язычники в старину устраивали свои могилы»⁷⁰, и разрыл несколько насыпей у Абаканска. В 1734 г. Миллер изучал курганы близ Усть-Каменогорска, желая «усмотреть внутреннее их состояние и положение костей»⁷¹. В 1763 г. генерал А. П. Мельгунов нашел богатейший скифский комплекс в Литой могиле под Елисаветградом. В 1772 г. погребальными сооружениями Сибири занялся Паллас, дабы «иметь некоторое понятие о внутреннем их состоянии»⁷².

Из находок XVII в. не уцелело ни одной. От XVIII столетия сохранилась «сибирская коллекция Петра I» — более 200 украшений VII в. до н. э. — II в. н. э., выполненных в зверином стиле⁷³.

В экспедициях велась графическая документация. Все путешественники изображали в дневниках писаницы и каменные изваяния. Мессершмидт делал даже какие-то «эскизы» курганов. Рычков, Миллер и Зуев снимали планы городищ. К сочинению генерала В. де Геннина о сибирских и уральских заводах (1734 г.) приложены таблицы с рисунками золотых, серебряных и бронзовых вещей из грабительских раскопок между Обью и Иртышом и чертеж кургана с каменными склепами⁷⁴. Уже в Петербурге художники И. А. Соколов, Г. А. Качалов, М. И. Махасв зарисовывали предметы, поступившие в Кунсткамеру⁷⁵. В 1721 г. библиотечкарь Петра И. Д. Шумахер привез в Париж на консультацию с французскими учеными девять идолов из «земель калмыков». В 1724 г. эти статуэтки были изданы в монументальном своде Б. Монфокона «Древности, объясненные и представленные в картинах», охватившем около

Глиняный сосуд таштыкской культуры
из раскопок Д. Г. Мессершмидта,
хранящийся в Кунсткамере Петербургской Академии наук

Рисунок первой трети XVIII в. из Архива АН СССР

40 тыс. памятников искусства и быта из Греции и Италии, классического Востока и Западной Европы⁷⁶. Иллюстрации научных трудов — планы городищ Поволжья и Приуралья в «Журнале капитана Рычкова», гравюры причерноморских каменных баб в «Записках Василья Зуева» — явились первыми русскими археологическими публикациями⁷⁷.

Благодаря усилиям ряда ученых, об археологических памятниках России, в особенности о курганах, удалось получить достаточно четкое представление. К 1740 г. относится замечательный документ — обширная, из 100 пунктов, инструкция Миллера для адъютанта И. Э. Фишера. Покидая Сибирь, Миллер делился опытом со своим преемником, чтобы работа не началась заново, а развивала достигнутое в предшествующие годы. Инструкция раскрывает и то, что знал руководитель сибирской экспедиции, и то, в чем он видел ее задачи на будущее. Перечислив основные типы могильников, по крайней мере десяток, Миллер ставит перед Фишером самые разные вопросы. Надо выяснить и количество захоронений, и глубину их, и ориентировку, и есть ли при погребениях костяки овец и коней. Существенно, где лежат вещи, — в ногах или в головах. Не нужно

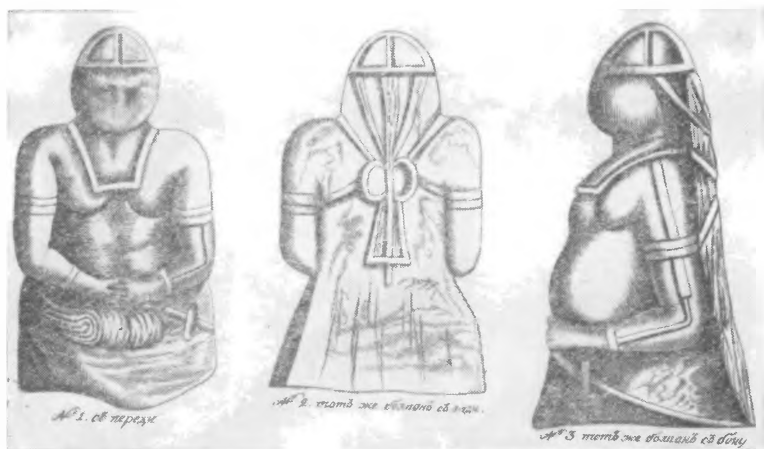
Украшения скифо-сарматского времени из сибирских курганов,
привезенные Д. Г. Мессершмидтом
и хранившиеся в Кунсткамере Петербургской Академии наук

Рисунок первой трети XVIII в. из Архива АН СССР

Вещи «из земель калмыков», привезенные П. Д. Шумахером
(первая публикация русских археологических
и этнографических коллекций)

Таблица из книги Б. Монфокона «Древности, объясненные
и представленные в картинах»
(Париж, 1724)

Половецкая каменная баба из района Чертомлыка
в Поднепровье

Рисунок из книги В. Ф. Зуева 1787 г.

увлекаться одними курганами; не менее любопытны городища, писаницы, развалины, изваяния, каменные орудия. Блеск сибирского золота не затмил для Миллера значения рядовых находок: «Глиняные сосуды не следует при этом оставлять без внимания»⁷⁸. Прогресс в изучении древностей за короткое 20-летие после петровских распоряжений поистине колоссален.

Полевыми наблюдениями и описаниями дело не ограничивается. Как и в Московской Руси, в XVIII в. старались понять характер и происхождение остатков старины. Но если раньше довольствовались легендами и преданиями, то теперь проводят научный анализ результатов раскопок. Сравнивая их с рассказами о тех же местах античных и средневековых авторов, пытаются определить, чьи это памятники, — скифов, сарматов или другого народа. Сопоставления еще неумелы. Даже искушенный в археологии и истории Миллер ошибся в этнической принадлежности скифского Мельгуновского кургана, отдав его почему-то уграм⁷⁹. Но это не так важно. Главное, что нащупан сам метод, а триумфы его впереди — в XIX и XX столетиях.

Используются и этнографические данные. По современным обычаям Миллер догадался, зачем зарывали вещи в курганы: якуты и индусы убеждены, что на том свете по-

койнику пригодится его имущество; так же думали и древние обитатели России⁸⁰. Знакомство с живым каменным веком у камчадалов помогло нашим ученым вернее, чем Парижской Академии, объяснить, что такое «громовые стрелы»⁸¹

Как видим, по сравнению с XVII в. успехи очень значительны. С предысторией науки покончено. Это уже ее начальный этап. И все же русской археологии не хватало еще многого.

Крайне показательны выбор районов для исследования. Почти всегда речь идет о Сибири, где побывали и Мессершмидт, и Шинковы, и Миллер, и Гмелин, и Георги, и Паллас. На втором месте — Поволжье и Приуралье — район работ Татищева, Рычкова, Георги, Палласа, Ленехина. Не остался в стороне и Кавказ. Участников Персидского похода Петра I поразили 40-километровые Дербентские стены. Сподвижник царя Дмитрий Кантемир снял план укреплений и сделал их описание. Его сын, поэт Антиох Кантемир, передал эти материалы академику Г. Байеру, а тот опубликовал о них статью⁸². На барельефе «Склонися древний Дербень вечному в славе Петру» А. К. Нартов и К. Б. Растрелли довольно точно воспроизвели облик знаменитой крепости VI в. н. э.⁸³ Средневековые памятники Предкавказья изучали Татищев⁸⁴ и Гильденштедт⁸⁵. кое-что было сделано даже на Севере. Гмелин отметил неолитические находки в Приладожье⁸⁶, Ленехин — селища в Мезенской округе⁸⁷. Близ устья Колымы капитан Г. А. Сарычев раскопал покинутые землянки аборигенов, употреблявших еще каменные орудия⁸⁸.

И наряду со всем этим — полное пренебрежение к древностям Средней России, в том числе и к собственно русским. Это весьма характерно. Успехи науки XVIII в. в области археологии не надо преувеличивать. Здесь была изряд-

Герард Фридрих Миллер
Единственный сохранившийся
его портрет XVIII в.

ная доля любопытства к азиатской экзотике, к «куриозитам» таинственного Востока. В сибирских краях, населенных «дикими инородцами», нет-нет, да и сталкиваешься со следами какой-то высокой культуры — с произведениями искусства из золота, с письменами и развалинами. Тут есть над чем поразмыслить. Что же касается городищ и курганов где-нибудь под Новгородом или Смоленском, то они примелькались всем, кто ездит по стране; кроме черепков, в них ничего не находили. Это что-то обыденное и вряд ли заслуживающее внимания.

Собирая и комментируя наши летописи, ученые XVIII в. еще не предполагали, что раскопки курганов и городищ способны прояснить многие темные вопросы русской истории. Археологический метод исследования прошлого применялся очень ограниченно, в основном там, где письменные источники вообще отсутствовали. И в распоряжениях Петра I, и в анкете Татищева усиленно подчеркивалась особенная ценность предметов с надписями. Только расшифровав их, надеялись решить загадки сибирской старины. Заставить говорить вещи в XVIII в. еще не умели.

С этим непосредственно связано и представление о синхронности любых, даже резко различных археологических памятников. Насколько они сложны и многослойны, постичь удалось нескоро, хотя в верных наблюдениях не было недостатка. Миллер писал, что в енисейских курганах находят вещи только из красной меди, и делал вывод: «Народ, похоронивший там своих покойников, может быть, не знал употребления железа. Следовательно, сии могилы гораздо старше прочих»⁸⁹. Отсюда как будто рукой подать до периодизации К. Томсена: железному веку предшествует бронзовый. Но в той же статье Миллер рассуждает, какому племени принадлежат все эти непохожие друг на друга погребения⁹⁰, а в «Истории Сибири» просто относит их скопом ко времени Чингисхана⁹¹. Подобное восприятие археологического материала в одной плоскости проходит через весь XVIII век и проявляется даже в начале и середине следующего — в публикациях Г. И. Спасского⁹² и Э. И. Эйхвальда⁹³.

Выдвигая на первый план отдельные меткие замечания Миллера и А. Н. Радищева, А. П. Окладников готов был увидеть в трудах русских ученых XVIII столетия законченную систему трех веков: каменного, бронзового и железного⁹⁴. Но для такого утверждения нет оснований. Никогда эта система не была выражена в целом, и при классификации коллекций к ней никто не прибегал. Обри-

совать даже грубые контуры истории культуры по ее немым памятникам наука XVIII в. была еще не в состоянии.

В ту пору археология тесно примыкала к географии. Правда, уже Татищев понимал, что «в древних могилах находятся старинные вещи, дивные и ко изъяснению истории весьма полезные»⁹⁵, а Миллер внушал Фишеру: «Главнейшая цель при исследовании древностей этого края должна, конечно, заключаться в том, чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его»⁹⁶. Это звучит по-современному, по это лишь декларация, программа на будущее, а не итог некой работы.

Отнюдь не случайно в XVIII в. курганы, городища и паскальные изображения выявляли главным образом геодезисты, а более детально изучали экспедиции, имевшие комплексный, но прежде всего географический характер; не случайно Ломоносов считал остатки прошлого одним из объектов географии⁹⁷. Изыскания такого рода были только частью всеобъемлющей науки — «землеописания». Из этой науки уже выделился ряд самостоятельных дисциплин. Существуют специальные физические, химические, астрономические лаборатории и кабинеты. Но археология еще не обособилась, кусочки ее вкраплены в громадный клубок недифференцированных знаний эпохи энциклопедизма. Для этой эпохи в полной мере характерен тот же регистрационный подход к следам былых веков, какой мы видели в предшествующем столетии в Книге Большому Чертежу и других аналогичных сочинениях. Все достопримечательности воспринимались как что-то чужое, неодушевленное. И неудивительно, — «язычники» Сибири, Урала, Кавказа были тогда далеки от русских. Еще более далекими казались свидетельства о жизни забытых предков этих народов.

К старым аспектам осмысления памятников в широком плане в XVIII в. добавилось всего два: памятник-раритет, который стоит зафиксировать в путевом журнале или сбере для музея, и памятник — исторический источник. Но это направление едва-едва намечалось.

Итак, в XVIII в. обнаружено немало ценных для науки фактов, проведены первые раскопки, собраны первые коллекции древностей, поднят вопрос об их охране. Создан первый музей — Кунсткамера. Впервые в литературе появились рисунки археологических находок и планы городищ. Нану-пывались методы интерпретации результатов раскопок путем сопоставления их с этнографическими данными и известиями античных авторов. По сравнению с XVII в. достижения огромны. Но многое еще предстояло сделать. Еще

не возник интерес к славянским городищам и могильникам; на них не смотрели как на подспорье для историка России. Курганы со скифским и сибирским золотом заслоняли от глаз исследователей поселения с их скромным инвентарем. Не были определены и задачи самой археологической науки.

III

В XVIII в. археологические штудии в России и в Западной Европе имели разную направленность. Не только в Италии, но и во Франции, Германии и Англии познание далекого прошлого началось с античной скульптуры, нумизматики и эпиграфики. Древности своей страны по сравнению с греческими и римскими казались чем-то третьестепенным, не заслуживающим серьезного внимания.

В России главным районом археологических исследований была Сибирь. Области, входившие некогда в эллинский мир, до 1770—1780-х годов лежали вне границ империи. Русскому обществу с давних пор были близки Гомер и Аристотель, Плутарх и Овидий, но о сокровищах искусства и материальной культуре античности оно почти всегда судило понаслышке. На Западе при желании можно было осуществить проект лорда Арандела «пересадить Грецию в Англию», т. е. перевезти в Лондон наиболее замечательные статуи и здания. У нас же покупка в Риме для Петра I «мраморного Венуса» превратилась в целое событие⁹⁸.

Любопытно, однако, как рано предчувствовали на Руси будущее знакомство с античностью. В 1655 или 1656 г. казаки-землепроходцы достигли устья Амура и увидели там средневековый храм (1413 г.). Сведения об этом сооружении при посредстве Спафария попали в Чертежную книгу Сибири Ремезова в такой неожиданной форме: «До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал, и колокол оставил»⁹⁹.

Но вот 200 лет назад северное побережье Понта Евксинского вошло в состав России, и археологи сразу же забросили восток и устремились на юг. Хоть и не надолго, на 40—50 лет, пути нашей и западноевропейской науки совпали.

Вопрос о памятниках Причерноморья был поднят еще в тот момент, когда там хозяйничала Порта. Мечтая о проливах и Константинополе, Екатерина II «возрождала былую славу Эллады» во всем, даже в названиях существовавших ранее крепостей и основанных на Черном море городов.

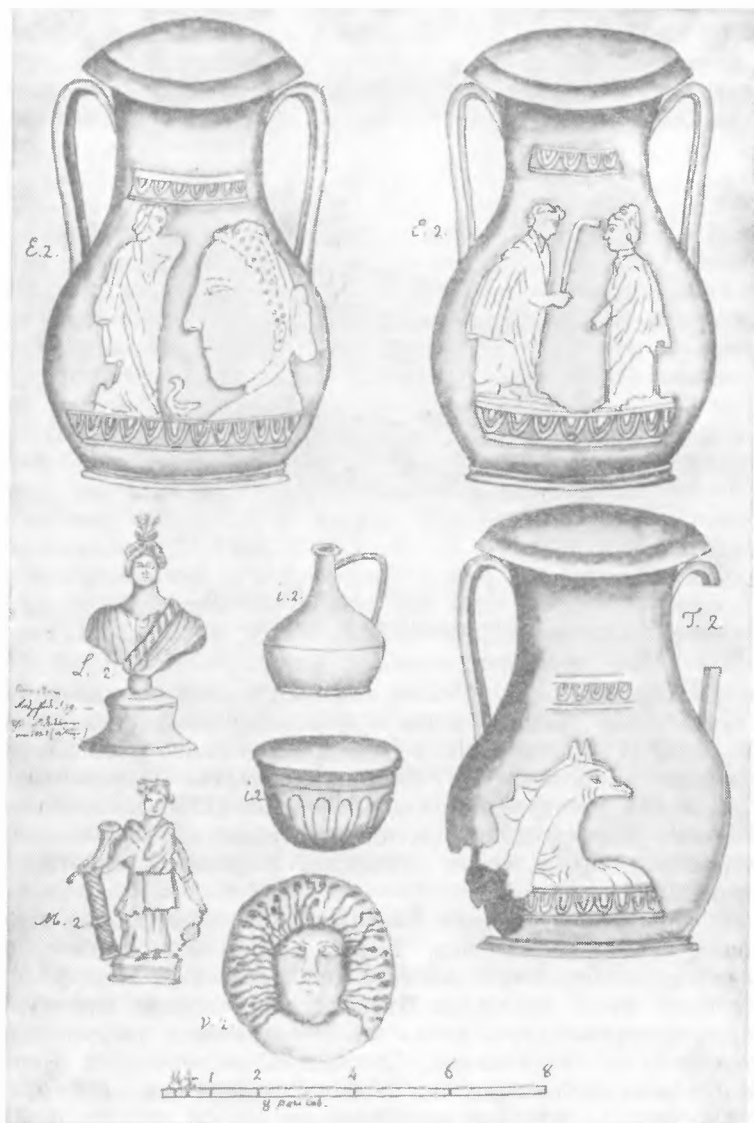
Политическая подоплека такого повышенного интереса к остаткам античной эпохи ясна, но, думается, пельзя ви-

Иван Алексеевич Стемповский
Портрет работы Э. Бюшади

деть в этом всего лишь спекуляцию. Русское командование в самом деле приняло меры к фиксации важнейших древностей. С 1772 г. до начала XIX в. было снято пять планов развалин Херсонеса¹⁰⁰. Благодаря карте Гераклеяского полуострова топографа Анания Строкова (1786 г.) советские историки античного хозяйства восстановили всю систему клеров — земельельческих участков Херсонеса, стертых в позднейший период¹⁰¹.

К концу царствования Екатерины русско-турецкие отношения стабилизировались. Теперь судьба археологических памятников перестала заботить правительство. Между тем, она была очень печальна. Интенсивное освоение Причерноморья сопровождалось столь же интенсивным разрушением Херсонеса и Пантикапея. Жители Севастополя и Керчи десятилетиями таскали на стройки камень из этих руин. К счастью, за толпами переселенцев на юг отправились и научные экспедиции, и любознательные дилетанты. В 1793—1794 гг. Паллас описывал достопримечательности Крыма и Тамани по той же программе, что и сибирские курганы, и уральские рудники¹⁰². Все чаще путешественники предпочитали Тавриду просторам Азии.

Находки в некрополе Паитикапей

Рисунки из дневника раскопок П. Дюбрюкса 1816—1817 гг.
(Архив АН СССР)

Это понятно. Загадочные «чуждые изделия» могли интриговать узкий кружок сотрудников Академии. Древности греков и римлян воспринимались как что-то свое, почти родственное всем просвещенным обществам, воспитанным на искусстве и литературе классицизма. Исследования в Причерноморье с каждым годом расширялись, а в Сибири — постепенно замирали. Больших экспедиций после Палласа здесь не было чуть ли не 100 лет. Массовые раскопки курганов возобновил только В. В. Радлов в 1860-х годах. Традиции XVIII в. некоторое время поддерживал еще Г. И. Спасский, издававший в 1818—1825 гг. «Сибирский вестник», а в 1825—1827 гг. — «Азиатский вестник». Он печатал тут статьи о рисунках на скалах, горных разработках и погребальных сооружениях, но это по преимуществу компиляции из материалов Миллера и Палласа. А потом и Спасский перебрался в Одессу и погрузился в занятия археологией Причерноморья.

Сюда нашу интеллигенцию влекла уже не восточная экзотика, а глубокое преклонение перед культурой античности. Многим хотелось отыскать здесь гробницу Овидия. Поэт В. В. Капнист, автор знаменитой «Ябеды», решил сам найти в Тавриде какие-либо свидетельства о древнейшем населении России и его творчестве. Предвосхищая мнение К. М. Бэра, он доказывал, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях¹⁰³. В мифических гиперборейцах Капнист усматривал предков русских, еще до нашей эры создавших независимую от греков изящную словесность¹⁰⁴. В 1819 г. Капнист совершил поездку в Крым, чтобы поглядеть на подлинные памятники. Он увидел и развалины городов, и курганы, но, что гораздо важнее, осознал, сколько их погибает при современном строительстве. В дальнейшем Капнист поручил изучение этих древностей и надзор за их сохранностью своему сыну. В 1821 г. в ответ на письма обоих Капнистов о вандализме в Крыму министр народного просвещения А. Н. Голицын командировал туда академика Е. Е. Кёлера и архитектора Э. Паскаля (автора решетки Александровского сада в Москве). На основании их заключения правительство выделило средства для реставрации Херсонеса и Пантикапея¹⁰⁵.

За раскопки под Керчью и на Тамани предприимчивые люди взялись еще при Екатерине. Пионерами в археологии Боспора, в отличие от Сибири, были не ученые, а военные: инженерный начальник Фанагорийской крепости Г. Фандер-Вейде (конец XVIII в.), генерал С. Г. Гангблов (1811 г.), полковник Я. Л. Парокия (1817 г.), начальник

гребной флотилии Н. Ю. Патиоти (1812 г.). Они добыли кучу беспаспортных сосудов и украшений, но даже не зарисовали и не обмерили разрытые склепы и курганы¹⁰⁶. Вскоре генералов и полковников сменили более добросовестные любители, из года в год приобретающие опыт полевой работы, документировавшие процесс раскопок в дневниках и чертежах. Таков был П. А. Дюбрюкс, исследовавший некрополь Пантикапея с 1811 г.¹⁰⁷ Сложилась плеяда знатоков пумизматики и эпиграфики Причерноморья, вроде одесского знакомого Пушкина И. П. Бларамберга. Настоящим специалистом стал керченский градоначальник И. А. Стемповский. Попав с нашей армией во Францию в 1815 г., он прошел школу в Парижской Академии надписей. В греческих монетах и надгробиях Стемповский разбирался не хуже европейских ученых. Особенно ценны снятые им планы городищ Керченского полуострова, запечатлевшие до позднейших разрушений Мирмикий, Тиритакку, Аккру, Киммерион¹⁰⁸.

Но с раскопками курганов, планами городищ, их описаниями мы сталкивались в середине XVIII в. и в Сибири. В Причерноморье к этому добавилось и кое-что новое — попытки Капниста и Кёлера наладить охрану памятников, возникновение в ряде городов археологических музеев, а в Одессе — научного общества с теми же интересами. Музей при гидрографическом депо в Николаеве существовал еще в 1806 г. Потом музеи организовали в Феодосии (1811 г.), Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.)¹⁰⁹. В 1839 г. было учреждено Одесское общество истории и древностей, объединившее и возглавившее археологическую деятельность в Причерноморье¹¹⁰.

Все это закономерные явления. Увлечение античностью достигло апогея именно в начале XX в. После того как изпод пепла Везувия были извлечены сотни произведений искусства и предметов быта римской эпохи, подражания этим вещам прочно вошли в повседневную жизнь господствующих классов. «Все делалось а л'антик,— говорил о 1804—1805 гг. Ф. Ф. Вигель,— (открытие Помпей и Геркуланума чрезвычайно тому способствовало)... Везде показались албастровые вазы с иссеченными митологическими изображениями, курительницы и столики в виде треножников, курульские кресла, длинные кушетки, где руки опирались на орлов, грифонов или сфинксов»¹¹¹.

Естественно, что отношение к остаткам античной цивилизации сразу же установилось совершенно иное, чем к сибирским раритетам. находки на Енисее или Оби — за-

пятая диковинка, но даже золотые статуэтки из этих мест — всего-навсего уродливые «шейтаны». Греческие изделия — образец изящества и вкуса. Прекрасны и простые медные монеты, и глиняные светильники, и осколки расписных сосудов. Неудивительно, что проблема охраны памятников, ни разу не обсуждавшаяся в Сибири, тотчас встала в Причерноморье, а сеть провинциальных музеев выросла здесь на 50—60 лет раньше, чем в азиатской России.

И все же одного увлечения курительницами и мифологическими сценами для этого было мало. Нужны были, кроме того, свежие идеи в науке о культуре минувших столетий. В конце XVIII в. на Западе родились и классическая археология, и искусствоведение. В России труды основоположников этих дисциплин были хорошо известны. «Рассуждение о свободных художествах» П. П. Чекалевского — конференц-секретаря Академии художеств (1792 г.) — исходит целиком из эстетики И. Винкельмана. Главы из Винкельмановской «Истории искусства древности» печатали в переводе наши журналы 1807—1825 гг.¹¹² Живой рассказ о достопримечательностях Эллады — «Путешествие Анахарсиса младшего по Греции» Ж. Ж. Бартеlemi (1788 г.) — приобрел особую популярность. В Москве и Петербурге одновременно вышло два перевода этого многотомного сочинения¹¹³. Московское издание субсидировал сам Александр I. Н. М. Карамзин, прибыв в Париж, поспешил представиться Бартеlemi и выразить ему восхищение русских читателей¹¹⁴.

В те же годы были опубликованы «Руководство к познанию древностей» Обена Луи Миллена и «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию...» Иоганна Эшенбурга¹¹⁵, переведенные одним из лицейских учителей Пушкина Н. Ф. Кошанским.

Любопытно рассуждение Кошанского, предвещающее текст «Руководства» Миллена: пора де и русской публике услышать о науке, сделавшей на Западе большие успехи, а у нас «едва ли не новой». Это, разумеется, неверно. К 1807 г. в России накопился свой, и немалый, опыт в исследовании остатков далекой старины. Новым было лишь слово «археология». Придумал его, правда, знаменитый философ Платон еще в IV в. до н. э. (диалог «Гипсий Большой»). От Дионисия Галикарнасского усвоили этот термин и в Московской Руси (анонимное сочинение «Историческое учение», составленное в царствование Федора Алексеевича)¹¹⁶. Однако с римского времени и вплоть до конца

XVIII в. господствовал другой термин — латинский: *antiquitates* — древности. Только после того как в 1767 г. профессор Христиан Готлиб Гейне прочел в Геттингенском университете курс «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян», старое название возродилось. У нас в 1803 г. «Новый словотолкователь» Н. М. Яновского уже разъяснял читателям, что археология — это «описание древностей». Широко же начали пользоваться этим словом в 1820-е годы¹¹⁷. Цели складывающейся науки Миллен и Эшенбург, действительно, понимали иначе, чем Ломоносов, Лепехин или Паллас.

Теперь памятники рассматривались уже не как объекты землеописания, а в тесной связи с историей культуры. Главное в том, что они дают представление о фоне, на котором развивались ваяние и зодчество, поэзия и драма античной эпохи. Проникновение в бытовую обстановку того времени вознаграждает любителей высоким эстетическим наслаждением. «Невозможно отделить историю искусств и наук от прелестной картины их древностей. Польза и приятность сего знания неоспоримы. Древности объясняют множество предметов, необходимых для сведения, множество напоминаний, встречающихся в творениях греков и римлян. Они знакомят, они дружат нас с красотами их произведений и открывают их достоинство и ту истинную точку зрения, с какой должно взирать, ценить и изучать их. Наконец, они придают больше точности, разборчивости и твердости уму и образуют вкус к истинно прекрасному»¹¹⁸. Те же идеи излагали в университетских курсах московские профессора от И. А. Гейма в 1819 г.¹¹⁹ до Н. И. Надеждина в 1831 г.¹²⁰ С тех же позиций определял предмет археологии и философ-идеалист В. С. Печерин в статье для энциклопедического словаря Плюшара¹²¹.

В 1823 г. Стемповский подал новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». Для русской археологии начала XIX в. — это программный документ, намечающий конкретные мероприятия на ближайшие годы и не менее четко формулирующий задачи науки в целом. Всякую находку нужно точно регистрировать. С собирательством случайных беспаспортных вещей надо покончить. Необходимо создать научное общество, способное заботиться об охране старины в Причерноморье, вести раскопки и публиковать археологические материалы. Очень важно, не мешкая, снять планы со всех развалин греческих городов, пока их здания не растащили на строительство¹²². Это практиче-

ские предложения. А вот исходная установка: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий, как стараться спасти от совершенного забвения существующие еще в отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия, как находить по истечении 20 столетий памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших. Таковыми исследованиями мы можем некоторым образом извлекать удовольствие и пользу из самого праха»¹²³.

Как видим, Стемповскому импонирует в археологии в первую очередь ее эстетическая сторона. Лишь в конце записки он мимоходом говорит, что монеты и эпиграфические данные дополняют наши сведения о Боспорском царстве. Но превратить раскопки в подспорье для историков Стемповский явно не хочет.

Интересен и его рассказ «Радаис и Индар», напечатанный в «Одесском альманахе». Это выдержанная в традициях сентиментализма довольно наивная стилизация. Перед нами будто бы «отрывок из древней греческой рукописи». Повесть об идиллической дружбе двух свободолюбивых скифских юношей очень мало похожа на подлинную греческую прозу, но тут еще рельефнее выступает отношение Стемповского к античности как к недостижаемому идеалу и лучшей эпохе в истории человечества¹²⁴.

Заглянем и в такие сочинения о древностях Причерноморья, как «Досуги крымского судьи» П. И. Сумарокова и «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола»¹²⁵. Авторы этих книг кое в чем различны. У Сумарокова еще чувствуется практическая сметка XVIII в. Он перемежает археологические наблюдения соображениями о сельском хозяйстве в южных краях и ведет филологический дневник. Муравьев-Апостол, кроме руин, не замечает ничего. В остальном оба дилетанта-археолога сходны. И для того, и для другого пребывание в Крыму — прежде всего бегство в «достойное обиталище богов» из шумного, торгового и казарменного Петербурга. Здесь, в Тавриде, «удалясь от бурь, сует мирских, под сенью тишины»¹²⁶, с томиком «древних» в руках так радостно предаваться созерцанию следов античной культуры, петоропливым размышлениям о ее расцвете и упадке, о нашей жизни вообще. Скитания по заброшенным эллинским городам не просто удовлетворяют любопытство. Это средство прикоснуться к «золотому веку», забыть о

повседневной действительности. По стилю обе книги во многом напоминают «Письма русского путешественника» Карамзина¹²⁷.

Подобных впечатлений и излиятий мы не встречали в трудах ученых XVIII в. Руководители академических экспедиций описывали все, что попадалось им на пути, в одной и той же эпической манере, будь то городища и курганы или соленые озера и скалы причудливых форм. Сумароков и Муравьев-Апостол далеки от такого бесстрастия. Для них любые развалины — нечто волнующее, вызывающее десятки мыслей и переживаний. В этом отразились и смена рационализма XVIII в. сентиментализмом, и абсолютно разное восприятие античности и наследия Востока обществом, исповедующим догмы классицизма.

Так на рубеже XVIII и XIX столетий старый регистрационный подход к памятникам был вытеснен новым, более одухотворенным. Изучение прошлого отныне переплетается с проблемами эстетики, истории искусства и литературы. Сначала с этих позиций анализировали только греческие и римские древности. До памятников западного и русского средневековья, классического и средневекового Востока, а тем более до первобытных очередь дошла не сразу. Потребовалось еще доказывать публике, что они тоже представляют эстетическую ценность. Но решающий шаг в новом направлении был сделан. Ученые XIX—XX вв. уже знали, куда идти.

Развитие самой античной археологии протекало в России не без трудностей. Тяжелым испытанием были годы николаевской реакции. Стемповский, точно фиксировавший все остатки былого, не исключая городищ с их бедным инвентарем, и воодушевленный чистой любовью к античности, умер в 1832 г. После него в Керченском музее все резко изменилось к худшему. В погоне за эффектными находками за короткий срок крайне небрежно были раскопаны сотни курганов. Типичные деятели этого периода — А. Б. Ашик и Д. В. Карейша. Чиновник без всякой научной подготовки, неоднократно проявлявший невежество в своих публикациях, Ашик зато великолепно знал, чем можно угодить начальству. Пример тому — книжка «Часы досуга». В предисловии — обычное для уваровско-шевыревских речей противопоставление «гниющего», «разлагающегося» под влиянием революционных идей Запада прочной, православной и самодержавной России. Далее цитируется высмеянный Пушкиным «библический» и «монархический» А. С. Стурдза, ибо именно из его писаний явствует, зачем нужна археология.

Оказывается, затем, что «никакое умственное занятие не благоприятствует столько религии и нравственности, сколько изыскание, исследование и хранение памятников истории родной отечественной земли»¹²⁸. Наконец, Ашик с умилением рассказывает о приезде Николая I в Керчь. К этому дню надо было выкопать что-нибудь спогшибательное. В разных концах города спешно разрывали склепы и курганы. На обнаруженном в одном из них «серебряном блюде царицы Рискупорис» торжественно поднесли хлеб-соль очастливившему раскопки своим посещением государю-императору¹²⁹.

Холуйство сочеталось у Ашика с безответственным отношением к своему делу. Коллекции Керченского музея за годы его правления перемешиваются, депаспортизируются и разбазариваются. Одесский профессор Н. Н. Мурзакевич был буквально потрясен тем, что творилось в Керченском музее в конце 1830-х годов: «Ашик и Карейша..., желая получить подарок или крест за находку..., старались раскопать побольше курганов... Лично они не присутствовали почти никогда... Описания или рисунков на месте не делали... Вещи двойные, тройные, четверные, по произволу помянутых господ, раздавались, кому им нравилось, или сбывались за границу... Множество монет и золотых вещей Ашиком передавались за границу, а частью мастерами золотых дел растоплялись в плавильном мешке. Множество глиняных предметов разбивалось на месте находок... Курганные гробницы... не только не сохранялись и не поддерживались, но вследствие неизъяснимого равнодушия официальных кладоискателей разбирались на городские постройки... У Ашика я заметил большие запасы ваз, сосудов, вещей, монет, которые, лежа все в куче, служили магазином, из которого ежегодно отправляли в Эрмитаж вещи, сказывая в рапорте, что такие-то и такие-то вещи были в сем году отысканы там-то и там-то. Вазы, виденные мною в 1836 г., Ашиком предьявлялись в 1838 г.»¹³⁰. Комментировать это красноречивое свидетельство нет необходимости.

Были такие срывы в истории классической археологии и позднее, но лучшие представители этой научной дисциплины никогда не забывали о заветах Стемповского. Раскопки документировались с максимальной полнотой, важнейшие памятники спасали от разрушения, а изучение их раскрывало все новые грани в высокой материальной и духовной культуре античности.

На рубеже XVIII и XIX вв. европейская научная и общественная мысль обратилась к проблеме «народности». Резко возрос интерес к фольклору и национальным реликвиям. Уже в 1792 г. А. Лемуар основал в Париже Musée des monuments française. Искусство и литература романтизма демонстративно отвергали насаждавшееся классицизмом подражание античным образцам и предпочитали черпать вдохновение в прошлом своей родины. С грустью заглядывая в будущее, Луи Давид говорил в 1808 г.: «Через 10 лет изучение античности будет заброшено... Все эти боги, герои будут заменены рыцарями, трубадурами, распеваящими под окнами своих дам у подножия старинного донжона»¹³¹.

Примерно то же происходило и в России. Подъем патриотизма в период наполеоновских войн и огромный успех «Истории государства Российского» Карамзина заставили нашу публику пересмотреть традиционно-пренебрежительную оценку допетровской эпохи. Как бы подтверждая слова Давида, декабрист В. Ф. Раевский призывал Пушкина избавиться от античных реминисценций, ввести в поэзию мотивы славянской мифологии, воспеть дни новгородской вольности¹³².

Эти настроения захватили и антиквариив. В 1802 г. М. Ф. Берлинский задумал восстановить топографию древнего Киева. В 1816 и 1824 гг. раскопки в городе начали А. А. Турчанинова и К. А. Лохвицкий¹³³. Участники Румянцевского кружка — К. Ф. Калайдович, А. Ф. Малиновский, Е. А. Болховитинов, Ф. П. Аделунг и сам государственный канцлер Н. П. Румянцев наряду с письменными источниками интересовались и археологией, искусством и предметами быта средневековой Руси¹³⁴.

Но с укоренившимися представлениями не так легко было расстаться. Еще долго наши памятники подгоняли под привычные каноны. И. П. Мартос недаром обрядил Минина и Пожарского в эллинские одежды. С той же тенденцией мы сталкиваемся и в науке. Очень типична в этом отношении фигура президента Академии художеств А. Н. Оленина. Он возглавлял кружок петербургской интеллигенции, идеи которого Л. Н. Майков характеризовал так: «Героическое, возвышающее душу, присуще не одному классическому — греческому и римскому миру, оно должно быть извлечено и из преданий русской древности и возведено искусством в классический идеал»¹³⁵. Сам Оленин был верен этой установке. Его перу принадлежат как рассуждения об оружии

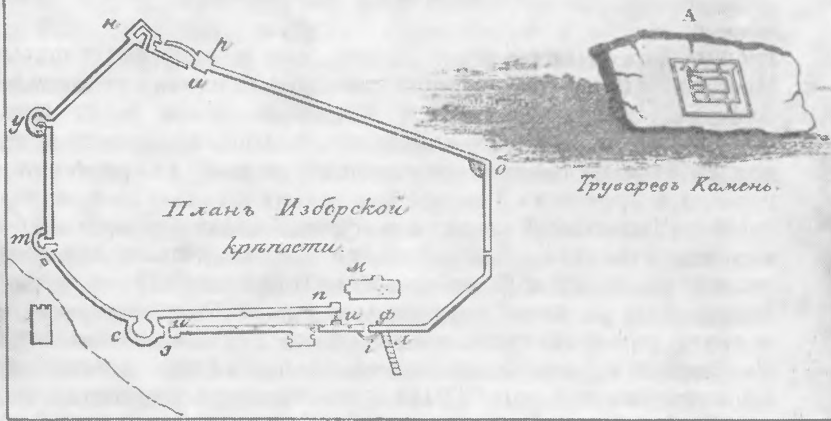
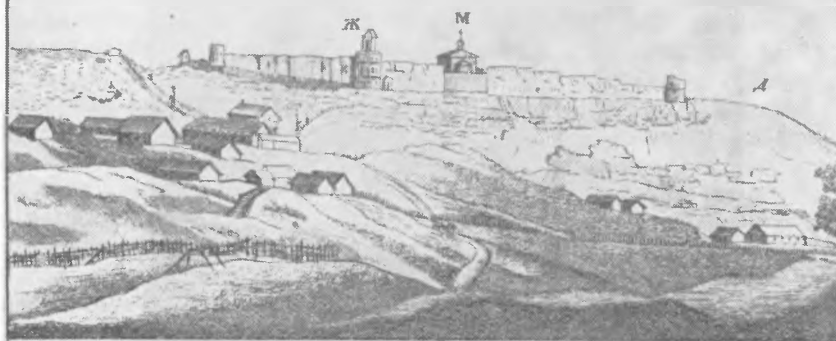
Алексей Николаевич Оленин

Портрет работы А. Г. Варнека

гладиаторов и находках в Керчи, так и заметки о племе Ярослава Всеволодовича и рязанском кладе украшений XII—XIII вв.¹³⁶ Когда Ф. Г. Солнцеву нужно было написать картину на звание академика живописи, Оленин предложил ему изобразить композицию вещей из раскопок — русских и греческих¹³⁷.

И в Западной Европе, и в России после безраздельного увлечения античностью внимание многих ученых переключилось на остатки более близкого прошлого. Но в предыдущие годы развитие науки там и тут не было одинаковым, и это в какой-то степени определило ее дальнейшие пути. На Западе исследование античной эпиграфики, нумизматики, глиптики к концу XVIII в. насчитывало несколько столетий. Со времен Ренессанса по любой теме уже накопилась обширная литература. Только что складывающейся средневековой археологии трудно было установить связь со смежной, но давно оформившейся областью знания. За границей почти повсюду специалисты по материальной культуре Греции и Рима до сих пор работают в отрыве от археологов-

*Видъ Изборской крѣпости съ пригородкомъ и
Труворовымъ городищемъ*

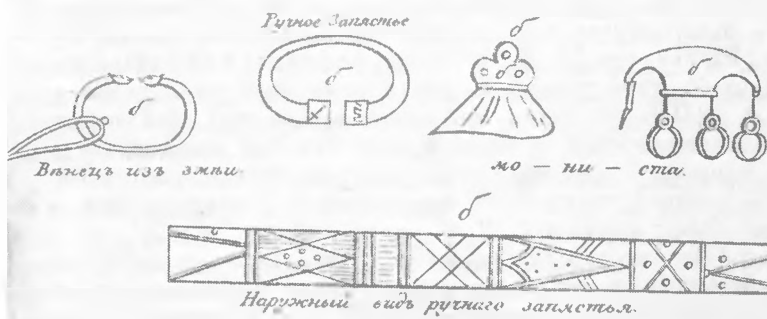

Древности Изборска

Таблица, приложенная к статье Е. А. Болховитинова
в журнале «Отечественные записки» (1825, № 61)

Железные вещи, найденные в Чудских
могилах близ Изборска.

медиевистов, преподают на других факультетах, печатаются в других журналах, как правило, вместе с филологами-классиками и искусствоведами. У нас раскопки славянских городищ и могильников запоздали всего на 20—30 лет по сравнению с изысканиями в Керчи и на Тамани. Доклады о Владимирских курганах и боспорских скленах искони читались в одних и тех же археологических обществах и публиковались в одних и тех же изданиях. А. Н. Оленин, А. С. Уваров, И. Е. Забелин изучали то греческие колонии Северного Причерноморья, то памятники феодальной Руси. В результате наша наука осознала и закрепила свое единство раньше, чем это случилось на Западе.

Оленинское «возведение» русской старины на классический уровень не удовлетворяло рьяных патриотов, везде подчеркивающих ее самодовлеющее значение. Эту позицию отстаивал, например, П. П. Свиньин. В 1818—1830 гг., помимо рассказов о народных талантах, он помещал в издававшихся им «Отечественных записках» очерки об архитектуре Новгорода, Владимира, Изборска, о раскопках в Киеве, о черниговской гривне, иногда поверхностные — собственного сочинения, иногда серьезные — В. Г. Анастасевича или Евгения Болховитинова¹³⁸.

Так центральные губернии страны, забытые академиком XVIII в., наконец-то попали в поле зрения археологов. И чуть ли не сразу остатки былого из этих районов попытались использовать для воссоздания начальных этапов истории. Журналист М. Н. Макаров, имеющий известные заслуги перед этнографией и фольклористикой, спрашивал в 1819 г.: «Почему наши любители древностей, занимаясь одной письменностью летописей, не хотят еще рассматривать и исследовать некоторые, так сказать, немые, но самые любопытнейшие памятники временников, сохранившиеся в архивах самой природы?»¹³⁹.

Подобную постановку вопроса о городищах и курганах как историческом источнике мы встречали применительно к загадочной Сибири у Татищева и Миллера. Теперь это положение, выраженное более конкретно и развернуто, перенесли на совсем иные края, чьи судьбы вроде бы неплохо освещены в средневековых хрониках. То, что Макаров лишь предчувствовал, очень четко сформулировал Зорян Доленга-Ходаковский (псевдоним Адама Чарноцкого).

Первую свою работу «О славянстве до христианства» он выпустил в 1818 г. на польском языке в Кременце. Уже здесь Ходаковский ратовал за организацию серии экспедиций по славянским землям для сбора коллекций и изуче-

ния обычаев и песен «простолудинов»¹⁴⁰. Не сумев реализовать эти планы в Польше, он отправился в Петербург, где развил те же идеи на русском языке в «Розысканиях касательно русской истории» (1819 г.) и «Проекте ученого путешествия...» (1820 г.)¹⁴¹.

Была своя закономерность в том, что пионером в исследовании славянских древностей оказался польский ученый. В тот период целая плеяда деятелей польской культуры вдохновлялась идеей, сформулированной в 1800 г. Иоахимом Лелевелем (тогда еще студентом): «Наша родина лежит в могиле. Мы должны трудиться над тем, чтобы сбросить наваленный над нею холм и извлечь лежащий под ним пепел Феникса — нашего отечества»¹⁴². Интересы многих представителей польской интеллигенции были обращены в прошлое, меж тем как русская — думала прежде всего о будущем. Но у нас внимательно следили за открытиями и теориями ученых братского народа. Все основные публикации Я. Потоцкого, И. Раковецкого, В. Суrowецкого, И. Лелевеля сразу же после выхода в свет переводились на русский язык. Благодарную аудиторию нашел в России и Ходаковский, о чем свидетельствуют печатные отклики на его статьи¹⁴³ и письма, посланные непосредственно автору¹⁴⁴. Оказалось, что независимо друг от друга в Туле и в Рязани, в Пскове и на Украине литераторы М. Н. Макаров и А. Г. Глаголев, митрополит Евгений Болховитинов, основатель Харьковского университета В. Н. Каразин и никому неведомый А. Бояркин уже интересовались археологией, размышляли над происхождением городищ и даже предвосхитили отдельные тезисы «Проекта ученого путешествия...» Ходаковского.

В 1820—1821 гг. на средства, выделенные правительством, Ходаковский объехал Север России и кое-где провел раскопки могильников. В 1822 г. финансовая поддержка экспедиции была прекращена. Ее инициатор вынужден был взяться за управление каким-то имением и в глубокой бедности умер в 1825 г. Участь его научного наследия беспокоила Пушкина, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинку¹⁴⁵. М. П. Погодин разобрал архив Ходаковского и опубликовал его незавершенные труды. Гоголь заимствовал из тех же бумаг свыше 300 записей украинских песен¹⁴⁶. Теории Ходаковского еще долго пропагандировались в России. Уже в конце 1840-х годов о них услышал в лекциях профессора И. И. Срезневского студент Чернышевский и сразу же запросил у своего саратовского учителя Г. С. Саблукова подробные сведения о городищах на нижней Волге¹⁴⁷.

Зориан Ходаковский

Рисунок К. Прека 1818 г.

Как видим, вся деятельность Ходаковского, и кабинетная, и полевая, протекала в сфере русской науки. Подлинным представителем ее и стал этот польский ученый-романтик. К чему же сводятся его взгляды? Вкратце их можно изложить в следующих словах: о древнейшей жизни славян нельзя судить по летописям эпохи христианства. Тогда языческое прошлое намеренно очерняли, старались показать более грубым и примитивным, чем это было в действительности. Так же тенденциозны известия ипоземцев. Яркую историю наших предков мы узнаем во всей полноте, только выявив и расшифровав другие источники, — вещественные, фольклорные, топонимические. «Сбережем, — восклицал Ходаковский в 1818 г., — ... открытия, какие делаются в земле, — эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд или его лекарки в разных краях дают растениям, соберем, сколько

возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды»¹⁴⁸. В «Проекте ученого путешествия...» говорится, кроме того, об изучении диалектов русского языка, свадебных ритуалов, игр, суеверий, монет.

Но особенно важны, по мнению Ходаковского, городища. Впервые упомянув о них в статье 1818 г., он в 1820 г. приводит уже длинный список урочищ с наименованиями типа «городище», «городок», «городня», «городец». Карту таких урочищ Ходаковский пополнял до конца своих дней. Издана она была только в 1871 г.¹⁴⁹ В какой-то мере это коллективный труд, ибо ее составитель посетил лишь немногие пункты, а об остальных его информировали корреспонденты: по Псковской губернии — Болховитинов, по Харьковской — Каразин и т. д.¹⁵⁰

Таким образом, Ходаковский ввел в научный оборот большое число археологических объектов для районов, до него почти не привлекавших внимания, и подошел к древностям Центральной России как к историческому источнику, надеясь с их помощью пролить новый свет на историю славянства. Осуществить этот грандиозный плац с ничтожными средствами, без всякого предшествующего опыта не было, разумеется, никакой возможности, однако усилия Ходаковского не пропали даром. Разрывая сопки и жальники под Ладогой, Новгородом и в Бежецком уезде, он учился сам и расчищал дорогу своим преемникам.

Был очерчен ареал сопок — «от Рождественского села на Оредежи до берегов Шексны и от Старой Ладogi до начала реки Мсты» — и детально зафиксированы обнаруженные в них погребения: «Открылась костерная, так сказать, постель, на которой сгорел покойник. Видно, что он лежал в длину меж востока и запада, с боку, от севера, поставлен был горшочек»¹⁵¹. Восстанавливается и картина сооружения кургана: «Чернозем был в исподе обеих сопок. На той поверхности положен был сначала венец из камней, после клали в середине крупные камни и на оные насыпали песок и щебень, взятый с берега реки. Совершивши холм, окладывали толстым дерном»¹⁵². Инвентарь жальников другой, тут «при всяком покойнике лежал ножик»¹⁵³. Ходаковский сравнивает эти предметы с ножом из усыпальницы Сергия Радонежского¹⁵⁴. А вот вывод из анализа разнородных могильников: «В оном жальнике хоронили людей не сожженных..., т. е. в позднейшие времена»¹⁵⁵. Все находки, не исключая человеческих костей, были сохранены¹⁵⁶. Напомним, что 20 лет спустя Ашик выбрасывал даже античную керамику.

Подкупает не только добросовестность и широта кругозора Ходаковского, но и его постоянное стремление перейти от случайных раскопок к систематическому изучению страны по заранее составленной программе. Со смертью Ходаковского эта идея не заглохла. В 1830-х годах ее старался провести в жизнь друг Герцена В. В. Пассек. Это был выдающийся статистик, фольклорист и этнограф. Проявить себя как археолог он фактически не успел, но нельзя пройти мимо его высказываний.

В 1837 г. Пассек предложил Обществу истории и древностей российских план археологических изысканий в степной полосе. Цель этой работы — «открыть новый путь для исторических исследований о тех веках, для которых не существуют и летописи», получить в свои руки принципиально иную «летопись — не обезображенную переписчиками, не опровержимую для наших кабинетных скептиков»¹⁵⁷. Пассек мечтал об «исторических пособиях, которые объясняли бы слова летописей и дополняли самую важную сторону истории народа, раскрывая его верования, весь домашний быт его. При всем богатстве летописей как бедна была бы древняя история Италии, если бы самые народы не оставили своих неподдельных писем, своих укреплений, статуй, оружия, урн, зданий»¹⁵⁸. То же должны дать курганы России, где можно найти и каменную стрелу, и греческие сосуды, и железную саблю.

Примечательно каждое звено этой исходной установки. Учтены основные пробелы наших хроник — молчание о древнейшей эпохе, отрывочность сведений о материальной культуре своего времени, дефекты текстов. Понята плодотворность сопоставления этих источников с вещами из раскопок. Уловлена сложность, многослойность археологических памятников. Академики XVIII в. нередко считали синхронными каменные орудия, бронзовые котлы и развалины городов (Эйхвальд повторял это даже в 1857 г.¹⁵⁹). Пассек уже не сомневается, что курганы возводили на протяжении ряда тысячелетий, — сначала люди, использовавшие кремневые наконечники, далее племена, испытавшие греческое влияние, и, наконец, средневековые кочевники. Не случайно упоминание о скептиках. Как раз в эти годы М. Т. Каченовский и его ученики объявили эпоху до XIII в. «баснословным периодом русской истории»¹⁶⁰. Пассек верил, что археологические материалы подкрепят сведения заподозренных летописей.

Очень содержателен и план самих исследований. Чтобы решить, почему так разнотипны степные могилы, надо «раз-

Вадим Васильевич Пассек

рыть по несколько из них, принадлежащих к одному какому-нибудь виду»¹⁶¹. Нужно сравнить обряд и инвентарь захоронений, а затем «по найденным вещам и обычаю погребения сделать заключение о народе, насыпавшем» эти надгробные холмы. Предполагается картографировать «валы, городища, курганы и урочища», дабы «этим средством могли объясниться связь... и... назначение насыпей»¹⁶². Заново будет рассмотрен и вопрос о каменных бабах и их соотношении с курганами.

К сожалению, у Общества истории и древностей не было денег на организацию экспедиций, а в 1842 г. Пассек умер от туберкулеза. Коллекция половецких изваяний, привезенная в Москву в дар университету, поступившая потом в Исторический музей,— едва ли не единственный зримый результат неосуществленных замыслов Пассека.

Нас интересуют, однако, не полевые достижения. Ходаковский и Пассек нашли очень мало, но они подсказали историкам, как расширить круг их источников, и создали программу археологического изучения Центральной России.

Умышленно или невольно все пункты этой программы соблюдали археологи середины и второй половины XIX в.

Когда в 1851—1854 гг. А. С. Уваров и П. С. Савельев занялись Владимирскими курганами, район раскопок был выбран на собственно русской территории, исходя из конкретных летописных данных. Не поиски отдельных эффектных предметов, а реконструкция быта древнего населения — такую задачу ставил перед собой Уваров. В альбоме к его монографии нарисованы все находки, в том числе самые невзрачные и заурядные¹⁶³. Не обошлось без ошибок. Уваров слишком спешил и перепутал разновременные комплексы, но кое в чем он все же выгодно отличался от многих археологов. Речь идет о тех из них, кто ездил в поле наугад, копал первые попавшиеся памятники и целиком зависел от того, что дает земля. Бесспорно, более верен путь Ходаковского, Пассека, Уварова, еще до начала экспедиции определявших, какие проблемы стоят перед ней, и упорно продвигавшихся вперед в намеченном направлении.

V

Прошлым Востока в Европе начали интересоваться много позже, чем античностью. В эпоху Возрождения, когда в Италии уже развернулись широкие раскопки, Азия и Африка оставались далекими экзотическими странами, куда лишь изредка попадали самые отважные купцы. Только в новое время, после превращения Англии и Франции в колониальные державы, европейцы услышали о памятниках великих цивилизаций Индии и Египта. На конец XVIII в. падают и первые английские работы об индийских древностях (В. Джонса и др.), и возникновение обществ ориенталистов в Калькутте (1784 г.), Бомбее, Лондоне, Париже.

Огромное впечатление на весь мир произвел наполеоновский поход в Египет. К участию в этой кампании был привлечен целый «генеральный штаб ученых» из 122 человек. Удачная находка Розеттского камня и публикации богатейших результатов экспедиции сделали египтологию наукой. Организация всевозможных изысканий на Ниле стала образцом для других военных предприятий.

Если сложение классической археологии неотделимо от художественного движения Ренессанса, а средневековой — от характерного для XIX столетия роста национального самосознания, то восточная археология в своих истоках так или иначе связана с колониальной политикой.

Николай Николаевич Муравьев-Карский

Немалую роль сыграла и смена эстетических систем на грани XVIII и XIX вв. Сокровища Греции и Рима казались исчерпанными. Как откровение были восприняты переводы персидской поэзии. Ими вдохновлялись Гете в «Западно-Восточном диване», Виктор Гюго — в «Ориенталиях». В предисловии к «Ориенталиям» говорится: «При Людовике XV явились эллинисты. Теперь нужно быть ориенталистом... Не дальше ли, не глубже ли мы будем видеть, изучая... античность в древнем Востоке?»¹⁶⁴.

Все эти события волновали и русскую публику. В 1810 г. обсуждался вопрос о создании Азиатской академии в Петербурге. В брошюре, развивавшей эту идею, констатировалось «В последние годы XVIII в. произошел переворот во всех

воззрениях на историю человеческих цивилизаций. Восток, предоставленный до тех пор лживым рассказам нескольких авантюристов и запыленным рукописям горсти ученых, был единодушно признан колыбелью всей цивилизации мира. Случайными причинами такой реабилитации были успехи англичан в Индии, завоевание священного языка браминов — творений Зороастра, исследование Библии немецкими учеными и учреждение Азиатского общества в Калькутте»¹⁶⁵.

В 1804 г. в университетах открыли кафедры восточных языков, в 1818 г. — Азиатский музей при Академии наук. В 1825 г. из Кунсткамеры выделился особый Египетский музей¹⁶⁶. Помимо греческих ваз и мраморных скульптур, наши коллекционеры привозили и покупали мумии, скарабей, статуи сфинксов¹⁶⁷. Декабрист Г. С. Батеньков реферировал труды Ж. Шамполиона¹⁶⁸. Свою трактовку иероглифов выдвинул И. А. Гулянов. Архитекторы все чаще применяли мотивы зодчества древнего Египта: К. А. Топ установил на Васильевском острове сфинксов Аменхотепа III из Фив, Д. И. Жилярди построил в Кузьминках под Москвой египетский павильон. К изучению персидской поэзии призывали В. К. Кюхельбекер и А. С. Грибоедов¹⁶⁹.

Но Россия могла познакомиться с культурой Востока не только из вторых рук. До вхождения Туркмении в состав России было еще далеко, а капитан Генерального штаба Н. Н. Муравьев уже принялся за раскопки тамошних городищ. В 1819 г. А. П. Ермолов, будучи на Кавказе, поручил этому крупному военному специалисту как дипломатические переговоры и разведки в Хивинском ханстве, так и «описание сего края». С небольшим отрядом Муравьев переплыл Каспий, высадился на его юго-восточном побережье и через Каракумы добрался до Хивы. Подробный отчет о путешествии, напечатанный в 1822 г., содержал столько ценных сведений, что его тут же издали во Франции и Германии.

Хотя Муравьев ехал на правах посла, тем не менее экспедиции не раз грозила гибель. В Хиве он был взят под стражу и уже «имел весьма мало надежды возвратиться»¹⁷⁰. Гибель А. Бековича-Черкасского невольно вставала в памяти. Но несмотря на все опасности и тяготы маршрута, пролежавшего по пустыне, задание Ермолова было выполнено. Россия и Запад получили детальную характеристику Хивинского царства в географическом, экономическом и этнографическом отношении. В программу этого «комплексного», как бы мы сказали сейчас, изучения района входили и раскопки.

Хорезмийская крепость Шах-сенем — один из археологических памятников, обследованных Н. Н. Муравьевым

Фото Хорезмской экспедиции АН СССР

Муравьев не был чужд археологии и раньше. Он собирал древности ¹⁷¹, на Кавказе посетил руины Джульфы, Мцхетские храмы, «мост Помпея» через Куру и другие остатки старины ¹⁷². В Средней Азии Муравьеву бросились в глаза десятки опустевших крепостей и зятянутых песком оросительных сооружений. В своем дневнике он перечислил ряд городищ: Гюшимтепе, Утинкала, Кизилкала, Дуаданкаласы, Шах-сенем ¹⁷³, и сделал из этих фактов два вывода: один — исторический, другой — палеогеографический. Тем самым впервые были намечены основные направления в исследовании памятников Восточного Прикаспия, развивающиеся до настоящего времени.

Первый вывод: «Развалины... и водопроводы (каналы.— А. Ф.) в западных степях хивинских доказывают неоспоримо древнее существование в оных государства довольно образованного» ¹⁷⁴. Имь этого государства — «Хоарезмия».

Второй вывод: «Упомянутые водопроводы и развалины не суть ли ясные доказательства прежней населенности сего края и что ныне сухое русло Ус-бой прежде вмещало в себя воды торговой реки Амин-дарья» ¹⁷⁵.

Не ограничиваясь внешним осмотром городищ, Муравьев решил поставить на одном из них раскопки, чтобы «найти в развалинах какую-нибудь монету» и по ней «заключить о древности бывшего города»¹⁷⁶. При раскопках на Гюшимтепе близ Атрека¹⁷⁷ монет обнаружить не удалось, но наблюдения Муравьева небезынтересны. Он расчистил на холме участок оборонительной стены, прорезанной кое-где впускными погребениями. Вот соответствующий раздел из «Записок»: «Серебряный бугор... не что иное как прежняя стена большого здания или крепости, занесенная песком..., но в самой сей стене я нашел могилы и открыл несколько скелетов человеческих, похороненных по мусульманскому обряду, т. е. положенных боком и головой к северо-востоку. Я предположил, что тела сии позднейшего времени похоронены тухменцами. Стена... имеет около 100 или более сажень в длину, она построена из хорошего жженого кирпича, коим выложено по три ряда. Кирпичи... имеют в толщину не более вершка, квадратны, бока имеют вершков 6»¹⁷⁸.

По утверждениям туркмен, укрепления на Серебряном бугре возвели русские. Муравьев в это не поверил и привел любопытный аргумент: в земле встречается «множество битой стеклянной и каменной посуды; форма одного штофа, коего нашли горлышко с плечами, совсем не похожа на форму русских штофов»¹⁷⁹.

Муравьев-Карсский прославился 35 лет спустя и, разумеется, отнюдь не как археолог, но наука не забудет и об этой стороне его деятельности. Пробираясь к Амударье в окружении враждебных хивинцев, молодой капитан Генерального штаба не прошел мимо туркменских тепе, постарался их изучить и осмыслить. Он увидел в развалинах хорезмийские города, поднял вопрос об обводнении Узоя, пригляделся и к кладке крепостных стен, и к бытовым находкам. Военный разведчик прокладывал дорогу ученым.

Аналогичные явления можно уловить и в практике царской администрации на Кавказе. В 1829 г. начальнику Кавказской линии и Черноморья генералу от кавалерии Г. А. Эммануэлю сообщили о каких-то старинных храмах близ аулов Сенты и Шоап. После безуспешной попытки отыскать эти памятники он отправил на Теберду и Кубаь архитектора И. Бернардацци в сопровождении 50 казаков и двух горских князей¹⁸⁰. Тот обследовал оба средневековых аланских святилища и скопировал надписи на примыкающих к ним кладбищах. Информация об этой поездке была незамедлительно помещена в «Журнале Министерства внутренних дел»¹⁸¹. Эммануэль на этом не остановился. Он

вознамерился реставрировать церкви, возобновить в них службу и крестить тут абазинцев и другие черкесские и карачаевские племена. Проект создания такого форпоста христианства в мусульманском мире одобрил сам Николай I. Не осуществили этот план только потому, что в Карачае опять вспыхнула война, а сменивший Эммануэля генерал А. А. Вельяминов придерживался иных методов обращения с горцами¹⁸².

Политические причины внимания к остаткам далекого прошлого здесь даже не завуалированы. Но пользу науке Эммануэль и особенно Муравьев все же принесли. Если бы не они, и аланские храмы X—XI столетий, и городища Туркмении зарегистрировали бы еще очень не скоро. На Гюшимтене с 1820 г. так никто и не копал.

Упомяну в той же связи командировку поэта пушкинского круга В. Г. Теплякова во время войны 1829 г. в Болгарию для пополнения Одесского музея монетами, вазами и папирусами из этого района¹⁸³.

Не менее показательны некоторые эпизоды второй половины XIX в. в Средней Азии. В 1867 г. русские офицеры установили сторожевой пост на древней крепости Джаникент, чтобы местное население не растащило ее на кирпичи¹⁸⁴. Через семь лет командование перешло от охраны к раскопкам. Первым их объектом стал Афрасиаб. В 1874 г. его исследовал майор Г. А. Борзенков, в 1883 г. — по распоряжению туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева подполковник В. В. Крестовский¹⁸⁵.

О Борзенкове мы не знаем ничего, зато его преемник очень хорошо известен. Всеволод Крестовский — некогда прогрессивный журналист, автор нашумевших «Петербургских трущоб», подобно многим либералам, резко повернул вправо в 1863 г. Он опубликовал антиреволюционные романы-памфлеты «Кровавый пуф» и «Панургово стадо» и, надев военный мундир, сочинял историю гвардейских полков. Крестовский подвизался в Варшаве после подавления польского восстания, участвовал в войне 1877 г., побывал на Дальнем Востоке. В Ташкент он прибыл в качестве чиновника особых поручений Черняева. Естественно, что, задумав изучить древности вверенного ему края, генерал-губернатор счел Крестовского самым подходящим исполнителем этого сложного задания.

Никаких археологических навыков у Крестовского не было, но, надо отдать ему справедливость, он проявил максимум добросовестности — прочел всю доступную тогда литературу по истории Средней Азии, записал легенды о Са-

марканде, обратился к Уварову с просьбой об инструкциях, зафиксировал слои на раскопе и собрал довольно значительную коллекцию для Ташкентского музея¹⁸⁶.

В дальнейшем Афрасиабом всерьез занялся столичный профессор Н. И. Веселовский, а памятниками Туркмении — его коллега В. А. Жуковский. На Кавказе еще раньше работали почти исключительно специалисты. Но это уже иной, более высокий этап развития восточной археологии.

VI

Каждый из разделов нашей науки складывается в специфической среде. Возникновение первобытной археологии было прямым следствием триумфов эволюционной теории во второй половине XIX в. Не историки, не искусствоведы, а биологи определяли пути развития новой области знания. Отголоски этого чувствуются и сейчас. Во Франции статьи по палеолиту печатаются в журнале «L'Anthropologie», а не в «Revue archéologique», освещающем только работы по античности и средневековью.

В России инициатором поисков самых ранних памятников культуры был крупнейший биолог академик К. М. Бэр. В 1859 г. он выступил в Географическом обществе с лекцией «О древнейших обитателях Европы»¹⁸⁷. Ознакомив широкую публику с находками каменных и бронзовых орудий во Франции и в Скандинавии, Бэр указал на вероятность таких открытий и в России. Он продемонстрировал медные кельты, доставленные ему из Вятской губернии, и поделился со слушателями предположением, что «чудские копи» Сибири и Урала, описанные Лепехиным и Палласом, — это рудники бронзового века.

К 1859 г. «каменные секиры» и «громовые стрелы», о которых некогда упоминали Миллер и Гмелин, были давно утрачены, но Бэр не сомневался, что таких предметов можно найти еще много, и подготовил программу для «собираания доисторических древностей»¹⁸⁸. Накапливавшиеся коллекции концентрировались в анатомическом кабинете музея Академии наук. С историческими и археологическими учреждениями Бэр не был связан и, видимо, не очень им доверял. Недаром в его лекции говорится: «Мы по большей части теряем опять все то, что не принадлежит к греческому искусству»¹⁸⁹.

Согласуется с этим и свидетельство П. И. Лерха. По его словам, в 1850-х годах Археологическому обществу в Петербурге иногда присылали кремневые орудия из Вильны

Карл Максимович Бэр

и Гельсингфорса. Но «издавать в рисунках эти знакомые нашему крестьянскому населению под названием громовых стрел невзрачные памятники древности считалось, кажется, роскошью»¹⁰⁰.

Начиная Бэра блестяще реализовала целая плеяда ученых-естественников. Профессор Дерптского университета минералог К. И. Гревингк напечатал два обзора находок каменных орудий в Прибалтике¹⁰¹. Первую палеолитическую стоянку в России обнаружил в 1871 г. в Иркутске геолог и палеонтолог И. Д. Черский — исследователь Прибайкалья, Нижней Тунгуски и участка вдоль Якутского тракта¹⁰².

Каменным веком долины Оки занимался основоположник почвоведения В. В. Докучаев. Он побывал и на палеолитическом местонахождении Карачарово, и на мезолитических поселениях Борки и Елин бор, и на множестве неолитических стоянок. Немало их он выявил и сам — например, в Балахнинской низине¹⁰³. Памятники эпохи неолита и

Константин Сергеевич Мережковский

бронзы под Казанью изучали автор классических трудов по палеонтологии палеозоя и геологии Урала и Поволжья А. А. Штукенберг и профессор хирургической патологии и терапии Казанского университета Н. Ф. Высоцкий¹⁹⁴. Штукенберг издал помимо того ценную сводку по бронзовому веку Приуралья¹⁹⁵. В 1876 г. был напечатан перевод книги Д. Леббока «Доисторические времена». Редактор, географ и антрополог Д. Н. Анучин, дополнил ее обзором материалов, происходящих с территории России¹⁹⁶.

Но наибольший вклад в нашу первобытную археологию сделали в XIX в. три человека — биолог, знаток простейших организмов и виноградарства К. С. Мережковский, хранитель Зоологического музея Академии наук И. С. Поляков и профессор геологии Петербургского университета А. А. Иностранцев.

В 1879 и 1880 гг. Мережковский провел в Крыму шурфовку нескольких десятков пещер и вскоре опубликовал краткую характеристику встреченных в них культурных наслоений¹⁹⁷. В советское время исследования по палеолиту Крыма стали почти ежегодными. Масштаб их рос от сезона к сезону. Результаты неизменно были значительными.

Иван Семенович Поляков

И несмотря на это, от хронологической схемы Мережковского мы отошли очень недалеко. Древнейшие становища каменного века на полуострове относятся к эпохе мустье. Об этом писал уже Мережковский. В Волчьем гроте на р. Зуя он нашел первую в России мустьерскую стоянку. Отдельные орудия того же возраста были им подняты и на местонахождениях Кабази и Замрук. О верхнем палеолите Крыма мы до сих пор судим по материалам обнаруженных в 1879 г. пещер Сюрень I и Качинский навес. Иных памятников того времени здесь пока найти не удалось. Годом позже при раскопках Сюрени II и Черкез-кермена был выделен мезолит. Тогда же собраны микролиты на трех открытых поселениях у Кизил-Кобы на плато Яйлы.

Опираясь на свои полевые наблюдения, Мережковский кое в чем уточнил классификацию культур всей Европы. Именно он, а не А. Мортилье, верно датировав микролиты, заполнил пресловутый хиатус между палеолитом и неолитом¹⁹⁸.

Неменьшие заслуги перед археологией у Полякова. Он разработал методику поисков палеолита на Русской равнине, столь же перспективную для других районов, лишенных

Пещера Волчий грот близ с. Мазанка
в Крыму — первый древнепалеолитический памятник,
найденный в России

Фото О. Н. Бадера

пещер. В этих краях путеводной нитью может служить проверка сведений о скоплениях костей мамонта. Многие из таких скоплений приурочены к лагерям первобытных охотников. Из воронежского села Костенки, еще в XVIII в. прославившегося обилием останков «слопов Александра Македонского», Поляков привез выразительную серию кремневых орудий, положив начало непрекращающемуся поныне изучению позднего палеолита на верхнем Дону. Поляков раскапывал Фатьяновский могильник, обследовал неолитические стоянки на севере европейской России и в Волго-Окском бассейне, в Сибири и на Сахалине¹⁹⁹.

Долго еще не устареет фундаментальная монография Иностранцева о «доисторическом человеке» на Ладожском озере. В ней, при участии ряда специалистов — биологов Д. Н. Анучина, А. П. и М. Н. Богдановых, К. Ф. Кесслера, И. Ф. Шмальгаузена, он с необычайной тщательностью проанализировал весь комплекс неолитической эпохи: керамику, кремневые и костяные изделия, флору, фауну позвоноч-

ных, моллюсков и насекомых, антропологические и геологические данные²⁰⁰.

Прервем этот затянувшийся перечень. Роль натуралистов в развитии нашей науки ясна и так. Очень существенно, что для каждого из них занятия каменным веком не были чем-то побочным и случайным, а органически входили в круг их непосредственных интересов. Раскопки помогали Иностранцеву наметить основные вехи геологической истории Приладожья, Докучаеву — решить ряд почвоведческих вопросов, Черскому — разобраться в систематике четвертичных животных.

И при всем том почти никто из названных нами геологов и биологов не соприкасался с официальной русской археологией. Кроме маленькой статейки Иностранцева о неолите, в 66 выпусках «Известий Археологической комиссии» нет ни одной информации о первобытных памятниках. Публикации Штукемберга и Высоцкого появлялись в «Трудах Общества естествоиспытателей при Казанском университете». Экспедиции Полякова финансировали Академия наук и Географическое общество. Это же общество снарядило обе поездки Мережковского в Крым. В 1870-х годах Мережковский пытался создать в Петербурге аналогичное антропологическое объединение, рассчитывая превратить его в центр изысканий в области палеолита.

Все это вполне закономерно. Тут отразилось и пренебрежение археологов-античников и медиевистов к самому отдаленному прошлому России, и некоторая ограниченность специалистов по палеолиту, и, наконец, принципиальные политические и идеологические расхождения между учеными разных школ и разных поколений.

Нет нужды напоминать о культе естествознания у Д. И. Писарева и нигилистов. Пропаганда эволюционной теории была знаменем демократического движения 1860-х годов. В этот-то период и сформировались наши исследователи каменного века. Сын простого забайкальского казака и бурятки Поляков был настолько типичным представителем «новых людей», что, заспорив с Тургеневым о Базарове, А. П. Философова рекомендовала романисту приглядеться получше к молодому зоологу, другу П. А. Кропоткина, привлеченному к его процессу²⁰¹. В отчетах об экспедициях Поляков целые страницы посвящал тяжелому положению трудового народа²⁰².

Неудивительно, что у преданных самодержавию археологов, воспитанных в николаевскую эпоху, не нашлось общего языка с Поляковым.

Александр Александрович Иностранцев

Но от сотрудничества с археологами уклонялись и исследователи палеолита. В 1880 г. в научно-популярной книге «Из первобытной жизни человека» Л. К. Попов сочувственно цитировал пользовавшегося тогда в России огромным успехом К. Фогта: «Нет, быть может, ни одного предмета, более интересного для исследования, как то первобытное время человеческого рода, которое далеко оставляет за собою эпоху письменных источников... Способы, употребляемые при других исследованиях, в данном случае не применимы вовсе, и будет совершенно справедливо, если мы скажем, что исследование этих отдаленных времен должно быть делом не историка, не антиквария. Только один геолог, руководствуясь началами своей науки, вправе заниматься этим предметом и подавать свой голос»²⁰³. Глубоко понимая необходимость комплексного изучения каменного века, русские последователи Фогта не учитывали того, что общественные и природные явления имеют свою специфику и подход к ним должен быть разным.

Итак, причин обособленности первобытной археологии от других разделов той же науки было несколько. Ошибочные теоретические установки материалистов писаревской школы, сплошь и рядом приравнивавших человека к животному, играли здесь не меньшую роль, чем враждебное отношение реакционных ученых к исследованиям каменного века.

Весьма вероятно, что естествоиспытатели еще долго сохранили бы монополию на эти исследования, если бы не деятельность А. С. Уварова. После 30-летних занятий сначала античностью²⁰⁴, а затем отечественным средневековьем²⁰⁵, на склоне лет он обратился к первобытности и не пожалел сил, чтобы сблизить между собой отдельные археологические дисциплины²⁰⁶. «Неведение нашей первобытной археологии,— утверждал он в 1874 г.,— не может служить предлогом для исключения ее из общего объема всей русской археологии. Хотя теперь, в данную минуту, мы не дошли еще до полного уяснения, каким народам принадлежат все эти памятники и какое могли иметь влияние эти народы на последующих насельников России, однако и теперь мы не вправе отрицать а priori всякую связь между этими народами первобытной эпохи с нашими историческими племенами, тем более что народы бронзового периода, в последовательности эпох, служили наверно средним звеном между этими племенами каменного века и племенами, упоминаемыми в летописях»²⁰⁷.

В этих словах выражен совершенно иной взгляд на задачи науки о палеолите, чем у естествоиспытателей. Оба направления развивались в России параллельно вплоть до Октябрьской революции. В 1920—1930-х годах окончательно победило историческое направление.

Об Уварове принято писать как об аристократе-дилетанте, очень плохо раскопавшем Владимирские курганы²⁰⁸. Доля истины в этом есть, но разве об Уварове нечего больше сказать? Он был учредителем Московского археологического общества, открывшего свои двери для всех, в отличие от кастово замкнутого Археологического общества в Петербурге. Он участвовал в строительстве Исторического музея с его сплошной экспозицией от палеолита до феодализма. Он организовал археологические съезды. И всюду он стремился преодолеть раздробленность изысканий в области каменного века, античности и средневековья, прийти к какому-то синтезу. Всего этого мы не пайдем во многих западноевропейских странах, где изучение национальных реликвий, первобытных и классических древностей оторвано и друг от друга, и от истории. Будущее показало, что пра-

Алексей Сергеевич Уваров

вильным путем шел Уваров, а не Археологическая комиссия или сторонники чисто биологической «палеоэтнологии».

Подведем некоторые итоги. В конце XVIII — начале XIX в. наши антикварии увлекались главным образом искусством и остатками быта эпохи Греции и Рима. В первой половине XIX в. заметился поворот к памятникам русской старины, которые рассматривались обычно с исторической точки зрения. В третьей четверти столетия в среде натуралистов зарождается интерес к каменному веку. Постепенно эти исследования входят в общую сферу археологии России, становятся скорее историческими, чем естествоведческими. Почва для создания единой археологической науки была подготовлена.

Примерно к 1880 г. завершился важный этап в развитии русской археологии — этап первичного накопления материала и определения задач формирующейся отрасли знания. Период 1880—1890-х годов характеризуется прежде всего разработкой и уточнением ее методов. Так было на Западе, где как раз тогда вышли в свет обобщающие труды Э. Тайлора, Ф. Питри, П. Риверса, сложились периодизация на-

леолита Г. Мортилье, типология и хронология О. Монтелиуса. Так было и в России.

Еще академики XVIII в. пытались порой сопоставлять археологические и этнографические данные, но последовательно применил этот метод лишь Анучин в статьях 1887 и 1890 гг. о луке и стрелах и принадлежностях погребального обряда²⁰⁹. Стратиграфические наблюдения делали уже Мережковский при раскопках стоянок в Сюреньских и Качинском навесах²¹⁰ и В. Г. Тизенгаузен, изучавший курганы бронзового века на нижнем Дону²¹¹. На граи XIX и XX вв. стратиграфический анализ превратился в один из основных археологических методов благодаря работам В. А. Городцова на курганах левобережной Украины²¹². Чуть раньше он же опубликовал первую в нашей литературе типологическую классификацию неолитической керамики²¹³. Картографией памятников у нас занимались со времен Ходаковского. В 1899 г., продолжая его начинания, А. А. Спицын добился блестящего результата, продемонстрировав совпадение ареалов нескольких разновидностей древнерусских украшений с территориями летописных племен²¹⁴. В те же предреволюционные годы сведения, добытые археологами, широко использовали в университетских курсах истории России Д. И. Багaley и М. К. Любавский²¹⁵. Карамзин, Соловьев и даже Ключевский об этом не думали. С лучшими находками знакомил читателей и шеститомный обзор античных, скифо-сарматских, сибирских, кавказских и русских древностей, выпущенный И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым²¹⁶.

Археология миновала решающий рубеж. Что ее ждало впереди, должны рассказать другие книги.

Пушкин и древности

I

Тема «Пушкин и археология» на первый взгляд кажется надуманной. Раскрыв «Словарь языка Пушкина», мы увидим, что за всю свою жизнь он ни разу не употребил этот термин, хотя, несомненно, встречал его в печати и переписке¹. Но на страницах старых археологических изданий мы часто находим имена, знакомые нам по произведениям поэта или воспоминаниям о нем. В справочнике Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» я насчитал более сорока таких имен². Пожалуй, за исключением двух-трех киевских археологов, Пушкин знал всех исследователей древности, живших в России одновременно с ним.

Другой вопрос, вправе ли мы делать из этого факта какие-либо далеко идущие выводы. Круг дворянской интеллигенции в 1820—1830-х годах был крайне узок. Все всех знали. Чуть ли не все со всеми считались родством. Должно было пройти полвека, прежде чем стало возможным, что Достоевский и Лев Толстой, живя рядом, мучительно думая над одними и теми же проблемами, так никогда и не встретились.

Простое знакомство еще мало о чем говорит. Вот, например, А. Д. Чертков. Личность, безусловно, незаурядная. Он был создателем русской нумизматики, первым раскопал курганы вятичей под Москвой, собрал замечательную библиотеку, ставшую после его смерти общедоступной. Сейчас на основе Чертковского книгохранилища выросла одна из лучших библиотек столицы — Историческая. Как же относился к нему Пушкин? 11 и 14 мая 1836 г. он писал жене: «Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего „Путешествия в Сицилию“. Не побранить ли мне его en bon parent [по-родственному]?» «На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скудно и

очень дурно» (XVI, 114, 116) *. Нет сомнений, что для Пушкина Чертков — лишь случайное светское знакомство, скорее докучное, чем интересное.

То, что на протяжении своей жизни Пушкин встречался со многими археологами, позволяет рассчитывать только на мелкие уточнения к его биографии с помощью литературы об этих его современниках, их архивов и т. д.

Но есть другой аспект темы, гораздо более широкий и интересный. 1820—1830-е годы — это период, когда в России начались раскопки славянских городищ и курганов, некрополей античных колоний в Северном Причерноморье, возникли первые археологические музеи, были сделаны выдающиеся открытия, вроде кургана Куль-оба под Керчью или клада древнерусских ювелирных изделий в Старой Рязани. Все это вызывало определенный общественный резонанс. В декабристской «Полярной звезде» Александр Бестужев писал: «К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностно заниматься археологиею и критикой исторической — сими основными камнями истории» ³.

Сложение археологии как самостоятельной науки — не частность, важная лишь для специалистов, а факт истории русской культуры. Неужели же всеоткликающийся Пушкин никак на него не отозвался? Нет, мы точно знаем, что он осматривал памятники древности в Крыму, в Молдавии, на Кавказе, интересовался трудами З. Ходаковского и египтолога И. А. Гулянова. Очевидно, заявленная нами тема, при всей ее периферийности для изучения творчества Пушкина, имеет право на существование.

А отсюда и следующий шаг: не ограничиться комментариями археолога к отдельным произведениям Пушкина, но постараться сравнить его подход к далекому прошлому с подходом современных ему ученых и с нашими сегодняшними оценками. Проблема двух путей познания, «физиков и лириков» волнует сейчас интеллигенцию и у нас, и за рубежом. «Сопряжение далековатых идей» (по выражению Ломоносова, часто применявшемуся нашими литературоведами 1920-х годов) ⁴, таких, как археология и творчество Пушкина, может привести к неожиданным и бесполезным выводам.

Как мы помним по предшествующему очерку, научный

---

* Все ссылки на произведения Пушкина даны в тексте по большому академическому «Полному собранию сочинений» (т. I—XVI. М.; Л., 1937—1949). Латинская цифра обозначает том, арабская — страницу.

подход к остаткам далекой старины возник в России, благодаря начинаниям Петра I. Пушкин знал об этом. В подготовительные материалы 1831—1836 г. к «Истории Петра» вошли многочисленные факты, связанные с этой стороной деятельности царя. Отмечено, что во время поездок за границу он осматривал кунсткамеры и мюнц-кабинеты в Амстердаме, Дрездене, Копенгагене; покупал там коллекции для своего музея; желая привлечь в него посетителей, велел выставлять им специальное угощение; опубликовал указы о присылке редкостей для Кунсткамеры (X, 36, 40, 222, 227, 231, 282). Пушкин справедливо видел в этом нечто новое в русской жизни, явления, небезразличные для судеб нашей культуры.

В то же время внимание Петра к подобным вопросам в разгар таких событий, как следствие над царевичем Алексеем, удивляло поэта. Он писал об указе 1718 г.: «15 марта казнены Досифей, Глебов, Кикин казначей и Вяземский. Баклановский и несколько монахинь высечены кнутом. Царевна Мария заключена в Шлиссельбург. Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу... Государственные дела шли между тем своим порядком. 31 января Петр строго подтвердил свои прежние указы о нерубке лесов... 6 февраля подновил указ о монстрах, указав приносить рождающихся уродов к комендантам городов, назнача плату за человеческие — по 10 р., за скотской — по 5, за птичий — по 3 (за мертвые), за живых же: за челов.— по 100, за звер.— по 15, за птиц. по 7 руб. и проч. Смотри указ. Сам он был странный монарх!» (X, 241).

В этом есть своя правда, но Пушкин не заметил, что в цитированном им документе речь шла не просто об уродках, способных вызвать праздное любопытство толпы, а о сборе научных материалов, как анатомических, так и палеонтологических и археологических. Указ 1718 г. сберег для науки интересные памятники прошлого, найденные 250 лет назад, положил начало собиранию их в России. Этот результат петровских распоряжений Пушкин по достоинству не оценил.

Можно вспомнить в этой связи и его раннюю шуточную поэму «Царь Никита», где о Кунсткамере говорится как о выставке смешных и нелепых предметов: «две ехидны, два скелета» и т. д. (II, 254).

Но в «Истории Петра» мы встретим и иное: единственную у Пушкина ссылку на музейный экспонат: «Граф Растрелли вылил статую Бухвостова (из потешных, в то время майора артиллерии). Хранится в Академии наук в Кунсткамере» (X, 219). Очевидно, Пушкин бывал в этом

музее, осматривал его экспозицию. В библиотеке поэта была книга Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого» в трех частях — описание и каталог Кунсткамеры, путеводитель по ней⁵.

Выделены в «Истории Петра» и два других момента, существенных для развития археологии в России: 1719 г. — отправка в Сибирь научной экспедиции во главе с приглашенным из Данцига доктором Мессершмидтом (X, 453), и 1722 г. — «Петр велел поправить болгарские развалины» (X, 261). Заметим, что по дороге в Оренбург Пушкин останавливался в Казани и мог слышать там рассказы о Болгаре, но побывать на самом городище не успел или не захотел.

Был знаком он и с основными публикациями академических экспедиций XVIII в., купив для своей библиотеки книгу Ф. Страленберга, спутника Мессершмидта, «Описание Сибирского царства» Миллера, труды академиков Лепехина, Палласа, Озерецковского, Фалька, адъютанта Рычкова⁶. В «Истории Пугачева» сочувственно цитируются слова А. И. Левшина о «Миллере, известном своими изысканиями и сведениями в истории нашей» (IX, 88). В других произведениях Пушкина Миллер назван еще семь раз.

С Г. И. Спасским — продолжателем традиций XVIII в. в исследовании сибирских древностей — Пушкин встречался и переписывался, интересовался его изданиями. В 1825 г. поэт просил брата Льва прислать ему в Михайловское «Сибирской вестник весь» (XIII, 163). В его библиотеке есть комплекты этого журнала за 1818—1822 и 1824 гг.⁷

Переходим к антиковедению. В Одессе Пушкин встречался с И. А. Стемпковским и с И. П. Бларамбергом — другим видным знатоком памятников нашего юга, первым директором Одесского музея древностей; в Керчи, возможно, виделся с П. А. Дюбрюксом; в Петербурге в последние годы жизни общался с академиком-антиковедом Е. Е. Кёлером. В Одессе, в доме М. С. Воронцова, считавшего себя покровителем наук во вверенном ему крае, поэт, несомненно, слышал разговоры о новых археологических находках, о коллекциях ольвийских или херсонесских монет. Строка «где древних городов под пеплом дремлют мощи» (III, 191) в стихотворении об Италии 1829 г. «Поедем, я готов...» показывает, что Пушкин имел представление и об открытиях при раскопках Помпей и Геркуланума.

Ведущего русского антиковеда А. Н. Оленина Пушкин знал лет 20, бывал у него и дома, и в загородном имении Приютино, сватался к его дочери, в юности благодарил за

«любезную благосклонность», выразившуюся в изящном оформлении издания «Руслана и Людмилы» (XIII, 28), после ссылки с раздражением назвал его «пролаз, нулек на ножках» в черновиках к «Евгению Онегину» (VI, 514). Но при всем том остается неясным, проявлял ли когда-нибудь поэт любопытство к изысканиям президента Академии художеств в области античных и средневековых древностей, воспользовался ли хоть раз какими-либо результатами его работы.

Мне кажется, что Пушкина должна была привлекать оленийская коллекция оружия. На военной службе во время шведской и польской кампаний 1789, 1790 и 1794 гг. в драгунских эскадронах Псковского полка Оленин учился стрелять из лука у начальника башкирского отряда Акчур-Пай Кочулпанова и у лезгина Лачинова. В Петербурге он изучал луки, привезенные в Кунсткамеру русскими мореплавателями. За 35 лет Оленин собрал в своем доме более 100 луков — кавказских, татарских, башкирских, распиливал некоторые из них, чтобы выяснить, как их изготовляли. Правда, став в 1817 г. президентом Академии художеств, он подарил ей свое собрание, но, по свидетельству Ф. Г. Солнцева, стрельба из лука была любимым развлечением в Приютино и в 1820-х годах⁸. Благодаря этой коллекции, Пушкин мог получить некоторое представление о старинном оружии. Фигурирующие в его стихах щит, меч, шлем — обычные слова из поэтического лексикона, но уже шишак (I, 260; III, 94), броню (II, 243; III, 94), бердыш (III, 311) мог упомянуть лишь человек, несколько знакомый со средневековым доспехом и оружием.

Преувеличивать осведомленность Пушкина в этой сфере не приходится. В «Руслане и Людмиле» шлемы называются то «медными», то «стальными», то «чугунными» и неизменно «пернатыми», «оперенными», кольчуги — тоже «медными», а такими ни те, ни другие в Восточной Европе никогда не были. Непохожи на древние вещи топоры и сабли, нарисованные автором на полях черновика «Руслана и Людмилы»⁹. Конечно, эта поэма — не научный трактат, а изящная сказка с элементами фантастики. Антикварной точности от нее требовать смешно. И все же мы не сомневаемся, что древнее оружие поэт видел в подлинниках или в хороших воспроизведениях.

Оленин занимался исследованием и античных, и русских древностей. Основоположником славянской археологии был у нас, как уже говорилось, Зориан Ходаковский. Он упомя-

пут в пушкинских набросках 1832—1833 гг. к незаконченной поэме об Езерском:

...новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.

В специальном примечании к этой строфе поясняется, что «Ходаковский — известный изыскатель древностей». Потом «изыскатель» зачеркнуто и написано — «любитель» (V, 100, 418).

В 1836 г. восемь строф из вступления к поэме об Езерском были опубликованы под заголовком «Родословная моего героя (отрывок из сатирической поэмы)». Приведенное нами четверостишие вошло туда почти без изменений:

...новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.

Примечание немного расширено: Ходаковский — «известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад» (III, 427).

Второй раз Пушкин назвал Ходаковского в статье про Песнь о полку Игореве, подготовлявшейся в конце 1836 г.: «Ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Игореве» (XII, 147).

В письме А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову сохранился отзвук беседы Пушкина и П. А. Вяземского в Твери с декабристом Ф. Н. Глинкой в августе 1830 г. В Тверской губернии жила вдова Ходаковского. Петербургские гости «умоляли Глинку упросить вдову... одной строкой уполномочить их на отнятие у Полевого» бумаг ее мужа. В свое время она сама передала их Н. А. Полевому; минуло пять лет, а рукописи все еще не были напечатаны. Этот архив, — повторяет Шишков за Пушкиным и Вяземским, — «золотой рудник», «сокровище». Полевой прячет его умышленно, надеясь присвоить чужие открытия. «Повидайся нарочно с Пушкиным и стороной заговори об этом, ты увидишь, что он тебе скажет», — советует Шишков Аксакову¹⁰. Письмо показывает, что Ходаковский привлекал Пушкина прежде всего как знаток «древностей, таящихся в наречьях, поверьях и местностях словенских народов»¹¹. Соприкосновение с миром народных сказок, песен, легенд в долгие месяцы Ми-

хайловской ссылки сыграло большую роль в творчестве Пушкина. Отсюда и интерес к бумагам собирателя и толкователя наших «наречий и поверий». О богатстве фольклорных материалов в архиве покойного ученого Пушкин мог слышать от М. А. Максимовича, использовавшего их позднее в своих сборниках украинских песен.

Второе направление исследований Ходаковского, занимавшее Пушкина,— комментарии к Слову о полку Игореве. И здесь археолог сделал ценные наблюдения. Но не исключено, что Пушкин постарался понять и теорию «славянского городства» Ходаковского. Любопытен в этой связи начальный вариант названия «Бориса Годунова»: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Воронице (XIII, 188). Трагедия готовилась, конечно, в Михайловском, но памятник XII—XVII вв. Воронич у Тригорского назван, безусловно, для того, чтобы придать заглавию исторический колорит. Значит, городище воспринималось автором правильно, как свидетель былых веков, как современник ставших основой драмы событий.

В 1820 г. Пушкин держал в руках те номера «Сына отечества», где печатался «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» Ходаковского (XIII, 21)¹². Лично знал он и К. Ф. Калайдовича, давшего иную, чем у польского «изыскателя древностей», принятую и сейчас трактовку городищ.

Исследования античных и древнерусских памятников были главными направлениями в археологии пушкинской поры, но уже возникли тогда и два других ее раздела, связанных с изучением Востока и первобытной эпохи. Книга «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева» была в библиотеке поэта во французском переводе¹³.

Мы знаем два археологических рисунка Пушкина. Оба они посвящены древнему Египту. Первый обнаружен в архиве члена Российской академии И. А. Гульянова. Пушкин общался с ним в 1831—1832 гг., посвятил ему «Ответ анониму». По рассказам, записанным П. И. Бартеневым, они встречались в доме П. В. и В. А. Нащокиных, живо обсуждали проблемы, волновавшие Гульянова, причем тот был поражен глубокими знаниями Пушкина в области языковедения¹⁴. На листке из архива набросан контур пирамиды и сделана по-французски подпись Гульянова: «Начертанная

1-22 page

Рисунок
1833.

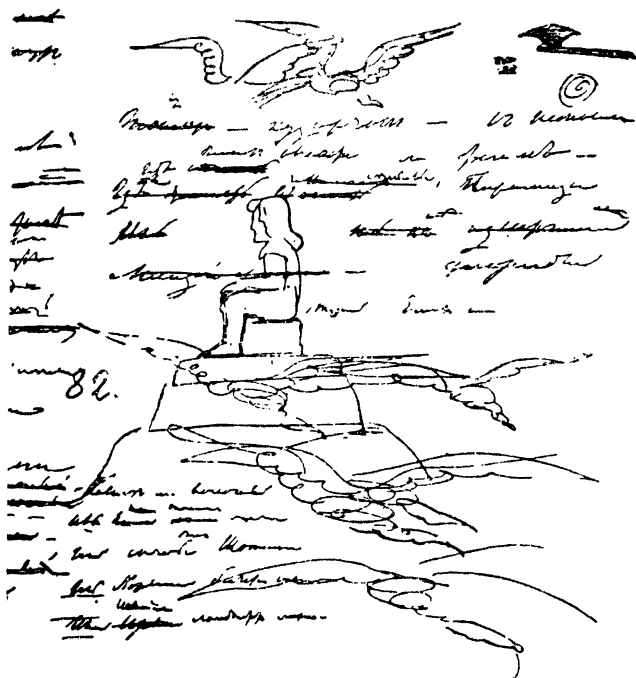
Tracé par le Poète Alexandre Pouchkine dans un
cahier que j'ai en ce moment sous la main
en général sur les caractères hiéroglyphiques en
particulier. Moscou le 19e Décembre 1831.

Египетская пирамида

Рисунок А. С. Пушкина из архива И. А. Гульянова, 1831 г.

поэтом Александром Пушкиным в разговоре, который я имел с ним в это утро о моих трудах вообще и о иероглифических знаках в частности. 31 декабря 1831 г.»¹⁵. Судя по этой надписи, беседа проходила не на светском рауте, а во время специальной утренней встречи. Кто кому нанес визит накануне Нового года, мы не знаем, но и тут неминуемо возник вопрос, занимавший в то время все образованное общество, — о расшифровке египетских иероглифов.

Второй «археологический» рисунок Пушкина находится на черновике стихотворения «Осень», относящемся к октябрю 1833 г. Как известно, этот шедевр русской поэзии обрывается на словах: «Куда ж нам плыть?», после чего идут две строки многоточий. В черновиках намечались различные направления пути для «оснащенного корабля» и среди них — «Египет колоссальный», «где дремлют древние за Нилом пирамиды», «где дремлют вечноности символы, пирамиды» (III, 934, 935). Думая об этой стране, в своей характерной быст-

Колосс Мемнона

Рисунок А. С. Пушкина на черновике стихотворения «Осень». Октябрь 1833 г.

рой манере Пушкин начертил на полях контур древней статуи, восседающей на ступенчатом пьедестале¹⁶. Без труда можно узнать одно из изображений фараона XVIII династии Аменхотепа III, стоявших перед пилоном его заупокойного храма в Фивах и нередко называвшихся по примеру греческих авторов «колоссами Мемнона» (Мемпон — герой Троянской войны, сын богини утренней зари Эос)¹⁷. Рисунок Пушкина восходит, несомненно, к гравюре в какой-то книге. Это заставляет внимательнее приглядеться и к листку, оставшемуся у Гулянова. Пирамида на нем необычная — не с острой, а с плоской вершиной. Может быть, это случайность, но не исключено, что Пушкин где-то видел воспроизведение пирамиды такой формы, самой ранней из всех, возведенной фараоном Джосером около 2800 г. до н. э.¹⁸

Литературоведы предполагают, что египетская тема в «Осени» появилась под влиянием Гульянова¹⁹. Это вполне вероятно, хотя общее представление о древнем Египте Пушкин, несомненно, получил еще из лицейских курсов.

Но если и до знакомства с Гульяновым Пушкин кое-что знал о Египте, паверное, он услышал немало нового об этой стране от человека, не один год изучавшего ее прошлое. Любопытно письмо П. Я. Чаадаева к Пушкину от марта-апреля 1829 г.: «Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть Вас посвященным в тайну века... Последнее время стали везде читать по-русски... Я нахожу имя моего друга Гульянова, с уважением упомянутое в толстом томе, и знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венец: по-видимому, он потряс пирамиды в их основаниях»²⁰. Это письмо, предшествовавшее встрече Гульянова и Пушкина, возможно, и побудило поэта познакомиться с автором столь значительных трудов, расспросить его о проведенных им изысканиях.

Во всяком случае падо помнить о Гульянове при истолковании наследия самого Чаадаева. К тому же 1829 г., что и цитированное письмо, относится отрывок чаадаевской статьи об архитектуре²¹. Большое внимание в ней уделено сравнению памятников Нила с греческими и готическими храмами, «духу Востока», воплотившемуся в пирамидах. Для общей характеристики культуры Египта такому образованному человеку, как Чаадаев, консультации Гульянова были, конечно, не пужны, но есть здесь и такая фраза: «Циклопические постройки, в том числе индийские — наиболее обширные в этом роде, — представляют собой лишь первые проблески идеи искусства»²². В 1820-х годах о мегалитах Индии слышали очень немногие. Менгиры и дольмены были выявлены там только в 1819 г. — на Малабарском побережье — и описаны год спустя Д. Бэбингтоном в весьма специальном издании²³. Это показывает, что при работе над статьей об архитектуре Чаадаев пользовался советами какого-то ученого, знакомого с новейшей литературой по археологии. Думается, что им был не кто иной как Гульянов. Мыслителя, пытавшегося постичь философию истории, не могли не интересовать древнейшая цивилизация и первые шаги искусства. Недаром вопрос о памятниках прошлого занимает в «Философических письмах» такое важное место. Закономерно, что эрудированный лингвист и египтолог оказался для Чаадаева чрезвычайно ценным информатором. О близости их свидетельствуют две французские записки Чаадаева, сохранившиеся в архиве Гульянова²⁴.

Проблема начального этапа человеческой истории — каменного века — была поставлена в первой половине XIX столетия французской наукой. Основоположники археологии палеолита Ж. Буше де Перт и Э. Ларте начали свои исследования еще при жизни Пушкина. В России эта дисциплина сложилась позднее, чем в Западной Европе. Публикации, входившие в противоречия с Библией, вызывали беспокойство цензуры и правительства. Все же кое-что просачивалось в печать и при Пушкине.

В 1816 г. около Луганска был найден клад кремневых орудий неолитического времени. О нем сообщил горный инженер Г. Г. Гесс де Кальве, известный и как автор первой русской музыковедческой диссертации²⁵. Доклад его «Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии» зачитывался 23 февраля 1820 г. в Обществе любителей российской словесности в Петербурге. Пушкина на заседании не было, но там присутствовали А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, П. А. Плетнев, Ходаковский²⁶.

Мало этого. В сочинениях самого Пушкина есть незамеченный отклик на открытия в области палеолита. Он содержится в рецензии 1836 г. на «Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова». В этом весьма благожелательном отзыве цитируется как «лучшая из всех» элегия «Гебеджинские развалины», и там мы находим строки:

Мамонта, могуч и страшен,
На битву равную охотник вызывал!

ХII, 87

Литературоведы не обратили на них внимания: кто же не знает, что первобытные люди охотились на мамонта? Но в том-то и дело, что ни в 1829 г. (когда В. Г. Тепляков ездил в Болгарию и писал свои элегии), ни в 1836 г. этого не знал почти никто. К работам на Сомме Буше де Перт приступил в 1832 г., а к выводу об одновременном существовании человека и ископаемых животных пришел уже в 1840-х годах. Основной его труд «О кельтических и допотопных древностях» вышел в 1847—1864 гг. В изучении каменного века у Буше де Перта были предшественники — Турпаль, начавший свои изыскания в 1826 г. и поместивший две статьи в «*Annales des sciences naturelles*» в 1828 и 1834 гг., и Ф. Шмерлинг, обнаруживший кости мамонта вместе с кремневыми орудиями около Льежа. Его сообщения увидели свет в 1833 и 1834 гг.²⁷ В примечаниях к элегии Теплякова эти имена не названы. Ссылается он, правда в

иной связи, на знаменитого палеонтолога Ж. Кювье. Но великий биолог, как известно, не верил, что человек жил одновременно с мамонтом. В прочтенном Тепляковым и имевшемся в библиотеке Пушкина «Рассуждении о переворотах на поверхности Земного шара» Кювье заявлял, что «ископаемых человеческих костей не существует»²⁸. Источником сведений Теплякова был, следовательно, кто-то другой.

Тепляков — фигура незаурядная и малооцененная. Он формировался в декабристских кругах, подвергся аресту, а после освобождения жил на юге России, увлекаясь его историей и археологией. Во время войны 1829 г. он был командирован в Болгарию, чтобы собрать для Одесского музея древностей монеты, камни с надписями, сосуды и статуи. Плодом этой поездки были и «Фракийские элегии», и прозаические «Письма из Болгарии» (1833 г.). В этой книге описаны некоторые археологические находки и сделан ряд выводов, в дальнейшем подтвержденных наукой. В очерке о поисках гробницы Овидия мы к этому еще вернемся. «Гебеджинские развалины» показывают, что помимо античности Тепляков интересовался и более ранней эпохой. Его наблюдения перешли на страницы пушкинской рецензии.

Вот сколько неожиданных пересечений между творчеством Пушкина и историей археологии удастся отметить даже при беглом обзоре.

В заключение подчеркнем, что в начале XIX в. наука была меньше обособлена от жизни общества. Учреждения, где в тиши кабинетов работают кастовые специалисты, делящиеся результатами своих исследований лишь с коллегами на закрытых заседаниях, возникли в основном позднее. Гуманитарными науками занимались светские люди. Расшифровка египетских иероглифов, раскопки в Куль-обе или Херсонесе обсуждались в гостиных, на балах и раутах.

То же касается и коллекций древностей. Кроме Кунсткамеры и Оружейной палаты, государственных музеев не было. Зато во многих домах демонстрировались частные собрания редкостей. В юсуповском Архангельском под Москвой, где не раз бывал Пушкин, и сейчас можно осмотреть такой «зал антиков». Предметы искусства и старины собирали не только богачи вроде Н. Б. Юсупова. Даже в сравнительно бедной семье А. Ф. Бестужева, отца декабристов, «в шкафах за стеклами и на высоких этажерках были расположены минералы, грабленные камни, редкости из Геркуланума и Помпеи»²⁹. Богатое собрание восточных древностей, прежде всего из Болгара, было в доме казанского знакомого Пушкина профессора К. Ф. Фукса³⁰. Мы знаем, что самому

поэту в 1833 г. А. И. Тургенев прислал в подарок из Рима мраморную античную вазу, найденную при раскопках Тускулума³¹.

Частные коллекции не отличались, конечно, ни полнотой, ни систематичностью современных музеев, дающих исчерпывающее представление обо всех этапах культуры, о различных сторонах древнего быта. Но эти малые собрания обладали и определенными преимуществами — любой предмет желаемые могли взять в руки, пощупать, повертеть. Внимание посетителей не рассеивалось на тысячи экспонатов, а сосредоточивалось на отдельных вещах. Таков был еще один путь проникновения археологии в жизнь просвещенного общества.

II

Первыми археологическими памятниками, обратившими на себя внимание Пушкина, были, бесспорно, южнорусские курганы. Прежде чем ссыльный поэт прибыл в Кишинев к своему новому начальнику, генералу И. Н. Инзову, он совершил длительное путешествие по Поднепровью, Приазовью, Предкавказью, степному Крыму, Северо-Западному Причерноморью. Выхав вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского в середине мая 1820 г. из Екатеринослава, к 1 июня Пушкин добрался до Новочеркасска, дальше по Прикубанью направился в район Кавказских минеральных вод, проведя там почти два месяца, 5 августа повернул в обратный путь, к 12 августа был в Темрюке, затем прожил три недели в Крыму, 12 сентября миновал Перекоп и только к 20 сентября приехал в Кишинев³². Вся эта область усеяна большими и малыми курганами, насыпанными главным образом в бронзовом веке и в скифо-сарматское время, а отчасти уже в средние века — печенегами, торками, половцами. Не заметить эти памятники прошлого невозможно даже сегодня, когда рядом выросли крупные города, промышленные комплексы Донбасса, когда распахана вся степь. Полтора столетия назад, кроме курганов, тут по сути дела ничего примечательного не было, и неудивительно, что о них говорится и в южных поэмах Пушкина — «Кавказском пленнике», «Братьях разбойниках» (IV, 373), «Цыганах» (IV, 180, 198), и в стихотворении тех же лет «Песнь о вещем Олеге» (II, 245). Позже, возвращаясь к сюжетам, связанным с Молдавией, он вновь вспоминал о курганах в «Кирджали» (VIII, 259), «Записках бригадира Моро де Бразе» (X, 308, 318), заметках к Слову о полку Игореве.

В беглых упоминаниях курганов у Пушкина взгляд археолога улавливает отпечаток представлений эпохи об этих памятниках. Теперь все знают, что это насыпи над древними захоронениями. Не так было в начале XIX в. Знакомый Пушкина, видный историк Ю. И. Венелин, писал в 1830 г., что это «мнимые могилы», скорее всего остатки жилищ кочевых народов — татар и угров³³. Другой знакомый поэта, академик П. И. Кёппен, в тот же период приводил и разбил мнение, распространенное на юге России, что это сторожевые вышки, искусственные холмы, с которых караулы следили за передвижениями татар и казаков³⁴. «Курганы, рассыпанные во множестве по ровным степям здешним, делались для передовых страж и сигналов», — говорится в известной Пушкину статье П. П. Свиньина 1821 г. «Воспоминания в степях бессарабских»³⁵.

Если в «Цыганах» или в «Путевых записках 1829 г.» (VIII, 1033) курган — синоним могилы, то в «Кавказском пленнике» мы видим иное:

На курганах возвышенных,
Склонясь на копыя, казаки
Глядят на темный бег реки.

IV, 101

И окликались на курганах
Сторожевые казаки.

IV, 112

Но это может быть лишь бытовой зарисовкой: на насыпях над прахом древних обитателей степи как на наиболее высоких точках, удобных для обзора, часто располагались посты кубанских казаков. Зато в совершенно другом смысле применен тот же термин в заметках к Слову о полку Игореве. «Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием Троянова вала» (XII, 151). Здесь уже явно речь идет о земляных сооружениях оборонительного назначения. В Поднепровье до сих пор сохранились два траяновых вала — нижний и верхний. Построены они в первые века нашей эры³⁶. Во время поездки по Молдавии в 1821 г. И. П. Липранди показывал Пушкину верхний траянов вал у с. Леова на Пруте³⁷. Отсюда он тянется к Днестру в район Бендер на 138 км.

Итак, в произведениях Пушкина отразилась некоторая неотчетливость представлений о курганах, существовавшая

в науке начала XIX в. Только широкие массовые раскопки в середине этого столетия позволили утверждать, что округлые насыпи — это всегда надгробия, а длинные валы — фортификационные сооружения, иная категория древностей. Но не исключено и другое: тюркское слово «курган» означает вовсе не насыпь над могилой, а именно укрепление³⁸. Может быть, во времена Пушкина такое понимание термина еще не совсем забылось, и недаром он упомянул однажды в этом смысле «курганы Бородина» (XII, 133).

Кладбища кочевников-степняков Пушкин видел только мельком, из окна повозки. Более внимательно осматривал он археологические памятники в Крыму. Источником наших сведений об этом служат два письма поэта. Первое отправлено брату Льву 24 сентября 1820 г. из Кишинева, т. е. вскоре после посещения Тамани, Керчи, Феодосии; второе адресовано Дельвигу и относится к декабрю 1824 г. или к 1825 г. Это отклик на вышедшую в 1823 г. книгу И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 г.» Пушкина поразила резкая разница в восприятии Крыма у двух одновременно побывавших там людей, и он вспоминает о своих впечатлениях, сравнивая их с рассказом Муравьева-Апостола — человека старшего поколения, поклонника античности, писателя-классика. Судьба этого текста своеобразна. Хотя в конце его Пушкин специально просил это письмо никому не читать, он сам способствовал тому, что оно почти целиком было тогда же опубликовано в «Северных цветах на 1826 г.», а затем при жизни автора перепечатывалось еще несколько раз. Теперь оно включается в собрания сочинений вместе с отрывком из книги Муравьева как приложение к «Бахчисарайскому фонтану» (XIII, 487).

Рассмотрим последовательно дошедшие до нас записи Пушкина о крымских достопримечательностях, сопровождая его слова необходимыми комментариями.

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма» (XIII, 18). Что летописная Тмутаракань находилась на Тамани, было установлено незадолго до поездки Пушкина. Авторы XVII в. помещали ее в Астрахани, В. Н. Татищев и Н. Н. Болтин — в районе Рязани, Феофан Прокопович — в Литве, Г. Байер — в Темрюке³⁹. Только находка на Таманском городище в 1792 г. мраморной плиты с русской надписью 1068—1069 гг. и упоминанием Тмутаракани помогла определить местоположение древнего поселения. В 1806 г. Оленин опубликовал книгу «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском». Возможно, поэт ви-

дел ее, по не менее вероятно, что о Тмутараканском княжестве он узнал из «Истории государства Российского» Карамзина, которую цитировал в этой связи в «Кавказском пленнике» (IV, 117).

В Фанагорийской крепости Пушкин мог видеть Тмутараканский камень. В 1803 г. при поездке по Крыму и Тамани талантливый архитектор и писатель Н. А. Львов устроил в местной церкви нечто вроде музейной экспозиции, расставив в виде скульптурной группы Тмутараканский камень, куски мраморных плит с древнегреческими надписями и обломки античных статуй, найденные около Фанагории. Как выглядела эта композиция, характерная для эпохи, стремившейся объединить, увязать античные и русские памятники, мы знаем по гравюре в книге Оленина. В 1820 г. эту экспозицию в церкви еще берегли. Ее осмотрел и описал путешествовавший одновременно с семьей Раевских и Пушкиным третьестепенный литератор Г. В. Гераков⁴⁰. Лет через десять все древности из церкви выкинули. Тмутараканский камень в 1835 г. перевезли в Керченский музей, а уже оттуда в 1854 г. — в Эрмитаж.

15 августа 1820 г. Пушкин провел в Керчи. Письмо к брату: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посреди кладбища увидел я груду камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится» (XIII, 18). Письмо к Дельвигу: «Из Азии переехали мы в Европу на корабле. Я тотчас отправился на так называемую Митридагову гробницу (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только (IV, 175; XIII, 250, 251).

Пушкин упоминает два археологических объекта — руины античного города Пантикапея и Золотой курган неподалеку от него. Над Керченским портом поднимается гора Митридат. На ней-то и располагался основанный переселенцами из Милета в VI в. до н. э. Пантикапей. Название

Вид Керчи с горой Митридат

Из кн.: *Сумароков П. И. «Досуги крымского судьи»*
(СПб., 1803)

горы недавнее, оно возникло уже после присоединения Крыма к России. Царь Понта — государства в Малой Азии — Митридат (родился около 132 г. до н. э., погиб в 63 г. до н. э.) был яростным соперником Римской державы. Он достиг того, что под его властью оказались и Кавказ, и Северное Причерноморье, и Греция, и острова Эгейского моря. И все же в борьбе с Римом Митридат потерпел поражение. Утратив завоеванные области, он покончил с собой в Пантикапее, где его сын Фарнак готов был выдать отца римлянам.

Этот яркий эпизод из прошлого Тавриды, рассказанный греческим историком Аппианом⁴¹, русское общество знало лучше, чем какие-либо другие связанные с Крымом события. Сведения о Митридате черпались при этом обычно из посвященной ему трагедии Расина, а не из первоисточников. Понтийскому царю приписывали все развалины, уцелевшие к тому времени в Керчи.

Так же глядел на берега Крыма и Пушкин: Онегин посещает Тавриду:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пылад,
Там закололся Митридат.

VI, 199

Или в черновиках неоконченного стихотворения: «И зрит пловец — могила Митридата» (II, 190). Как и большинство его современников, поэт ошибался. Такой гробницы в Пантикапее никогда не было. Фарнак отослал тело отца его врагу Помпею, а тот благородно повелел похоронить царя с подобающими почестями на родовом кладбище в Синопе.

На территории городища Пушкин осмотрел какую-то башню, фундаменты жилищ. Сейчас ни того, ни другого мы уже не найдем. По мере того как росла русская Керчь, ее жители растаскивали для своих домов камни из древних построек.

Впечатления Пушкина от античного городища примерно такие же, как у любого рядового посетителя. Ждут чего-то значительного, выразительного, ясную и цельную картину ушедшей жизни, а видят обрывки кладок, разбитые кирпичи, черепки. Такое же разочарование испытал ездивший по Крыму за год до Пушкина поэт предшествовавшего поколения В. В. Капнист. В 1819 г. он отправился на юг, чтобы отыскать свидетельства о странствиях Одиссея по Черному морю. Вместе с семьей он приехал в Херсонес, но, как писа-

ла позднее его дочь, «кроме камней и разрушенных стен мы ничего не видели»⁴².

Но если Капнист, Муравьев-Апостол и другие путешественники по Тавриде не шли дальше признания, что Пантикапей или Херсонес в натуре не так интересны, как думалось, то Пушкин сделал определенный шаг вперед. Он понял, что «много драгоценного скрывается под землею» и надо вести раскопки. На это его могли натолкнуть разговоры с Олениным в Петербурге, с С. М. Броневским в Феодосии, возможно, и с Дюбрюксом в Керчи.

Это и есть упомянутый в письме к брату «француз». Неясно, встречался ли с ним Пушкин. Пребывание его в Керчи было кратковременным, а Дюбрюкс в этот момент мог находиться за городом, на раскопках. Во всяком случае относящиеся к нему слова Пушкина неточны, что могло случиться и при мимолетном знакомстве и быстрой экскурсии с ним по Пантикапею. Дюбрюкс вовсе не был «прислан из Петербурга для разысканий», а занялся ими по собственному почину. Он был заброшен в Россию в числе многих дворян-роялистов, бежавших от Французской революции. Но в то время как его более богатых, более знатных и образованных соотечественников, вроде герцога А. Ришелье или графа А. Лапжерона (чьи имена до сих пор звучат в названиях одесских улиц), ждали в России видные государственные посты, судьба рядового эмигранта сложилась нелегко. Поступив в 19 лет на военную службу, Дюбрюкс не имел по сути дела никакого образования. Правда, это не помешало ему несколько лет быть учителем где-то в Польше, но в Керчи, куда он перебрался в 1809 г., на эту роль он уже не претендовал.

Ныне крупный портовый город, Керчь была тогда захолустным поселком с 600 жителями. Дюбрюкс, пристроившийся на таможне, бедствовал и питался одной соленой рыбой. В 1817 г. его назначили начальником соляных озер, но и эта должность приносила ему мало дохода. Не слишком обремененный служебными обязанностями, француз бродил по окрестностям и собирал древние монеты, расписные сосуды, нередко попадавшиеся в пантикапейской земле. С 1811 г. он начал вести небольшие раскопки. Есть данные о том, что сперва Дюбрюкс рассчитывал всего лишь пополнить свой бюджет, продавая найденные вещи коллекционерам. Но постепенно он увлекся археологией, стал читать древних авторов, записывать свои наблюдения, делать зарисовки и чертежи. Как справедливо заметил Пушкин, для раскопок нужны солидные средства, чтобы оплачивать тя-

желый труд землекопов. Учреждений, ведающих археологическими исследованиями, в России тогда еще не было. Дюбрюкс обращался в Академию наук, искал меценатов-покровителей. Какую-то сумму на раскопки раздобыл для него Ланжерон, что-то дали великие князья Николай и Михаил Павловичи. В 1818 г. Керчь посетил «кочующий деспот» — Александр I. Дюбрюкс преподнес императору свою коллекцию древностей, а тот «подарил» ее ему самому. С тех пор археологическая деятельность смотрителя соляных озер получила уже официальный характер, почему Пушкин и решил, что «француз прислан из Петербурга для разысканий». Но средств не было по-прежнему. Незадолго до смерти Дюбрюкс говорил, что выходит на археологические разведки на целый день лишь с ломтем хлеба в кармаше и только изредка позволяет себе купить солдатского табаку.

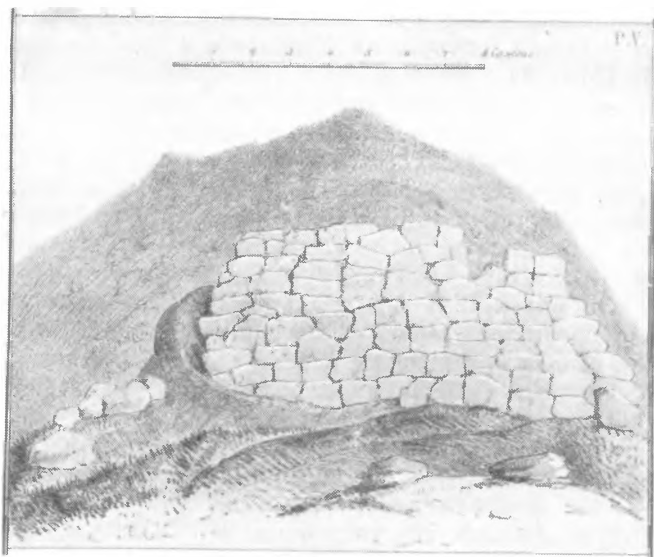
Улучшилось его положение в одном отношении. В 1829 г. в Керчь прибыл новый градоначальник, серьезный знаток античности Стемпковский. В 1826 г. возник Керченский музей древностей. После открытия кургана Куль-оба с его золотыми произведениями искусства правительство уже не скупилось на финансовую поддержку раскопок, и они разворачивались все шире и шире. Недавний краевед-одиночка дождался до начала этого нового этапа и смог несколько лет поработать с более квалифицированными антиковедами⁴³.

Отзыв Пушкина совпадает с характеристиками, данными зачинателю керченской археологии другими современниками. Сопровождавший Александра I при поездке по Крыму генерал и военный историк А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Что человек сей не учен, то доказывает самое короткое с ним свидание, он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слышал и даже по-французски говорит дурно, мало учился,... вступил в военную службу во Франции и потом сочинил книжку под заглавием „Essai sur la cavalerie legère“ Всякий видит, что переход от легкой конницы до глубокой древности немного труден»⁴⁴. (Ниже, однако, Михайловский-Данилевский отметил, что Дюбрюкс читал Геродота и Страбона.) Оленин также утверждал, что «от трудов господина Дюбрюкса не может быть решительно никакой пользы», подчеркивая в заключении о его сообщениях, что он «неграмотен на своем французском языке»⁴⁵. Личная встреча с Дюбрюксом, приезжавшим в Петербург в апреле-мае 1820 г., не изменила отрицательное мнение о нем президента Академии художеств. Пушкину оно могло быть известно.

Его пренебрежительный взгляд на «француза» уже в наши дни пытался обосновать выдающийся литературовед Б. В. Томашевский. Для него это «археолог-дилетант, беспорядочно копавший керченскую землю и составивший коллекцию древних предметов, историческое значение которых он сам не мог оценить»⁴⁶. Никто из археологов не согласится с этим приговором. О систематических исследованиях Пантикапея в начале XIX в. и речи быть не могло. Не было средств на раскопки. Не было коллектива квалифицированных специалистов, необходимого для любой крупной экспедиции. Дюбрюкс сосредоточил свои усилия на единственно возможном и нужном деле: осматривал окрестности города, отмечал, где есть древние памятники, следил за земляными работами и разборкой камня, нарушавшими культурные слои и могильники, иными словами — вел то, что сейчас называют археологическим надзором. И самое главное, он записывал все, что видел, добросовестно и бесхитростно. По дневникам и зарисовкам Дюбрюкса через полтора столетия мы без труда определим, к какому времени относятся расчищенные им могилы или вынутые из них сосуды, несомненно, обреченные на исчезновение без следа, если бы он их сразу же не зафиксировал. Скромному начальнику керченских соляных озер по праву принадлежит почетное место в истории русской археологии.

Помимо руин Пантикапея Пушкин посетил Золотой курган в 4 км к западу от Керчи. Это традиционный экскурсионный объект, привлекавший всех путешественников по Тавриде. Вокруг Пантикапея располагались кладбища. Некоторые богатые могилы находились под высокими насыпями в подземных склепах. Склепы античного времени были открыты в 1832 г. при раскопках Д. В. Карейши и в Золотом кургане, по существу мнению, что возведен он был еще до начала греческой колонизации Крыма древнейшим известным по имени народом нашей страны — киммерийцами⁴⁷. Насыпь кургана опоясана каменным кольцом диаметром 67—83 м, состоящим из огромных монолитов, что характерно не для античных, а для первобытных мегалитических сооружений. Высота этой циклопической кладки даже сейчас достигает 4,5 м, Дюбрюкс же успел замерить еще не разобранные местными жителями стены высотой до 11,5 м.

Можно вспомнить восторженные отзывы Ги де Мопассана о менгирах Бретани и Генри Джеймса — о знаменитом Стоунхендже в Англии⁴⁸. Действительно, в грубых мегалитических постройках есть своя поэзия. Глядя на них, пред-

Циклопическая кладка Золотого кургана у Керчи

Из кн.: *Ашик А. Б. Воспорское царство*
(Одесса, 1848)

ставляешь себе толпы первобытных людей, голыми руками или с самыми примитивными приспособлениями vorочающих гигантские куски скал, думаешь о тысячелетиях, прошедших после этого и не сокрушивших древние гробницы. Но Пушкина Золотой холм оставил равнодушным.

Из Керчи Раевские и Пушкин направились в Феодосию, где пробыли немного дольше — 16 и 17 августа 1820 г. В письме к брату Пушкин говорит: «Из Керчи приехали мы в Кефу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом и, подобно Старикю Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной» (XIII, 18, 19). Судя по этим словам, путешественники провели два дня не в самой Феодосии, а около нее, на даче Броневского. Пушкин приводит генуэзское название города — Кефа (точнее Кафа), но не упоминает никаких сохранившихся в нем памятников старины. А их немало. Стены и башни средневековой крепости и сейчас очень эффектны.

Броневский начал свое поприще при Екатерине II, был за рубежом, служил на Кавказе и в течение шести лет (1810—1816) был феодосийским градоначальником. По просям каких-то местных деятелей он потерял этот пост и оказался под судом. Следствие длилось до 1824 г. и окончилось оправданием Броневского, но он так и умер в бедности, не у дел, занимаясь только садоводством. Броневский написал серьезный труд о Кавказе, знакомый Пушкину и входивший в библиотеку поэта⁴⁹. Но главная его заслуга перед нашей культурой — создание Феодосийского музея. Он был открыт 13 марта 1811 г. в здании бывшей мечети. Музеи в русской провинции возникали и раньше. Первый, о котором мы знаем, был организован в 1728 г. при Иркутской школе и фигурировал в источниках до 1805 г.⁵⁰ И в Причерноморье еще в 1806 г. особый музей древностей учредил при Николаевской штурманской роте адмирал И. И. Траверсе. Но все провинциальные собрания были недолговечны и рано или поздно исчезали неизвестно куда. Феодосийский музей существует поныне. На устройство его была выделена тысяча рублей из средств городской думы. Как-то поддерживался он и в дальнейшем, а в 1871 г., благодаря заботам известного художника И. К. Айвазовского, переехал из мечети в специально построенное экспозиционное помещение⁵¹.

Современники не оценили по достоинству инициативу феодосийского градоначальника. Осматривавшие музей в 1810—1820-х годах Михайловский-Данилевский, Муравьев-Апостол писали о нем как о складе малоинтересных случайных вещей⁵². Повторялось то же, что и при посещении древних городов: рассчитывали увидеть сокровища, а видели какие-то глиняные горшки, медные монеты, обломки плит с обрывками нечитающихся надписей. Только теперь мы понимаем, какое большое дело собирания и сохранения остатков старины начал свыше полутора веков назад Броневский. Вряд ли он не демонстрировал свое детище Раевскому и его спутникам («Броневский был холостяк. Раевский ему покровительствовал», — вспоминала 40 лет спустя участница поездки Мария Волконская)⁵³, но поскольку Пушкин об этом не упомянул, можно думать, что и ему музей не показался заслуживающим внимания.

Из Феодосии путешественники отправились морем в Гурзуф. Там, на даче Раевских, Пушкин прожил более двух недель — с 18 августа по 5 сентября. Томашевский считает, что в черновиках элегии «Кто видел край...» говорится о господствующей и теперь над приморским поселком средневековой Гурзуфской крепости⁵⁴.

Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в забвении горделивом
Развалины, попкишие челом.
Старик Сатурн в полете молчаливом
Следает их
И волны бьют вокруг валов обгорелых,
Вкруг ветхих стей и башен опустелых.

II, 669

Возможно, Томашевский прав, хотя рядом стоит «и зрит пловец — могила Митридата», т. е. речь идет уже о Керчи. Наверное, точнее будет сказать, что Пушкин думал о Гурзуфской крепости, когда писал элегию, рисующую Крым в целом, а не только этот его уголок. Древние Горзувиты возникли в V в. н. э., по сохранившимся сейчас укрепления относятся к XII—XV вв.⁵⁵

После отдыха в Гурзуфе Н. Н. Раевский-старший, Н. Н. Раевский-младший и Пушкин поехали верхом на запад вдоль южного берега Крыма, а потом повернули на север — к Бахчисараю и Симферополю. Уже оттуда поэт двинулся к месту своей ссылки, через Перекоп и Одессу в Кишинев.

Из памятников, осмотренных в сентябре 1820 г., в письме к Дельвигу назван один: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических, по крайней мере тут посетили меня рифмы» (IV, 176; XIII, 252). Далее цитируется стихотворение «К Чаадаеву»:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья.

II, 364

Малодоступный и потому почти забытый в наши дни Георгиевский монастырь, основанный в IX в., некогда пользовался широкой известностью. Во-первых, очень эффектно его местоположение — на отвесной скале над морем. Во-вторых, именно с этим пунктом в XVIII—XIX вв. связывали античную легенду об Ифигении. Это очень древний миф, возникший еще до начала греческой колонизации Северного Причерноморья, во II тысячелетии до н. э. Ифигения, дочь микенского царя Агамемнона, была перенесена богиней

Вид Гурзуфской крепости

Гравюра 1820-х годов

Артемидой в Тавриду, где стала жрицей в святилище тавров. Действительно, коренные обитатели горного Крыма — тавры — поклонялись богине Деве и иногда приносили ей даже человеческие жертвы, сталкивая обреченных с высокой скалы. Этот культ был позднее усвоен переселенцами-греками, жителями Херсонеса, слившись с культом богини-охотницы Артемиды (римской Дианы). В 100 стадиях к востоку от Херсонеса находилось главное святилище Девы. Об этом писали Геродот, Страбон, Овидий, Лукиан⁵⁶.

Для просвещенного общества XVIII—XIX вв., как и в случае с Митридатом, основным источником сведений об Ифигении и храме Девы служили не античные тексты, а французские трагедии Вовертрапа (1757 г.), Гимон де ля Туша (1758 г.), обработки мифа Гете, опера Глюка. В 1768 г. в России на трех языках шла драма Марка Колтеллини «Ифигения в Тавриде», поставленная и при дворе в день рождения Екатерины II⁵⁷.

После поездки Палласа по Крыму сложилось представление о том, что мыс Партецион со святилищем Девы можно отождествить с мысом Ая-Бурун, или Фиолент, в полутора километрах от Георгиевского монастыря. Какие-то древние развалины на этой скале были тогда заметны. Мнение Палласа разделяли автор «Путешествия по полуденной России» В. В. Измайлов и составитель «Истории Тавриды»

С. Сестренцевич-Богун. Эту книгу Пушкин читал во французском издании (XIII, 36). Оспаривал соображения Палласа Муравьев-Апостол⁵⁸. Его-то «холодные сомнения» и имел в виду Пушкин, из чего следует, что эти строки написаны не в Георгиевском монастыре в 1820 г., а лишь по прочтении книги Муравьева в Михайловском — в 1824 г.⁵⁹

Отметим еще одну деталь: в начале XIX в. Георгиевский монастырь взял под особую опеку известный реакционер министр народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода А. Н. Голицын. В 1816 г. он затеял перестройку обители, приказав разобрать древнюю церковь и заложить новый храм. К 1820 г. этот храм был уже готов. Впоследствии Голицына в нем и похоронили⁶⁰. Таким образом, Пушкин не застал в монастыре памятников средневековой архитектуры, разрушенных сановным святошей.

Этим как будто и ограничилось знакомство Пушкина с древностями Крыма. В заключение нужно сказать о том, чего он не видел. Ни один путешественник по югу не миновал Севастополя. В ту пору это был небольшой город (главным русским черноморским портом оставался Николаев), по рядом с Севастополем расположены руины Херсонеса. Все хотели там побывать. Известно, что после включения Крыма в состав России Екатерина II добавила к императорской титулатуре «царица Херсонеса Таврического». Пушкин проехал мимо Севастополя, Херсонеса, Инкермана. Его дорога с южного берега к Бахчисараю шла около другого интересного памятника — Мангупа — опустевшего города IV—XVI вв., столицы феодального княжества Феодоро, по нет никаких указаний на то, что Раевские и их спутник туда завернули.

Самое поразительное, что и в Бахчисарае они видели очень мало. Все, приехавшие в этот городок, после осмотра ханского дворца поднимаются километра три вверх по речке Чурук-су к средневековой крепости Чуфут-кале с десятками вырубленных в скалах помещений, с гробницей дочери Тохтамыша Джанике-ханым. Но Пушкин дальше ханского дворца не пошел, не взглянув даже на примыкающий извне к его стене мавзолей невольницы хана Керим-гирея Диляры-бикеч, превращенной легендой в графиню Потockую. Дельвигу Пушкин признался, что был тогда болен («лихорадка меня мучила»), но все же перед нами явное свидетельство его равнодушия к традиционному набору крымских достопримечательностей.

Это обстоятельство уже давно вызывало недоумение биографов и комментаторов. С удивлением говорили они об

Георгиевский монастырь

Из кн.: *Сумароков П. И. «Досуги крымского судьи»*

очень поверхностных впечатлениях поэта от путешествия по Тавриде, о его невнимании ко многим любопытнейшим памятникам старины, к богатой крымской этнографии. Высказывалось мнение, что после чтения книги Муравьева-Апостола у Пушкина наконец открылись глаза, и письмо к Дельвигу — это «покаянная исповедь» человека, понявшего задним числом, сколько важного он упустил при своей поездке. Напечатан отрывок из этого сугубо интимного послания якобы против воли автора. Это утверждали не только наивные симферопольские краеведы, но и такой крупный историк, как С. Ф. Платонов⁶¹. Очевидно, над этим вопросом стоит задуматься.

Не нужно забывать, что наши источники крайне скудны: всего два письма. В них вошло, конечно, отнюдь не все из увиденного и пережитого Пушкиным в Крыму. Показательно, что брату он не рассказал ни о Георгиевском монастыре, ни о Бахчисарае, кратко охарактеризованных в письме к Дельвигу, где зато нет ни слова о Феодосии. Были, наверное, и другие впечатления, не отраженные в дошедших до нас текстах. Далее: Пушкин попал в Крым неожиданно — он ехал в Кишинев, и маршрут его резко изменился благодаря счастливой встрече с Раевскими. К их планам он неминуемо приспособлялся. Нельзя поэтому сопоставлять его беглые заметки с толстой книгой Муравьева-Апостола, два года тщательно готовившегося к путешествию, читая древних авторов и труды современных исследователей Крыма. Вспомним еще, что Пушкину едва исполнился 21 год. Это гениальный юноша, а не тот мудрый зрелый мастер, каким он вернулся в Москву после ссылки в Михайловское.

Но нуждается ли Пушкин в каких-то оправданиях? Можно ли говорить о незрелости его крымских записей? Пожалуй, если сравнить их с «Путешествием в Арзрум» (1829—1835), разница будет невелика. Стиль тот же — краткий, точный, четкий, без излишних сантиментов. Велико сходство и писем 1820 и 1825 гг. Думается поэтому, что «Отрывок из письма» увидел свет не случайно, а сочинен с полемическими целями именно для публикации. Характерно, что введенные туда стихи Пушкин сознательно датировал не тем временем, когда они сложились. «Отрывок» — вовсе не фрагмент из письма к другу с воспоминаниями о приятной поездке, а литературное произведение типа очерка.

Путешествия по Крыму в конце XVIII — начале XIX в. были делом нередким. Открыла их сама Екатерина II в 1787 г. За ней потянулись многие дворянские семьи. Крым

еще не был тем, чем он стал теперь, — районом благоустроенных курортов. Он воспринимался как дикий романтический край, как страна с итальянским климатом, но с экзотическим населением, на которое можно посмотреть вполне безопасно (до присоединения Средней Азии было еще далеко, а на Кавказе шла война). Наконец, в Тавриде видели кусочек классического мира с храмом Дианы, гробницей Митридата, руинами Херсонеса. Все это нашло свое отражение в литературе.

До Пушкина в Крыму побывали С. С. Бобров (1798 г.), В. В. Измайлов (1799 г.), П. И. Сумароков (1799 и 1802 гг.), Н. А. Львов (1803 г.), В. Б. Броневский (племянник С. М. — 1815 г.), К. Н. Батюшков (1818 г.), В. В. Капнист (1819 г.). Бобров издал длинную поэму «Таврида», или «Херсонида», Измайлов, Сумароков и Броневский — путевые очерки. Одновременно с Пушкиным ездили по Крыму Муравьев-Апостол и Гераков⁶², несколькими годами позже — А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, А. Мицкевич, еще позже — В. А. Жуковский и А. А. Бестужев-Марлинский.

Пушкин с этой литературой не просто был знаком, но и специально изучал ее в период подготовки южных поэм. 27 июля 1821 г. он просил брата прислать ему в Кишинев «Тавриду» Боброва (XIII, 31), в письме к Вяземскому из Одессы в начале декабря 1823 г. еще раз упомянул эту поэму и спрашивал о только что вышедшей книге Муравьева-Апостола (XIII, 80, 81). Поэма Боброва, типичного архаиста, не раз осмеянного в эпиграммах «Бибриса», поэта, решительно во всем чуждого Пушкину, сохранилась в его библиотеке⁶³. 21 июня 1822 г. ссыльный поэт просил редактора «Полярной звезды» Бестужева: «Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию... Не называйте меня, а поднесите ей (цензуре.— А. Ф.) мои стихи под именем... какого-нибудь нежного путешественника, скитающегося по Тавриде» (XIII, 38, 39).

Здесь ясно видно отношение Пушкина к «нежным путешественникам». Их-то вздохам и умилениям при взгляде на «священные древности» он и противопоставлял свой предельно трезвый, почти сухой рассказ о развалинах Пантикапея или запущенном Бахчисарайском дворце.

Действительно, страницы о памятниках старины в книгах Измайлова, В. Б. Броневского, Геракова, в поэме Боброва бессодержательны, тогда как пустых восклицаний по этому поводу — о бренности всего земного и т. п. — более чем достаточно. С этой сентименталистской литературой и полемизировал Пушкин в «Отрывке из письма».

Были и другие книги — Самарокова, Муравьева-Апостола, свидетельствующие о большой эрудиции авторов, об их глубоком знании античных источников, но стиль изложения и в этом случае оставался «нежным». Приведу описание Георгиевского монастыря у Муравьева-Апостола: «Сойди несколько ступенек крыльца церковного, и ты на террасе, как балкон висящем над ужасною пропастью... Не доверяй полусгнившим деревянным перилам! И когда ты насладишься произвольным трепетом, слушаешься рева волн под ногами твоими, наглядишься на страшную скалу, как уголь черную, вокруг коей ярится море и покрывает его пеною, тогда обрати насыщенные ужасом взоры на картину спокойствия и тишины: посмотри на эти тополи, смоковни, коих вершины никогда не колебались от северного ветра, взгляни на этот источник, как кристалл чистый и прозрачный, вытекающий из щели каменной горы,— и вспомни Лукрециева мудреца, коего наслаждения возвышаются ощущением внутреннего спокойствия при созерцании вне бурь и тревожений. Если ты, друг мой, услышишь когда-нибудь, что я сделался отшельником, то ищи меня в Георгиевском монастыре»⁶⁴. Эта многословность, манерность претила Пушкину: «Точность и краткость,— вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (XI, 19).

Соперничать в эрудиции с Муравьевым-Апостолом Пушкин не собирался: «...Оставляю в стороне остроумные его изыскания; для проверки оных нужны обширные сведения самого автора» (XIII, 250). Но он считал возможным иной подход к памятникам прошлого. В противовес рассуждениям специалиста, знатока, немного педагога он выдвигал свою позицию поэта-художника: «К чему холодные сомненья?»

III

Как известно, в период южной ссылки Пушкин создал «Овидиев цикл» поэтических произведений⁶⁵. «В собственной участи своей он любил находить некоторое сходство с судьбой римского поэта-изгнанника», — записал со слов современников П. И. Бартенев⁶⁶.

Напомню, что в 8 г. н. э. Публий Овидий Назон был выслан императором Августом на далекую окраину античного мира — в город Томы на западном берегу Черного моря. Здесь он прожил около девяти лет и создал два сборника элегий — «Скорби» и «Послания с Понта». В городе, основанном в VI в. до н. э. выходцами из Милета, было очень

смешанное население. Кроме греков и римлян, там жили и представители местных племен — геты, скифы, сарматы. Овидий внимательно присматривался к жизни северных варваров, учил гетский язык и, кажется, даже пробовал сочинять на нем стихи. Не дождавшись амнистии, в 17 или в начале 18 г. н. э. он умер и, вероятно, был похоронен на одном из городских кладбищ. Обо всем этом Пушкин знал еще из лицейских курсов⁶⁷.

В письме к Н. И. Гнедичу из Кишинева от 27 июня 1822 г. Пушкин жаловался: «Живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня» (XIII, 39). В послании к Чаадаеву говорится:

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед...

II, 187

Упомянут Назон и в первой главе «Евгения Онегина»:

...Страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

VI, 8

В поэме «Цыганы» отец Земфиры рассказывает Алеко легенду о ссыльном поэте (VI, 186). 1821 годом датируется большое послание «К Овидию». В нем мы найдем такие строки:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил...
...Обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный...

II, 218; 220

К стихотворению сделано примечание. В нем, в частности, сказано: «Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях он явно назначает местом своего пребывания город Томи (Томі) при самом устье Дуная» (II, 728). Впоследствии это примечание было перенесено в первую главу «Евгения Онегина» и опубликовано в отдельном ее издании (VI, 653).

Очевидно, «прах Овидия» для Пушкина не просто поэтический образ. Как в Керчи он искал гробницу Митридата,

так и здесь ему хотелось выяснить, куда именно был со-слан римский поэт и где он похоронен. Это подтверждают воспоминания Липранди. Первой книгой, взятой у него Пушкиным в Кишиневе, был перевод Овидия на французский. Позднее Пушкин побывал в Аккермане и обсуждал вопрос о месте ссылки Овидия с декабристами В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым и с самим Липранди. Всех их забавляла недавно появившаяся статья Свинына, где это место и приурочено к Аккерману⁶⁸. Наконец, в принадлежавшей поэту французской книге «Bibliothèque universelle de Romans» (Paris, 1776, t. V) его закладки обнаружены как раз на страницах, посвященных изгнанию Назона⁶⁹.

Еще Липранди заметил определенную противоречивость высказываний Пушкина о могиле Овидия. В «Евгении Онегине» рядом стоит и «в Молдавии в глуши степей», и то, что это «ни на чем не основано».

В 1901 г. профессор А. И. Яцимирский выдвинул наиболее популярное до сих пор объяснение цитированных выше строк. Липранди помнил, что Пушкин читал в Кишиневе книгу сподвижника Петра I молдавского господаря Дмитрия Кантемира «Описание Молдавии», а там содержится рассказ об уцелевшем где-то в степях надгробии с латинской эпитафией поэту, покинувшему родину из-за гнева Августа-цезаря. Эти сведения Кантемир заимствовал у польского историка Станислава Сарницкого, а тот в свою очередь — у курляндца Лоренца Мюллера. Благодаря Кантемиру, восходящая к XVI в. легенда была известна в Молдавии 1820-х годов и косвенно повлияла на Пушкина⁷⁰. Вывод Яцимирского повторялся потом и другими литературоведами⁷¹. Считаться с этими наблюдениями нужно, но история легенды о гробнице Овидия не ограничивается линией, идущей от Мюллера к Кантемиру, а гораздо сложнее. Возможно, были и иные источники, как-то повлиявшие на Пушкина.

Произведения Овидия не были забыты в период средневековья. Элегии «Скорби» и «Послания с Попта» возбуждали особый интерес к его жизни в ссылке⁷².

В эпоху Ренессанса, по словам видного историка культуры Я. Буркгардта, впервые возникло почитание нехристианских реликвий — памятников великим людям античного мира. Как правило, это были не их подлинные гробницы, а фальшивки или усыпальницы их соименников (так, Петрарка принял надпись вольноотпущенника Ливия Галлиса за эпитафию историка Тита Ливия⁷³). В Падуе в XVI в. была «открыта» могила троянца Антенора, в Неаполе —

Вергилия. «Сульмона,— писал Бокаччо,— жалуется, что Овидий похоронен в изгнании в чужой земле, а Парма радуется, что в ее стенах покоится Кассий»⁷⁴.

Движение Ренессанса захватило не только Италию. В XVI в. оно распространилось и на Центральную Европу. Но если итальянские гуманисты могли сравнительно легко разыскивать и собирать памятники классической древности, то прошлое Центральной и Юго-Восточной Европы знали тогда плохо. Ссылка Овидия куда-то на северо-восток Римской империи (где находились Тома, после гибели города уже никто не помнил) воспринималась людьми, читавшими латинских авторов, чуть ли не как самый яркий эпизод в древней истории их стран. Особенно волновали слова Овидия о стихах на гетском языке, в котором готовы были видеть один из ныне существующих языков. В ту пору многим казалось унижительным думать, что в период расцвета греческой и римской цивилизации предки народов Центральной Европы достигли еще относительно невысокого культурного уровня. Хотели верить, что в I в. н. э. у них были свои цари и герои, развивалась своя гетская (польская? молдавская?) литература.

Поэтому сведения о жизни Овидия у северных варваров включались и в польские хроники — Марцина Бельского (1564 г.), его сына Иоахима (1597 г.), Мацея Стрыйковского (1582 г.), и в молдавскую летопись Мирона Костина (1684 г.). Слова Стрыйковского, что Овидий был в тех местах, где расположены Очаков, Канев, Черкассы и Киев, может быть, породили легенду о гробнице поэта на Днестре. В 1586—1590 гг. Петр Видавский написал стихи о жизни Овидия среди поляков.

Подобные наивные рассуждения пытались подкрепить ссылками на какие-то вещественные памятники. В 1540 г. королеве венгерской Изабелле было поднесено серебряное перо, якобы принадлежавшее Назону и найденное в Белграде. В нескольких причерноморских городах стали показывать дома и башни, где будто бы жил великий поэт. В том же XVI в. впервые заговорили и о находке его могилы.

В наиболее ранних сообщениях, Вольфганга Лациуса (1551 г.) и Гаспара Брушиуса (1553 г.), мы читаем, что могила была обнаружена в 1508 г. в городе Сомбатхей, или Штейнмангер, стоящем на месте римского поселения Сабария в Подунавье. Так ли это, легко было проверить. К тому же, Сомбатхей лежит хотя и на Дунае, но не у берега Черного моря, как описанные в «Скорбях» Тома. Неудивительно, что эта легенда вскоре же угасла.

Большое повезло другому варианту легенды — о гробнице Овидия в степях Поднепровья. Первым написал об этом в 1585 г. курляндский историк Лоренц Мюллер, бывший в 1580—1585 гг. послом при дворе Стефана Батория. По словам Мюллера, в 1581 г. во время путешествия по Поднепровью он познакомился с волынским дворянином, чью фамилию он передает как «Войнуски». Это был очень просвещенный человек, поэт, знаток греческого и древнееврейского языков, обладатель уникальной рукописи Цицерона «De re publica». «Войнуски» предложил Мюллеру посетить могилу Овидия, опровергнув распространенное па Вольны предание о том, что он похоронен в Киеве. В шести днях пути от Днепра, в глухом краю, Мюллер увидел заросший колодец, а рядом камень с латинской эпитафией:

*Nic situs est Vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Latio cedere iussit humo,
Saepe miser voluit patriis occumbere terris
Sed frustra: hunc illi fatta dedere locum*⁷⁵.

Здесь поэт погребен, которому бог прогневленный,
Август, путь указал прочь из Латинской земли.
Часто несчастный желал в родном упокоиться крас,
Тщетно: судьба для него место назначила здесь.

Пер. М. Л. Гаспарова

Это сообщение получило широкую известность. Оно повторено во многих книгах XVI—XVIII вв., как польских, так и французских, немецких, итальянских, венгерских. Насколько оно правдоподобно? Польский литературовед Г. Пшиходский установил, что «Войнуски» — реальное лицо, трембеловельский судебный подстароста Еремиаж Войновский, автор нескольких поэм на латинском языке. Реально существовал и камень. Антонио Поссевино писал в 1604 г., что видел его в Гнезно, куда надгробие было специально доставлено. В 1655 г. Шимон Старовольский упомянул, что оно вмуровано в башню ратуши во Львове. Башня рухнула в 1826 г., и с тех пор след таинственной плиты затерялся. В свете этого можно предполагать, что Мюллер не выдумал рассказ о своей поездке, но Войновский показал путешественнику воздвигнутый им самим памятник с сочиненной им же эпитафией.

Второй вариант легенды о могиле Овидия оказался гораздо более живучим, чем первый. Это понятно: теперь речь шла о глухом труднодоступном месте без точной привязки к каким-либо известным пунктам. В 1715 г. сведения Мюл-

лера были включены в латинское «Описание Молдавии» Дмитрия Кантемира, сперва изданное по-немецки в 1769 г., а затем и по-русски — в 1789 г.⁷⁶ Так же, как Иоахим Бельский и Мирон Костин, Кантемир допускал, что Овидий был сослан в Аккерман (ныне Белгород-Днестровский), и потому связывал рассказ о камне у степного колодца с близкими к этому городу районами.

Как мы знаем от Липранди, Пушкин читал книгу Кантемира. Использовал ее и живший в Молдавии одновременно с Пушкиным и близко общавшийся с ним писатель А. Ф. Вельтман. В повести «Странник» в 1831 г. он высказал догадку, что плита с могилы Овидия могла попасть в Бессарабию случайно — ее завезли туда вместе с балластом на корабле⁷⁷. Через полтора десятка лет Вельтман узнал, что Кантемир исходил из данных Сарницкого, а тот привел (взяв неизвестно откуда) название местности у гробницы поэта — «Азау». Вельтман решил, что это Азов и, следовательно, Назон окончил свои дни не в устье Дуная, а в устье Дона. Статья Вельмана «Дон — место ссылки Овидия», напечатанная в 1866 г.⁷⁸, была уже анахронизмом. Более чем за десять лет до этого русский антиковед П. В. Беккер окончательно установил, где располагались древние Томы.

Так продолжалось в пределах нашей страны развитие легенды, зародившейся в XVI в. в Польше. Параллельно возникали другие легенды. В 1581 г. Мюллеру говорили о могиле Овидия в Киеве. Упоминания об этом мы встретим и в других источниках.

Виленский пастор Иоанн Гербиний выпустил в 1675 г. в Иене книгу на латинском языке «Подземный Киев». Сам он там никогда не был, но собирал с помощью писем и расспросов сведения о достопримечательностях этого города. В книге отвергаются предания, будто Киев — это гомеровская Троя, а в лаврских пещерах похоронены Приам, Гектор и Ахилл, а также и то, что сюда сослали Овидия⁷⁹. В описании путешествия по России молдавского епископа Пахомия (умер в 1724 г.) есть и такой эпизод: от Мирона Костина он слышал о мощах «императора Овидия», хранящихся в Киеве, но при посещении Киево-Печерской лавры убедился, что это неверно. Костину рассказывали об этом в период его учения во Львове. Печерские монахи разъяснили Пахомию, что святым Овидий не был и как католик в православном монастыре похоронен быть не мог⁸⁰.

Значит, эта легенда продержалась около полутора веков — с конца XVI до начала XVIII столетия. Показатель-

по, что все сообщения поступали из далеких от Киева мест — из Львова, Вильны — и всегда опровергались. Вероятно, этот вариант легенды появился в те годы, когда Киев временно входил в состав Польского королевства (1569—1654 гг.). Поляки знали, что это очень древний город, но подлинную историю его представляли себе плохо. О лаврских пещерах выдумывали всякие небылицы. В украинской литературе XVI—XVIII вв. ничего похожего мы не найдем.

К началу XVIII столетия относится еще одно любопытное известие. Барон Генрих Гюйссен — составитель «Журнала государя Петра I» (Пушкин упоминает этот источник в «Истории Петра») — записал в 1709 г.: «Копая землю в округах Воронежа, нашли следы и знаки древнего гроба странного делания, того для неким мысль пришла, что под гробом мог быть [прах] римского пииты кавалера Овидиуса, согнанного от римского двора кесарем Августом... в округи Дона и Черного моря, и есть той мысли подпора довольно с правдою сходна: извлечена же из овидиусова [сочинения] о стране, в оной же он прожил во время своего согнания». Далее идет рассуждение об элегиях Назона «Скорби» «унывной книге его». История ссылки поэта известна окружению Петра достаточно подробно: отмечено, что он прожил в изгнании более восьми лет и умер уже в царствование Тиберия⁸¹.

С. Л. Пештич, автор «Русской историографии XVIII в.», выразил крайнее удивление по поводу этой странной записи⁸². Но для нас ничего неожиданного в ней нет. Мнение, что Овидий жил где-то недалеко от России, было распространено тогда очень широко. Воронеж, воспринимающийся сейчас как среднерусский город, для людей Петровской эпохи был городом южным — воротами к Черному морю. Ведь здесь строился флот для кампании под Азовом. Об Овидии в Московской Руси знали давно. В XVI в. его цитировали близкие к Максиму Греку В. М. Тучков и Ф. И. Карпов. «Метаморфозы» были в библиотеках многих соратников Петра — Я. В. Брюса, А. А. Матвеева, Ф. П. Поликарпова, Феодосия Яновского, Гавриила Бужинского. В Петровское время эта книга была издана и типографски⁸³.

О популярности Овидия в России XVIII в. свидетельствует такой факт. Названный нами выше и известный Пушкину исследователь Сибири Мессершмидт встретил в 1724 г. в далеком Селенгинске архиерея Иннокентия. После беседы с ним он записал в свой дневник как нечто примечательное: пастырь свободно говорит по-латыни и наизусть декламирует Овидия⁸⁴. Будущий главный сибирский святой Инно-

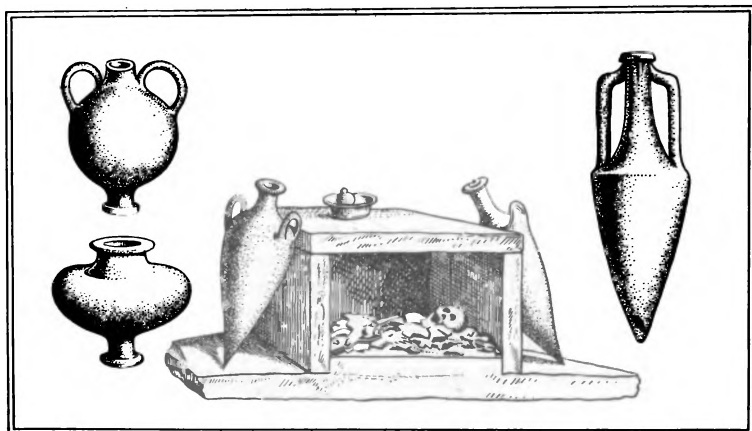
кентий (Кульчицкий) был воспитанником Кievo-Могиляпской академии, где искони культивировались элементы классического образования и еще в XVII в. появился первый перевод «Метаморфоз» на славянский язык.

Итак, исследуемая нами легенда сложилась в польской среде (а не в романской, как считали литературоведы), отсюда проникла на украинскую почву, а уже отсюда к началу XVIII в. — в Московскую Русь. Это такое же наследие эпохи Ренессанса, как и перешедшая из польских и чешских хроник в нашу историческую литературу легенда о золотой грамоте, данной Александром Македонским славянам (И. Гизель, А. И. Манкиев, М. М. Щербатов)⁸⁵.

Вновь возрос интерес к месту ссылки Овидия и поискам его гробницы в конце XVIII в., когда границы России достигли низовьев Днестра. На левом берегу Днестровского лимана в 1793—1796 гг. возвели крепость Овидиополь. Это была не единственная ошибка при наименовании городов, закладывавшихся тогда по берегам Черного моря, обусловленная слабым еще знанием исторической географии. Древний Севастополис находился не в Крыму, а на месте современного Сухуми. В XVIII в. Севастополем называли византийский Херсон, а Херсоном — город в устье Днепра. Версию, что Назон был сослан в низовья Днестра, выражающую в польских и молдавских хрониках XVI—XVII вв. и в книге Дмитрия Кантемира, пытались подтвердить и археологически. В 1795 г. военный инженер Ф. П. Деволан (брабантский дворянин, перешедший на русскую службу в 1787 г.), возводя укрепления Овидиополя, наткнулся на древнюю могилу в каменном ящике. Возникло предположение, что это могила Овидия. Доктор Метью Гетри послал из Петербурга три доклада о ней обществу антиквариев в Лондоне. О сенсационной находке русских солдат на Днестре оповестили мир и парижские газеты.

Подробно могила описана в двух книгах: англичанки Марии Гетри и русского академика Палласа. Гетри верила, что это останки Овидия; Паллас же утверждал, что тот жил и умер значительно западнее⁸⁶. Правильно, конечно, последнее. К этому можно добавить, что по зарисовке Деволана археологи сейчас относят захоронение к IV—III вв. до н. э., т. е. не к римскому, а ко много более раннему времени.

Не исключено, что Пушкин знал не только рассказ Кантемира о гробнице под Аккерманом, но и про находку, сделанную не очень задолго до того как он сам попал в Бесарабию. Во всяком случае позабавившее Пушкина разъяс-

Древнее захоронение, найденное в 1795 г. в Овидиополе
и принятое за гробницу Овидия

Из кн.: *Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reize
in die Südlichen Staatthalterschaften des Russischen Reichs
in den Jahren 1793 und 1794 (Leipzig, 1801, Bd II)*

нение Липранди, что Овидиево озеро у Аккермана в действительности всего лишь Овечье (не Ovidiolui, а Oviolui)⁸⁷, придумано не им, а приведено еще у Палласа. Вероятно, и труд Палласа, и книга Марии Гетри были в библиотеках Липранди и декабриста В. Ф. Раевского, специально собиравших в Кишиневе литературу о Молдавии. Для своей поздней петербургской библиотеки Пушкин купил другие книги Палласа и книгу Метью Гетри — мужа Марии⁸⁸.

В поэзии конца XVIII в. есть косвенные отклики на открытие Деволана: опубликованные в 1795 г. стихотворения В. Г. Рубана и Г. Н. Городчанинова — первые из того «Овидиева цикла», к которому принадлежат и произведения Пушкина и который создавался на русском языке на протяжении четырех десятилетий. В пространном заглавии стихов В. Г. Рубана говорится о поэте, «погребенном при Понте Эвксинском, или Черном море, при устье древнего Тираса, или нынешнего Дуэстра, в месте прежде Томи, после Аджидера, ныне ж Овидиополь»⁸⁹.

Несколько позже гробнице Назона посвятили стихи Бобров и Радищев. Бобров служил в Николаеве и ездил по Причерноморью (мы упоминали выше его поэму «Таврида», знакомую Пушкину). В 1798 г. им сочинена «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз». В отличие от Рубана

и Городчанинова, Бобров помещал Тома не на Днестре, а на Дунае, правда, не на море, а в Темешваре, как это иногда делали по созвучию названий и иностранные антиковеды⁹⁰. Радищев коснулся той же темы в поэме «Бова», написанной в последние годы XVIII в. Сам он в Причерноморье не был, но, подобно Боброву, искал могилу Овидия на Дунае⁹¹.

В той же связи можно вспомнить о замысле Батюшкова. В 1817 г. он поделился им с Гнедичем: «Овидий в Скифии — вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса»⁹². В 1820 г. Евгений Болховитинов извещал В. Г. Анастасевича: «Кёппен опять собирается в поход к своей Ольвии. Авось найдет там и Овидиев гроб»⁹³. Очень значительным был интерес к поискам могилы поэта и за рубежом. Назову прозу Л. Стерна, стихотворения Ф. Шатобриана, картину Э. Делакура, изображающую изгнанника среди скифов. Этот литературный фон также не нужно забывать, комментируя пушкинские строки.

Завершением «Овидиева цикла» в русской поэзии следует считать «Фракийские элегии» Теплякова. Напечатанные в 1836 г., они удостоились весьма доброжелательного отзыва Пушкина в журнале «Современник». Во второй фракийской элегии «Томис» автор, проплывая мимо места ссылки Назона, восклицает:

О кто средь мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?

К элегии, как и к посланию Пушкина, сделаны примечания. В них Тепляков удивляется, почему Тома путали с Аккерманом, и отождествляет их с городом Кюстенджи в Добрудже — нынешней Констанцей. Этот пункт лежит западнее устья Дуная, так что по сравнению с догадками Боброва, Радищева и Пушкина внесено новое уточнение. В прозаических «Письмах из Болгарии» Тепляков еще подробнее рассматривает тот же вопрос, разбирает гипотезы иностранных ученых, анализирует тексты Страбона, Аполлодора, Помпония Мелы и самого Овидия, что и позволяет определить, где стоял древний город Тома⁹⁴.

И все-таки легенда о гробнице Овидия в России не угасла. Одним из поздних ее вариантов были рассказы о том, что его сослали в Полесье, а жил он на городище Давидгородок под Пинском (памятник XI—XIII вв.). Основания выдвигались естественноисторические: описанный в «Посланиях с Понта» суровый климат страны, куда судьба забросила творца «Метаморфоз», явно не подходит к современной му побережью Черного моря. Между тем, обитатели Полесья

уверены, что в былые времена море достигало их родины, следами чего и остались бескрайние болота. В печати первым упомянул об этом Бенедикт Хмелёвский — составитель польской энциклопедии «Новые Афины», изданной во Львове в 1747 г. Повторяли это и польские авторы XIX в. Известный поэт Людвик Кондратович (Владислав Сырокомля) написал в 1861 г. стихи «Овидий в Полесье». Живший сам в глухой деревне Борейковщина, он размышлял скорее о себе, чем о римском поэте, передавая полесскую легенду о нем с нескрываемой иронией⁹⁵. Но, видимо, в середине XIX в. она еще не умерла.

Упомянем и книгу М. Е. Салтыкова-Щедрина «Недоконченные беседы» (1875 г.). В ней говорится о том, как некий участник археологических съездов «хвастался, что по окончании работ съезда был устроен банкет и что на этом банкете пили из урны, в которой некогда был заключен прах Овидия.— Вы в этом уверены?— спросил я.— Еще бы не быть уверенным, коль скоро я пятнадцать лет употребил на то, что Овидий умер в Полтавской губернии в имении, принадлежащем Ивану Ивановичу Перерепенко, который и доставил на съезд урну»⁹⁶. Разумеется, это сатира, но вряд ли случайно сюжет ее совпадает с тем, что писалось всерьез столетием или двумя раньше. Должно быть, в среде полуграмотных украинских помещиков, вроде героя гоголевской повести, предания трехвековой давности жили и в конце XIX столетия.

Вот сколько дошло до нас рассказов о поисках гробницы Овидия в России. Надеюсь, читатель расценит этот затянувшийся обзор не как собрание вздорных фантазий, а как страницу истории русской культуры. Толки о Киеве — древней Трое, рассуждения петровских вельмож о «кавалере Овидиусе» и «унывной книге его» помогают взглянуть на наше прошлое с новой, необычной точки зрения. На примере этой легенды можно уловить и некоторые общие закономерности.

Очень немного имен запоминается на столетия и тысячелетия, и в их числе — имена великих поэтов. Людям хочется, чтобы эти имена были связаны с их родной землей и запечатлелись в каких-то реальных памятниках. Так было не только с Овидием. В 1807 г. журнал «Минерва» сообщал: «Писали во многих европейских журналах, будто один голландский офицер, в российской службе находившийся, нашел в 1772 г. на острове Нио гробницу, скелет и даже чернильницу Гомера». Действительно, во время войны 1768—1774 гг. русские моряки купили в Ливорно античный сарко-

фаг с острова Хиос и привезли его в Петербург. Он долго стоял в саду графа Строганова и считался гробом Гомера⁹⁷.

На начальных этапах развития исторической науки остатки старины воспринимались не как ступени длинной лестницы, а, так сказать, в одной плоскости. Кишиневский знакомый Пушкина Ф. Н. Лугинин полагал, например, что «Бессарабия служила ссылкой Рима. Сюда был сослан Овид... Римляне для удержания татар (!—А. Ф.) построили при императоре Трояне Троянов вал»⁹⁸. Решая, где жил Овидий, искали заметный памятник древности. В Аккермане сохранилась большая крепость с башнями — значит, это и есть античные Тома; под Пинском известен Давид-городок — значит, это город Овидия, и т. д. На самом деле, и те, и другие укрепления — средневековые, на тысячу и более лет моложе Овидия, но чтобы понять это, исторической мысли нужно было пройти еще очень долгий путь. Не зная подлинных древностей, любители их порой создавали фальшивки, вроде гробницы Овидия и рукописи Цицерона, показанных Войновским Мюллеру, или «чернильницы Гомера». Но постепенно фантастические гипотезы сменялись более вероятными, предположения о Томах на Дону или Днепре уступали место указаниям на устье Днестра, затем на Дунай и, наконец, выводу о тождестве Том с Констанцей. Этим движением к истине мы обязаны людям, не занимавшимся историей специально, интересовавшимся в основном поэзией, зато внимательно вчитывавшимся в дошедшие до нас тексты. Но и после того как ученые сочли вопрос решенным, в кругу любителей, краеведов все еще держались легенды, возникшие сотни лет назад.

IV

Выводы, вытекающие из предшествующих очерков, можно сформулировать по-разному. Можно сказать: Пушкин к археологии был равнодушен. Он проезжал мимо любопытнейших памятников прошлого, даже не взглянув на них, составил очень поверхностное представление о тех, которые видел, не оценил по достоинству ни полезных для нашей области знания деятелей (Дюбрюкс, Броневский), ни начинавшееся в стране музейное строительство, увлекался легендами, уже тогда отвергнутыми наукой. Интерес Пушкина к исследованиям Ходаковского связан не с его раскопками, а с его записями народных песен и соображениями о Слове о полку Игореве. Точно так же беседы с Гуляновым касались скорее истории языка, чем египетских древностей.

Но можно сказать и иначе: Пушкин откликнулся, хотя бы кратко, поцутно, на все наиболее значительные моменты в процессе формирования русской археологии. Такой вывод из наших очерков тоже будет правильным. Увидела свет книга о Пушкине и археологии, а даже маленькую статью на тему «Лев Толстой, Некрасов, Достоевский, Чехов и археология» написать немыслимо. Нет в их творчестве никаких точек соприкосновения с нашей наукой. Даже беглые заметки, отдельные стихотворные строки Пушкина оказались удивительно содержательными. Любые впечатления и от встреч с «изыскателями древностей», и от остатков старины не проходили для него бесследно.

В некрологе Пушкина его близкий друг Плетнев отмечал: «Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и пронизательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадала для него на целую жизнь. Его голова, как хранилище разнообразных сокровищ, полна была материалами для предприятий всякого рода. По-видимому рассеянный и невнимательный, он из преподавания своих профессоров уносил более, нежели товарищи»⁹⁹. Все приведенные выше данные служат подтверждением этой характеристики.

Отличие же нашего сегодняшнего восприятия тех или иных явлений от восприятия Пушкина вызвано не только тем, что мы — люди разных эпох, отделенных друг от друга полутора столетиями, не прошедшими даром для развития русской культуры. Не менее существенно, что ученый и поэт всегда неодинаково смотрят на окружающее. Великий русский физиолог И. П. Павлов констатировал: «Жизнь отчетливо указывает на две категории людей: художников и мыслителей. Между ними резкая разница. Одни — художники... захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность без всякого дробления, без всякого разъединения. Другие — мыслители — именно дробят ее и тем как бы умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки так и не удается»¹⁰⁰.

Эти слова гениального естествоиспытателя интересны в двух отношениях. Из них следует, во-первых, что оба пути познания он считал правомочными, расходясь с иными кастовыми учеными, осуждавшими за ненаучность восприятие мира, свойственное поэтам или артистам. Во-вторых, в цитированном отрывке слышится известная зависть мыслителя к художникам, постигающим природу и общество полнее и ярче.

Это кардинальное обстоятельство и не понял Платонов, комментируя заметки Пушкина о поездке по Крыму. Его осмотр Бахчисарая, бесспорно, был мимолетным: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище... Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит Муравьев-Апостол, я об нем не вспомнил» (XIII, 252).

Впечатления Палласа или Муравьева-Апостола от столицы Крымского ханства неизмеримо богаче. Но не они написали поэму «Бахчисарайский фонтан». И уже второй век для всех, приезжающих в Бахчисарай, никогда не существовавшие Мария и Зарема реальнее, чем в самом деле жившие на свете Сеадат-Гирей, Арслан-Гирей-хан, Крым-Гирей-хан, Бегдыр-ага или Хаджи-кенаан, чьи могилы можно увидеть рядом с дворцовой мечетью. Пушкин создал «свой Бахчисарай», отгалкиваясь от легенды о похищенной графине Потоцкой, от немногих прочтенных им книг по истории Крыма, от короткой экскурсии по городу. Для творчества этих импульсов поэту было достаточно. А мы — археологи и историки — будем по крохам собирать материалы о прошлом Бахчисарая, отбрасывать легенды, классифицировать строго выверенные факты, но, по выражению Павлова, сложить из них потом нечто целостное нам вполне так и не удастся.

Сейчас при спорах о гуманитарной и технической культурах (по Ч. Сноу), о «физиках и лириках» наметилась тенденция всячески подчеркивать их сходство, сводя его порой чуть ли не к тождеству. В доказательство ссылаются именно на Пушкина, в поздние годы работавшего в архивах, изучавшего хранящиеся там документы как историк. С удовольствием вспоминают удивительные по глубине проникновения в науку строки:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт сын ошибок трудных
И Гений парадоксов друг
И Случай, Бог изобретатель.

III, 464

Но ведь есть у Пушкина и другие слова, звучащие едва ли не кощунственно: «Ученость, деятельность и ум чужды

Московскому университету» (XIV, 185), пужна «победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом» (XIV, 159). Это — в письмах, но и в опубликованном при жизни автора «Путешествии в Арзрум» читаем: «Я своротил на прямую Тифлисскую дорогу..., не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит Курской ресторации» (VIII, 446).

О нелюбви Пушкина к университетам вспоминал и П. В. Нащокин¹⁰¹. А Вяземский писал: «В Пушкине было верное понимание истории... Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость. Он был чужд всех систематических искусственно составленных руководств; не только был он им чужд, он был им враждебен» (курсив мой.— А. Ф.)¹⁰². Это не выдумка Вяземского. В «Обзрении русской словесности 1829 г.», напечатанном И. В. Киреевским в альманахе «Денница», Пушкина, по собственному признанию, раздражало «слишком систематическое умонаправление автора» (XI, 103).

Что-что, а различие двух путей познания было ясно ему до предела:

...мечты поэта —

Историк строгой гонит вас!

III, 253

Отсюда и все остальное. Смешны рассказы о жизни Овидия в Аккермане, раз Тома находились «при самом устье Дуная», но стихи — «в Молдавии в глуши степей». Нет в Керчи гробницы Митридата, но — «зрит пловец — могила Митридата». Вроде бы прав Муравьев-Апостол, отвергая гипотезу о храме Артемиды на мысу Фиолент, но:

К чему холодные сомненья?

Я верю: здесь был грозный храм.

В «Истории Петра» записано: «Менщиков происходил от дворян белорусских... Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину» (X, 65). Но — «не торговал мой дед блинами» (III, 261).

Пушкин был замечательно образованным человеком. В его библиотеке мы найдем труды Ж. Бюффона, П. Лапласа, Кювье¹⁰³. В журнале «Современник» он, как остроумно заметил М. П. Алексеев, «редактировал статьи по железнодорожному делу»¹⁰⁴. В его словарь попал даже термин «тотем» (XII, 121), впервые записанный у американских

индейцев Д. Лонгом в 1791 г., а широко вошедший в научный обиход гораздо позднее, пожалуй, уже в XX в., после книг Д. Фрезера и Э. Фрейда. Пушкин очень интересовался историей. Треть его библиотеки составляют издания по этой тематике. Он с увлечением рылся в архивах и умел использовать найденные там документы или записки современников не хуже профессиональных ученых. Он уважал тех, кто обладал солидными знаниями — «сведениями» (вспомним слова о Миллере, Муравьеве-Апостоле, Броневском, упрек Дюбрюксу), но это не значит, что он смотрел на остатки старины так же, как специалисты-археологи. Он шел своим путем, путем поэта-художника, проникая в области, недоступные науке.

Русское общество и охрана памятников культуры

I

За последние годы в нашей стране широко обсуждался вопрос об охране памятников истории и культуры. Итогом этого было издание специального закона, принятого Верховным Советом СССР 29 октября 1976 г. Уделено внимание этой проблеме и в новой Конституции СССР (ст. 67). В откликах на опубликованный предварительно проект закона — журнальных и газетных статьях и устных выступлениях — содержалось много верного. Но порой люди, искренне озабоченные судьбой нашего культурного наследия, выдвигали положения, достаточно спорные, особенно с точки зрения историка.

Так, общим местом стало утверждение, что памятники разрушают при низком уровне культуры и охраняют — при высоком. Обычно тут цитируют Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости» (IX, 184). В действительности дело обстоит не так просто. Первобытный человек редко наносил ущерб остаткам прошлого. Он боялся разгневать мертвых или богов, а поселки и земледельческие работы на заре истории были такими, что ни то, ни другое не представляло угрозы для памятников. Разумеется, то понимание охраны произведений искусства и национальных реликвий, которое существует сейчас, возникло совсем недавно. Но уже столетия тому назад многие древности оберегали от разрушения, а панесение им вреда считалось преступлением. Речь идет о древностях, превращенных в святыни.

Исследователи XVIII—XIX вв. неоднократно отмечали подлинный культ каменных изваяний, паскальных изображений, надмогильных сооружений и других археологических памятников у разных народов Сибири. В 1722 г. Мессершмидт был свидетелем поклонения хакасов у изваяний на р. Есь. Каждый его спутник трижды объехал на коне наиболее почитаемую каменную бабу, а потом положил перед ней жертвенную пищу¹. Судя по зарисовкам Мессершмид-

та, хакасы возносили свои молитвы статуе бронзового века. Видимо, поклонения совершались здесь по меньшей мере четыре тысячи лет подряд.

По словам авторов конца XIX в., около рисунков на скалах по берегам Байкала буряты «приносят жертвы, кладут деньги, брызгают тарасун, освящаются при приближении, как при обращении с самыми священными предметами»². Петроглифы Забайкалья созданы на рубеже бронзового и железного веков. Как и в случае, описанном Мессершмидтом, прямого отношения к современным народам Сибири эти памятники не имеют.

Наконец, говоря о сибирских курганах, академик Гмелин в середине XVIII столетия особо подчеркивал «некое священное благоговение к мертвым» у местных народностей. «Хотя они и знают, что из могил их предков уже выкопано много сокровищ, однако же не слышно, чтобы кому из них пришла охота разбогатеть таким образом»³. В 1847 г. хакасы рассказывали М. А. Кастрену о том, как Паллас вызвал скотский падеж, разрыв в 1772 г. несколько насыпей⁴.

То же можно было наблюдать в XIX в. на Кавказе. Основатель Краснодарского музея Е. Д. Фелицын писал в 1879 г.: «Горцы, предшественники наши в Закубанском крае, относятся вообще с большим уважением к памятникам старины, в чем бы они ни заключались. К сожалению, кубанские казаки, унаследовав их места, не подражают этой похвальной черте горцев»⁵. Что Фелицын был прав, лучше всего подтверждают сведения о дольменах — каменных погребальных домиках, построенных во II тысячелетии до н. э. Сто лет назад заселявшие Северо-Западный Кавказ казаки видели множество совершенно целых дольменов. У адыгейцев было поверье, что разрушение древних склепов повлечет за собой мор и несчастья⁶.

Так было не только в Сибири и на Кавказе, а во всех частях Света. Картина меняется в эпоху цивилизации. Начинается интенсивная распашка. Строятся города, каналы. Следы былого оказываются при этом помехой. Конечно, одновременно с утратой старых появляются новые ценности, но беда в том, что сокровища культуры часто гибнут зря, нелепо, бессмысленно.

Важность сохранения исторических реликвий осознали не сразу, но все же довольно рано. Уже в 457 г. император Майориан издал эдикт, ограждавший римскую архитектуру от охотников за хорошо отесанным камнем. «Под предлогом общественной необходимости, — читаем в эдикте, — преступ-

но разрушаются древние здания, составляющие украшение вечного города. С целью создать малое уничтожают великое..., безнаказанно разбирают на материал памятники великого прошлого, хотя любовь к отечеству должна была бы подсказать населению... заботу о них... Повелеваем, чтобы все здания, воздвигнутые древними,... оставались неприкосновенными. Судья, допустивший малейшее умышленное разрушение памятника, будет подвергнут штрафу»⁷.

Девятьсот лет спустя Петрарка столь же горячо осуждал неаполитанцев, растаскивавших римские руины. Каким бы красивым ни стал Неаполь, его жители не вправе смотреть на Рим, словно на свой карьер или каменоломню⁸. Еще через 100 лет Леон Баттиста Альберти писал о том же Риме: «Остались и древние образцы вещей..., из которых так же, как от лучших наставников, многому можно научиться. И не без слез видел я, как они день ото дня разрушаются. А те, кто строили в наши времена, прельщались скорее новыми безумствами суетности, чем прекраснейшими чертами прославленных произведений»⁹. Гибель античных памятников Рима волновала и Рафаэля, жаловавшегося на это папе Льву X в 1519 г.¹⁰

В России позже, чем в Италии, но как-никак два с половиной века назад Петр I наметил программу охраны наших древностей, в чем-то предвосхитившую сегодняшние начинания. И все же разрушения продолжались. Очевидно, было бы наивным рассчитывать на то, что в какой-то момент они прекратятся навсегда.

Реки подмывают берега с древними стоянками и городищами. Старые здания ветшают. На земле становится все теснее, особенно в городах. Разрушения неизбежны. Задача в том, чтобы свести их к минимуму, оградить самое ценное, зафиксировать то, что обречено на исчезновение.

Второй спорный момент: авторы многих статей признавались, что о состоянии памятников культуры в нашей стране заставило их задуматься посещение зарубежных стран, где средневековую архитектуру заботливо оберегают. Отсюда кое-кто делал поспешный вывод о народах, дорожащих и недорожащих своим культурным наследием. Безусловно, охрана памятников в Западной Европе была налажена раньше, чем в России, и в этом нам есть чему поучиться у зарубежных коллег. Но и сохранение, и уничтожение остатков прошлого — явления общечеловеческие.

Никола Пуссен говорил о французах: «У нашей нации небрежность и недостаток любви к прекрасным произведениям так велики, что едва таковые создаются, как на них

уже не обращают внимание и, наоборот, часто находят удовольствие в том, чтобы их разрушить»¹¹. Оноре Бальзак оплакивал утрату художественных сокровищ в годы революции — в конце XVIII в. — и в период оскудения провинциального дворянства — в начале XIX в.¹² Иногда потери были вызваны случайными обстоятельствами, иногда — желанием избавиться от воспоминаний о прошлом. Участник Французской революции Пьер Сильван Марешаль заявлял в сочинении «Пифагоровы законы»: «Пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, только бы для нас осталось подлинное равенство»¹³. И эти слова воплощались в действия. Укажу хотя бы на разрушенный в те годы комплекс зданий аббатства Клуни, возникшего в X в.¹⁴ В дни Парижской коммуны свергли Вандомскую колонну, снесли дворец Тюильри, подумывали, не взорвать ли собор Парижской Богородицы¹⁵.

Читателя, наверное, неприятно поразят отдельные высказывания ряда видных деятелей русской культуры, недооценивавших творчество прошлого или воспринимавших уничтожение его остатков как что-то естественное. Но и это было везде. Тициан предлагал выломать мозаики в соборе святого Марка и поместить там живопись своих учеников. Эль Греко вызвался создать новую композицию «Страшный суд» в Сикстинской капелле, сбив для этого фреску Микеланджело¹⁶. Сезанн писал: «Писарро не совсем ошибался, когда говорил, что нужно сжечь все некрополи искусства»¹⁷.

С тем же чувством глядел на Национальную галерею в Лондоне Джон Констебл, полагая, что висящие там картины мешают художникам видеть мир по-своему¹⁸. История этого замечательного собрания была непростой. После казни Карла I, в 1649 г., музей пустили на распродажу. В Лувр, Prado и в другие места ушли полотна Джорджоне, Рафаэля, Тициана, Рубенса, Ван-Дейка¹⁹.

Вена не всегда казалась прекрасной ее жителям. В XVIII в. сетовали на проявившийся в городе «злосчастный отпечаток национального духа», на «дворцы и летние замки — ублюдки упадочной французской и итальянской архитектуры», хотели убрать «памятники... дурного вкуса» и возвести на их месте «Новые Афины»²⁰.

Особенно опасные призывы зазвучали в XX в. Печатаются стихи:

Мы не плачем, если дитя
Молотком дробит Микеланджело²¹.

И пророчество сбылось: какой-то негодяй разбил один из шедевров скульптора — Пьетру в римском соборе святого Петра. Интеллектуал Жан Поль Сартр не постеснялся сказать в интервью: «Что касается Моны Лизы, то я позволил бы ее сжечь, даже ни минуты не раздумывая... Вот уж действительно, есть вещи, которые ни на что не нужны, абсолютно ни на что. Долгое время улыбка Джекони служила лишь заезженной темой для плохих писателей... Сейчас же она ничто, пустое место»²².

На этом примере ясно, что высокий культурный уровень и творческий потенциал не обязательно предполагают любовь к памятникам искусства и старины и заботу о них. Переимать такой опыт Запада нам явно не стоит.

Любопытно, что некоторых русских путешественников по Европе удивляло печальное состояние тамошних памятников. Это бросилось в глаза К. Н. Батюшкову во Франции в 1814 г., П. А. Вяземскому — в Италии в 1834 г.²³, а В. П. Боткину — в Испании, откуда после закрытия монастырей в 1835 г. за рубеж отправили на продажу множество произведений искусства²⁴.

Итак, на протяжении веков во всем мире мы сталкиваемся и с уничтожением и с защитой остатков прошлого. Порой преобладала одна тенденция, порой — другая. Известный французский этнолог Клод Леви-Стросс сопоставлял современные музеи с хранилищами священных чуринг у австралийцев, подчеркивая свойственное человечеству на всех этапах его развития почтение к реликвиям²⁵. Едва ли не у каждого из нас есть свой миниатюрный музей — какие-то предметы, унаследованные от родителей или более далеких предков, какие-то памятки. Но все мы грешим и уничтожением таких реликвий — сжигаем старые письма, избавляемся от ненужных книг и вещей.

Поэтому нельзя представлять себе историю охраны памятников в виде прямой восходящей линии: от непонимания их значения к пониманию. Нельзя подменять ее, как это нередко делалось, и историей законодательства в этой области.

Для нас важны указы Петра I 1718 и 1721 гг. о доставке археологических находок в Кунсткамеру, но посланный в Сибирь для сбора коллекций Мессершмидт писал в 1723 г.: «Три иссеченные из камня фигуры животных с реки Тубы, которые я... поручил здешнему воеводе... поставить в арсенал..., уже разбиты народом на куски; меня просто ужаснуло страшное неповиновение воевод указам всемиростивейшего монарха»²⁶.

В 1722 г. Петр, посетив развалины Болгара, велел казанскому губернатору послать на городище «каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда»²⁷. Это распоряжение перестали выполнять сразу же после смерти Петра²⁸, а при Елизавете архиерей Лука нарочно разрушал болгарские здания, чтобы искоренить все остатки мусульманства. В 1767 г. Екатерина II писала о действиях Луки не без осуждения²⁹. Но сама она нанесла городищу неменьший ущерб, позволив использовать средневековый культурный слой для изготовления селитры³⁰.

Новые законы об охране древностей в России появились в середине XIX в. Сообщение о том, что в Коломне начали ломать кремлевские стены, вызвало указ 1848 г. «О наблюдении за сохранением памятников»³¹. Тридцать лет спустя Свиблова башня Коломенского кремля была разобрана купцами на кирпич для постройки лабазов³².

Дело, следовательно, не столько в законах, сколько в отношении общества к следам былых веков.

Можно ли указать на какую-то группу людей, из века в век злобно и целеустремленно разрушавших памятники нашей культуры? Попытки разыскать подобных преступников предпринимались не раз, но никогда не выглядели убедительно. Так, А. М. Разгон утверждал, что сокровища искусства и остатки старины в России всегда погибали от рук представителей эксплуататорских классов, а трудовые массы всячески заботились и о том, и о другом³³. Это, конечно, неверно. Среди кладоискателей, перепортивших многие тысячи курганов, были не только помещики, но и крестьяне. Народ берег свои святыни, но совершенно так же, как и его угнетатели, уничтожал чужие, не ведая, что творил.

Не отказываясь от выявления виновников конкретных актов вандализма, мы должны признать, что состояние национальных реликвий зависит от всех нас в целом.

После этих предварительных замечаний обратимся непосредственно к теме «русское общество и охрана памятников культуры». Это не история законодательства по данному вопросу — обзоры соответствующих законов уже публиковались³⁴, не история вандализма, тем более не история отечественного искусствоведения. Прежде всего мне хотелось понять, какие идеи определяли судьбу памятников прошлого в нашей стране. При решении этой задачи трудно

придерживаться строгой хронологической канвы. Важнее уловить, привлекая подчас события разных десятилетий, определенные этапы в развитии представлений о культурном наследии и выделить аспекты проблемы, наиболее характерные для каждого этапа.

II

Явление, отмеченное выше применительно к народам Сибири и Кавказа, было свойственно и русским в период средневековья: древности, считавшиеся святынями, почитались и оберегались.

Курганы в Центральной России никогда не бывают ограблены. Люди, в поисках золота разрывавшие сибирские насыпи, не трогали могил на своей коренной территории.

В Поднепровье и Поднестровье и в заселенных позднее более северных районах славяне унаследовали от первобытной эпохи языческие культовые места. Постепенно церковь их христианизировала. В Почаевской лавре богомольцы поклонялись камню со «стопой Богородицы»³⁵. Неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря над другим камнем построили часовню. Монахи уверяли, что на нем остался след святого Кирилла³⁶. Известно еще более десятка «каней-следовиков», которые связывают то с Параскевой Пятницей, то со святым Зосимой, то с Ильей, то с Николой³⁷. Такие плиты с овальными углублениями, иногда естественными, иногда искусственными, почитали еще в эпоху бронзы. Именно к этому периоду относятся петроглифы с изображениями стоп, изученные археологами в Крыму, Приазовье и Карелии³⁸. Уже Геродоту показывали «у реки Тираса [Днестра]... отпечаток ступни Геракла в скале. Он похож на след человека, но в длину имеет два локтя»³⁹.

Если обратиться к средневековым русским храмам, то, разумеется, надзор за этими памятниками архитектуры, осуществлявшийся духовенством и верующими, был далек от нынешних требований. Церкви часто перестраивались, и тем самым их древние формы искажались. Однако всюду заботились о целостности внешнего вида построек. Иногда же проводилась и настоящая реставрация.

В XV в. в Юрьеве-Польском рухнул Георгиевский собор 1234 г. Московскому зодчему В. Д. Ермолину поручили восстановить его первоначальный облик. В своей «Ермолинской летописи» он записал под 1471 г.: «Во граде Юрьеве в Полском бывала церковь камня святой Георгий, а придел святая Троица, а резаны на камени все, и розвалися

Георгиевский собор 1234 г. в Юрьеве-Польском,
отреставрированный В. Д. Ермолиным в 1471 г.

Фото Г. К. Вагнера

все до земли; повелением князя великого Василия Дмитриевича те церкви собрал все изнова и поставил, как прежде»⁴⁰ На взгляд современных искусствоведов, утверждение Ермолина неточно. Многие части резных рельефов он перепутал местами, а некоторые, перекладывая рухнувшие стены, совсем не использовал. Но сам Ермолин, несомненно, намеревался не строить запово, а реставрировать и, когда мог, восстанавливал композиции из резного камня⁴¹.

Известно, что в древней Руси выдающихся художников причисляли к лику святых. Сказание о святых иконописцах XVI—XVII вв. называет 26 таких мастеров. Среди них Алимпий и Григорий из Киево-Печерского монастыря, Андрей Рублев и его товарищ Даниил Черный⁴². Иконы кисти Алимпия или Рублева ценили чуть ли не на вес золота. Как о величайшем несчастье повествует летопись о гибели «Деисуса» работы Рублева во время пожара 1547 г.⁴³

Задумайтесь, стоя в Третьяковской галерее перед иконой Владимирской Божьей матери, над историей этого памятника живописи конца XI — начала XII столетия. В XII в. икону привезли из-за моря в Киев. Оттуда она перекочевала в Вышгород. В 1155 г. Андрей Боголюбский забрал ее в свою Суздальскую землю. С 1395 г. икона в Москве⁴⁴. Восемьсот лет во всех этих странствиях, при татарах, в Смутное время, в 1812 г. люди охраняли это произведение искусства.

То же можно сказать и о некоторых памятниках древнего быта. Когда в 1203 г. половцы захватили Киев, они ограбили Софийский собор и похитили «порты (одежды.— А. Ф.) блаженных первых князей, еже бяху повещали в церквах святых на память себе»⁴⁵. В ризнице Новгородской Софии хранились посох и облачение епископа Никиты XII в.⁴⁶, в Троицком соборе Пскова — мечи XIV столетия, приписывавшиеся князьям Довмонту и Всеволоду Мстиславичу⁴⁷. В вятском с. Улеца в церкви держали каменный молоток. Им прибивали гвозди в престол при освящении нового придела⁴⁸. В Успенском соборе во Владимире была другая достопримечательность — «помогавшие от болезней» ржавый шишак и железные стрелы. Верующие надевали шишак на голову, брали стрелы в руки и молились об исцелении⁴⁹. Обряд чисто языческий, но православие восприняло его, и за средневековым оружием признали чудотворную силу.

Очевидно, духовенству достаточно часто приносили археологические находки. Правда, многие из них сразу же переплавляли. В 1626 г. в кургане близ Путивля были обнаружены золотые и серебряные украшения. Находчик отдал их на «церковное строение»⁵⁰. В 1864 г. в Минусинске один из прихожан пожертвовал на отливку колокола более семи пудов «чудских вещей» — медных изделий эпохи бронзы и раннего железа⁵¹. И все же ясно, что представление о священных памятниках прошлого существовало и у русского народа.

В круг этих святынь входили здания и произведения живописи, оружие и одежда, однако почти всегда свои, а не иноплеменные. К чужой старине отношение было безжалостным. Наслушавшись о сибирских кладоискателях-«бугровщиках», голландский путешественник XVII в. Витсен даже счел чертой национального характера то, что «русские не любят древностей»⁵². Витсен судил по одной стороне медали. Своими древностями на Руси дорожили во всяком случае так же, как в Хакасии и Бурятии.

Письменные источники — от Повести временных лет, упомянувшей о собрании книг в Киевской Софии⁵³, до настоящих книжных каталогов, составленных в XV—XVII вв.⁵⁴, — нередко сообщают о монастырских и церковных библиотеках. В XIV в. братия Спасо-Прилуцкого монастыря специально требовала от настоятеля Димитрия, чтобы он пополнил библиотеку обители⁵⁵. Как видно из перечней книг, помимо сочинений духовного содержания монастыри приобретали и географические, и философские, и исторические, и педагогические труды.

Не будем преувеличивать эти достижения в охране культурного наследия. Приведенные выше примеры показывают, сколько любопытнейших остатков старины погибло в свое время из-за непонимания их ценностей духовенством. Защищая православные святыни, религия со свойственной ей нетерпимостью готова была уничтожать чужие. Так, ломал здания Болгара казанский архиерей в XVIII в., а за четыре столетия до него Стефан Пермский не жалел сил на розыски и истребление деревянных идолов, которым поклонялись племена Западного Урала. В житии Стефана говорится: «Бяху же в Перми кумири различнии, овии большии и меншии, друзии же среднии, а инии нарочитии и словутнии и инии мнозии, и кто может исчести их?... И по погостам распытуя, и в доме изыскуя, и в лесе находя, и в привержких обретая — и zde, и онде везде находя я»⁵⁶. Мы знаем интересную пермскую деревянную скульптуру, но самые архаичные статуи в коллекциях музеев относятся к XVII столетию. От руки Стефана в XIV в. погибли далекие прототипы этой скульптуры, уже позднее приспособленной для своих нужд христианством. Досадно, что все эти уральские «болваны истуканныя, извааннныя, издолбленныя, вырезом вырезаемыя» потеряны и для этнографии, и для истории.

Далеко не всегда исторические реликвии, скопившиеся в церковных ризницах, берегли так, как они того заслуживали. В 1804 г. известный знаток русской старины Евгений Болховитинов, назначенный на епископскую кафедру в Новгород Великий, захотел осмотреть Юрьев монастырь. Он поехал туда по нижней дороге — по берегу Волхова, а не по верхней, где его ожидали, и встретил монаха на возу, нагруженном древними рукописями. Оказывается, готовясь к торжественной встрече, в монастыре произвели уборку, а «мусор» решили выбросить в реку. Среди обреченных на уничтожение книг был манускрипты XI в.⁵⁷

В 1809—1810 гг., объезжая в поисках древностей Центральную Россию, К. М. Бороздин и А. И. Ермолаев не раз

сталкивались с таким же безответственным отношением к памятникам прошлого. В башне Кирилло-Белозерского монастыря путешественники наткнулись на груды ветхих бумаг, сташенных сюда для сожжения. Бороздин поднял ближайшую рукопись. То был Синодик Иоанна Грозного. В другой обители бросалась в глаза дорога из келий в собор, вымощенная могильными плитами. Судя по эпитафиям, разорена была усыпальница одного из старейших дворянских родов. Бороздин обещал настоятелю богатый вклад от потомков этого рода, если камни перетащат на прежние места, и не поленился для проверки завернуть в монастырь на обратном пути. Плиты лежали все там же, но надписи на них были старательно выскоблены⁵⁸. Уже в середине XIX в. при розысках гробницы Дмитрия Пожарского в Суздале А. С. Уварову довелось услышать, что «имевшиеся... на гробах князей Пожарских и Хованских белые камни с надписями.. архимандритом Ефремом употреблены на выстилку при церкви рундуков и другие монастырские здания»⁵⁹. А ведь речь шла не только о замечательном историческом деятеле, но и о представителе семьи, вносившей в Спасо-Евфимьев монастырь щедрые вклады.

Приведу еще несколько свидетельств. 1829 г.: И. М. Снегирев пишет М. П. Погодину: «Более всего терпят древние церкви наши от нелепых пристроек и своенравных перестроек попа и старосты вместе с комиссиею строения. Они походят на старух, набеленных и нарумяненных, с разновковым костюмом»⁶⁰. 1840 г.: Погодин, ссылаясь на указ Николая I, просит архимандрита Рафаила, настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря, сохранить раннюю живопись и слышит в ответ: «Вы, историки, судите по-своему, а богомолы — по-своему, вы любите ветхости, а те относят их к перадению настоятелей»⁶¹. 1845 г.: письмо А. С. Хомякова А. В. Веневитинову: «Все церкви московские испорчены усердием православных, вечно пристраивающих приделы»⁶². Спустя полстолетия собиратель русских икон художник И. С. Остроухов говорил о мечте каждого провинциального батюшки обновить храм, заменив древнее убранство современным⁶³.

Как видим, считать духовенство достойным хранителем культурного наследия на Руси было бы преувеличением. Что-то оно действительно сберегло, но немало и уничтожило. К тому же, всякие «достопамятности» сохранялись не только в монастырях, но и в Оружейной палате Московского Кремля, существовавшей уже с 1508 г.⁶⁴

И все-таки нельзя забывать о том, что некоторые немые свидетели прошлого дошли до нас благодаря вере в святыни. Для допетровской эпохи это, пожалуй, главный импульс охраны памятников в России.

III

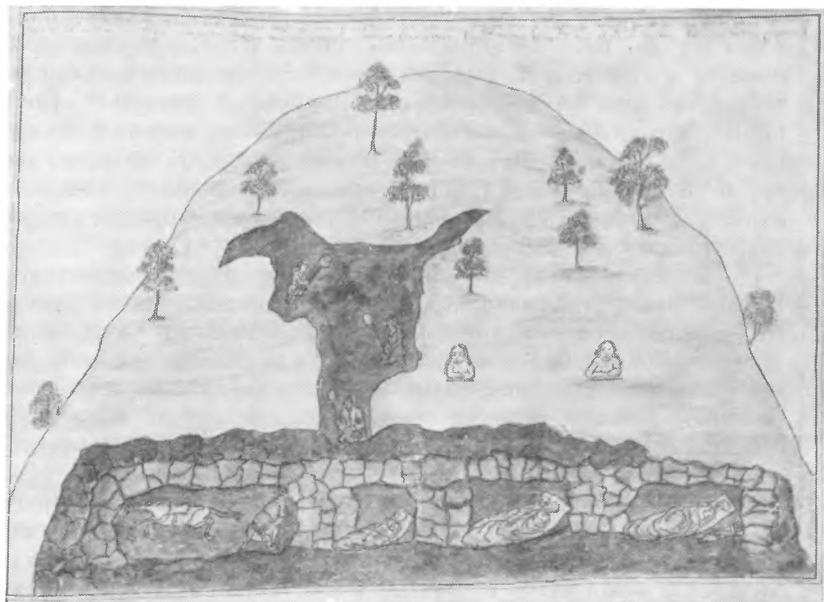
Петровская эпоха врезалась в память народа как время грандиозной ломки больших и малых традиций старой Руси, время бритья бород, переливки церковных колоколов на пушки, забвения столетних дворцов за прочной кремлевской стеной ради открытых морским ветрам и сбитых на скорую руку домиков на невских берегах. В какой-то мере это так и было. Но ломка традиций в Петровскую эпоху не означала разгрома культуры русского средневековья. Напротив, Петру Россия обязана первыми мероприятиями по охране памятников культуры, как, кстати говоря, и первыми мероприятиями по охране природы⁶⁵.

Как уже говорилось, в 1718 и 1721 гг., познакомившись с находками в сибирских курганах, Петр велел специально покупать подобные вещи для созданной незадолго перед тем Кунсткамеры — музея западноевропейского образца с научными и просветительскими задачами.

В XVII—XVIII вв. сибирские курганы подвергались непрерывному разграблению. «Начальники городов Тары, Томска, Красноярска... отправляли вольные отряды из местных жителей для разведки этих могил и заключали с ними такое условие, что они должны были отдавать... десятую часть найденного ими золота, серебра, меди, камней и прочего. Найдя такие предметы, отряды эти разделяли добычу между собою и при этом разбивали и разламывали изящные и редкие древности с тем, чтобы каждый мог получить по весу свою долю»⁶⁶. Эти обломки тотчас переплавляли, и в продажу шел уже металл.

Петр поручил сибирскому губернатору покупать у «бугровщиков» не металл, а сами «куриозные вещи». Вопрос о запрещении грабительских раскопок в XVIII в. еще не ставился. Указы о покупке древностей могли даже усилить эпидемию кладоискательства. Но если раньше археологические находки исчезали бесследно, то теперь попытались спасти их от уничтожения и получить представление об условиях этих находок.

Выше уже было сказано о распоряжении Петра реставрировать здания Болгара. Не забыл он и о вещественных памятниках русской истории. После нарвского поражения

Кладонскатели-«бугровщики» разрывают курган
около Семипалатинска

Рисунок 1734 г., приложенный к сочинению В. де Генн
об уральских и сибирских заводах (ГИМ)

церквам и монастырям было приказано сдать на Пушечный двор в Москве часть колоколов. В 1701 г. принимавший их стольник Тимофей Кудрявцев обратил внимание на столбовый колокол, присланный из Троице-Сергиевой лавры. Рельефная надпись свидетельствовала, что он был отлит в 6935 (т. е. 1427) г. при Василии Темном. Кудрявцев оказался человеком думающим и запросил царя, не лучше ли такой старый колокол оставить в Лавре «для памятства», взяв вместо него другие — недавно сделанные. Петр немедленно откликнулся на этот запрос, но пошел еще дальше — колокол предписывалось вернуть Лавре «без зачету» — не требуя ничего взамен; монастырю велено его беречь⁶⁷. Эпизод характерный. Переливка колоколов на пушки — ярчайший пример разрыва Петра с многовековыми традициями на Руси. Но ни разрыв с традициями, ни нужда в металле не помешали царю позаботиться об исторической реликвии — образце русского литейного искусства. Ломку прошлого Петр стремился уравновесить охраной памятников старины.

Этот случай не единственный. В январе 1722 г. Синод разослал по церквам повеление снять с икон привески и монеты и употребить эти непринятые в православном культе украшения на изготовление церковной утвари⁶⁸. Петр понял, что так могут погибнуть большие ценности, и 20 апреля издал дополнение к синодскому указу. В области, которые не пострадали в Смутное время, предлагалось «послать знающих людей, дабы то пересмотрели, что гораздо старое и курioзное», и эти предметы выкупили у Синода⁶⁹.

В неустанных трудах по созданию флота, строительству Петербурга, преобразованию армии, промышленности, всего государства Петр находил время подумать о сохранении древностей. Он проявил при этом свой замечательный ум, интересуясь теми районами, откуда поступали наиболее богатые археологические коллекции, и теми областями Московской Руси, где следы былых веков могли сохраниться в большем количестве.

Петр положил начало и покупке произведений искусства за рубежом. При нем были доставлены в Россию первые античные статуи, вроде Венеры Таврической⁷⁰, и множество полотен голландской и фламандской школы. Их развесили в Кунсткамере, в Петергофе, в домике царя у Летнего сада.

После Петра охрана памятников культуры в России получила совершенно иное направление, чем раньше. В Московской Руси древности оберегала вера в святыни. Отныне о них заботилось государство. Хранили их теперь не в церковных ризницах, а в музее и царских дворцах. Старинные вещи берегли уже не как святыни, а как объекты, важные для науки, «раритеты», «куриозитеты». В связи с этим охране подлежали не только остатки русской старины, но и древности чужих и даже неведомых народов. По сравнению с предшествующей эпохой заметно развилось и эстетическое восприятие творчества миновавших столетий. Конечно, и прежде на Руси чувствовали красоту храмов и икон, созданных в давние годы. Но речь шла о святынях, и эстетический момент в их оценке не был главным. В XV—XVII вв. печатями русских людей нередко служили античные геммы. Эти резные камни, привезенные из Италии эпохи Ренессанса, в отличие от икон, были произведениями искусства в чистом виде, но пока что искусства прикладного⁷¹. С петровского времени в России появились мраморные фигуры языческих богов, картины с бытовыми, батальными и мифологическими сюжетами. Культура страны становилась все более и более светской, а в ее развитии решающая роль перешла к дворянству. Влияние духовенства падало год от года.

Идей, лежавших в основе петровских указов о памятниках прошлого, хватило на весь XVIII век и даже на начало XIX в. Академические экспедиции Мессершмидта, Миллера, Гмелина, Палласа в Сибирь пополняли фонды Кунсткамеры археологическими материалами. Цари и дворянство усиленно покупали за границей античные вазы, геммы и статуи, картины и скульптуры западноевропейских художников⁷². Объем этих закупок был очень велик. Собрание гемм Екатерины II насчитывает 10 тыс. экземпляров и составляет почти две трети глиптотеки Эрмитажа⁷³. Большинство произведений античного искусства и западноевропейской живописи, хранящихся в Эрмитаже и в других русских музеях, попало к нам именно в XVIII—начале XIX в. Сосредоточенные сейчас в нескольких галереях, эти коллекции были распылены некогда по сотням частных «кабинетов». Обилие художественных сокровищ в домах русских бар поражало иностранцев. «Можно подумать,— писал Э. Кларк,— что обобрали всю Европу для составления этих богатейших музеев»⁷⁴. Собирали не одни антики и картины, но и китайский фарфор, работы мастеров Египта и средневекового Востока.

В то же время нет никаких данных, что наряду с антиками собирали древнерусские иконы или образцы народного прикладного искусства. Никому и в голову не приходило, что это — не меньшие художественные ценности, чем римские светильники или французская живопись.

Остатки старины в древнерусских городах не привлекали внимания. «В Киеве сердце сокрушалось, видя, каковое там господствует нерадение к древностям нашим»,— писал Н. П. Румянцев⁷⁵. Сама история города была настолько забыта, что в 1760 г. на запрос Сената об исторических памятниках киевские власти не смогли ответить ничего вразумительного. О средневековых укреплениях знали только народные предания: «В котором году, от кого и для чего опые города построены, о том в Киевской губернской канцелярии известия не имеется...,— сообщали чиновники.— А что оной город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху известно, но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно»⁷⁶.

Понимание культурного наследия в русском обществе XVIII в. было, следовательно, односторонним. Равнодушие к национальному искусству прошлого порождено системой классицизма, поработившей Европу в XVIII—начале XIX столетия. Классицизм начисто отрицал ценность сред-

невекового «готического» искусства, как безвкусного, чуждого уравновешенности и законченности античной архитектуры и скульптуры. Выражая требования эпохи, Мольер писал, что творчество художника должно быть:

Умно приправлено изяществом античным,
Не стилем готики, лишь варварству приличным,
Чудовищным векам невежества и тьмы,
Под тяжким бременем которых гибли мы,
Когда, почти весь мир залив своей волною,
На вкус изнеженный они пошли войною
И, обратив во прах могущественный Рим,
Едва не погребли искусство вместе с ним ⁷⁷.

Во французских сочинениях конца XVIII в. о готике твердили с удивительным упорством: «нелепость, не имеющая отношения к искусству», «несносно как для глаза, так и для понимания» ⁷⁸, «стиль вандалов, фантастическая смесь грубости и мелочной отделки» (последние слова принадлежат Вольтеру) ⁷⁹. В печати предлагали снести готические соборы. На салоне 1800 г. фигурировал проект: «Разрушение готической церкви при помощи огня, путем подкапывания столбов у их основания и закладывания под них кусков сухого дерева... Здание рушится менее чем в 10 минут». Столь же враждебен был классицизм к живописи фламандской и голландской школы. На рубеже XVIII и XIX вв. члены Художественного общества настаивали на «чистке музея от предметов, недостойных быть в его стенах», и уничтожении картин, неподходящих под каноны классицизма ⁸⁰.

Эти взгляды усвоило и русское дворянство. В 1826 г. преподаватель теории изящного и конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович опубликовал статью «О состоянии художеств в России». В основном она посвящена XVIII в., но автор добросовестно просмотрел и более ранние исторические источники. Он встретил там имена прославленных иконописцев. Слышал он и о храмах, возведенных русскими зодчими. Однако ценность этих памятников кажется Григоровичу сомнительной — ведь «вкус тогда не был нисколько образован». «Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами, приписываемыми каким-то Рублевым, Ильиным, Ивановым, Васильевым и прочим живописцам, жившим гораздо прежде времен царствования Петра: я сим похвалам мало доверяю... Им не доставало образцов. Они не знали древних». А раз искусство невозможно без копирования античных образцов, значит, в допетров-

ской Руси его и не было. «Художества водворены в России Петром Великим»⁸¹.

К 1817 г. относится «Записка о московских достопамятностях» Н. М. Карамзина. Создатель по-своему блестящего литературного языка, выдающийся историк, Карамзин, казалось бы, мог увлекательно рассказать о Кремле, Китай-городе и других остатках старины. Но наши надежды тщетны. О шедеврах русской архитектуры Карамзин походя бросает два-три слова: «Близ Спасских ворот заметим готическую церковь Василия Блаженного»⁸². О том же соборе в путеводителе по Москве, подготовленном Сергеем Глинкой на основе французского справочника, говорится, что он, «не взирая на все несообразности вкуса, возбуждает и внимание, и удивление»⁸³. В те же годы первый исследователь киевских древностей М. Ф. Берлинский характеризовал Софийский собор и Михайловский Златоверхий монастырь как «грубые готические здания, изукрашенные самою безыскусственною мозаикою»⁸⁴.

«Готика», «несообразность вкуса» — здесь все из лексикона классицизма! А вот отзыв об искусстве древнего Египта — диссертация П. В. Уланова «Об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их для себя за образцы». Уланов признает, что египетская архитектура производит впечатление на зрителя, но в скульптуре он находит лишь «отвратительное безобразие», дурной вкус, отсутствие идеальной красоты и грации⁸⁵. Знакомый нам вопрос об «образце» вынесен даже в заглавие. Искусству необходимы образцы. Греческая пластика — недостижимый и единственно возможный образец. Статуи Египта образцом быть никак не могут.

Классицизм настолько владел умами, что история родной страны подгонялась под античный идеал. Ломоносов хотел, чтобы его читатели увидели «в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных»⁸⁶. В античные одеяния рядятся Дмитрий Донской, Минин и Пожарский в произведениях О. А. Кипренского и И. П. Мартоса.

Выпячивание на первый план эллинской и римской культуры в ущерб другим культурам не было кратковременным эпизодом в истории русской мысли. Отголоски тех же идей звучали и в XIX в.⁸⁷

Первые археологические музеи созданы у нас в Причерноморье для сохранения античных древностей. Первыми памятниками архитектуры, об охране которых начали думать

общество и правительство, были руины античных построек. В 1805 г. Александр I отдал распоряжение «об ограждении от разрушения» древностей Крыма⁸⁸. В 1821 г. академик Е. Е. Кёлер был послан обследовать их состояние. Любопытно, что на предложение Кёлера реставрировать наряду с развалинами Керчи и Херсонеса мечеть в Евпатории и укрепления Мангуп-кале министр внутренних дел А. Н. Голицын ответил: беречь надо не турецкие и татарские, а греческие и гетуэзские памятники⁸⁹. Для реставрации античных зданий особым указом было выделено 10 тыс. рублей⁹⁰. (Истратили их, правда, не по назначению, но все же впервые в истории нашей страны государственные средства были специально отпущены на нужды охраны памятников.) Так было не только в России. Во Франции организованная в 1830 г. Генеральная инспекция исторических памятников тоже начала свою деятельность с консервации построек римского времени в Оранже, Арле и Ниме и только позже обратилась к охране национальной архитектуры⁹¹. Неудивительно, что при таких установках в XVIII — начале XIX в. то тут, то там разрушали старинные церкви, дворцы, башни.

К первому десятилетию царствования Екатерины II относится «проект кремлевской перестройки». Любительница грандиозных, поражающих воображение Европы предприятий, Екатерина решила возвести в Кремле новый колоссальный дворец и перепланировать весь центр старой столицы. Работа над проектом была поручена В. И. Баженову. Модель дворца Баженов изготовил к 1774 г., но уже в 1769—1770 гг. он приступил к расчистке строительной площадки. Разобраны были корпуса приказов, Житный и Денежный дворы, годуновский Запасный дворец, один из многих памятников XV в. в Москве — Казенный двор, палаты Трубецких, церковь Косьмы и Дамиана, Черниговский собор, постройки Чудова монастыря. Была снесена значительная часть обращенной к Москве-реке кремлевской стены с безымянными и Тайницкой башнями. При рытье котлованов возникла опасность просадки Архангельского и Благовещенского соборов. А в 1774 г. царица велела прекратить все работы в Кремле.

Исследователи творчества Баженова, смущенные столь ретивой расчисткой места для сооружения, оставшегося проектом, пытаются оправдать выдающегося зодчего. Они говорят о любви Баженова к древнерусской архитектуре, отразившейся и в речи при заложении Кремлевского дворца, и в элементах декора XVII в., введенных в бажендовские здания. Вспоминают указание Баженова своим помощникам:

Строительные работы В. И. Баженова в Московском Кремле

Граюра по рисунку М. Ф. Казакова 1772 г.

«Стараться нам всячески падлежит, чтоб новым строением не повреждено было строение старое»⁹². Все это так, но судить человека мы должны по его делам, а не по его словам. Предположим, дворец удалось бы построить. Тогда даже сохранившиеся памятники Кремля были бы закрыты его стенами. Весь ансамбль неузнаваемо изменился бы, и парадная древних памятников была бы безвозвратно утрачена.

Баженев и его современники были убеждены в том, что на месте зданий минувшей эпохи, пусть истинно прекрасных, появится нечто более значительное. Уверенность в этом звучит и в речи Баженова при закладке дворца, и в стихотворении Державина «На случай разломки Московского Кремля для постройки нового дворца»:

Прости, престольный град, великолепно зданье,
Чудесной древности — Москва, Россий блистанье!
Сияющи верхи и горды вышины
На диво в давний век вы были созданы.
В последни зрю я вас, покровы оком мерю
И в ужасе тому дивлюсь, сомнюсь, не верю,
Возможно ли, чтоб Вам разрушиться, восстать

И прежней красоты чуднее процветать?
Твердыням таковым коль пасть и восставляться,
То должно, так сказать, природе премеяться.
Но что не сбудется, где хочет божество.
Баженов, начинай — уступит естество! ⁹³

«Сияющи верхи» древней столицы радовали взор Баженова и Державина, но оба они не сомневались, что если сломать эти «верхи и горды вышины» и на их месте поставить новый дворец, — все станет еще лучше. Надо думать, Баженов создал бы интересное произведение зодчества, но даже оно ни в коей мере не компенсировало бы гибель кремлевского ансамбля.

Минула четверть века, засыпаны были котлованы, вновь возведена южная кремлевская стена, когда Московский акрополь вновь оказался под угрозой. На этот раз она исходила не от талантливоего зодчего, воодушевленного творческими замыслами, а от скучнейшего чиновника, помешанного на чистоте и порядке. Вставший во главе экспедиции кремлевского строения П. С. Валуев решил привести Кремль в приличный и аккуратный вид. Для этого, по мнению Валуева, необходимо было избавиться от всяких ветхих зданий, от всякого старья, загружающего Оружейную палату. Валуев подал царю доклад, что многие постройки в Кремле «помрачают своим неблагообразным видом все прочие великолепные здания» и что эти постройки надо «сломать как можно скорее» ⁹⁴. Александр I не без колебаний, но все же согласился с доводами Валуева. И вот, в 1801—1808 гг. один за другим пошли на слом Сретенский собор, Хлебный и Кормовой дворцы, Троицкое подворье, Гербовая башня, часть Потешного дворца, церковь Богоявления, здания заднего Государева двора.

Навел порядок Валуев и в Оружейной палате. Ветхие вещи оттуда частью выкинули, частью продали за гроши. То, что поцелее, привели в благопристойный вид: латы, щиты и даже замечательные по своей полихромии изразцы покрыли краской, дабы они выглядели свежее и опрятнее. Указ 1806 г., определивший статут Оружейной палаты, не изменил положения дел. И сюда попала фраза, что пришедшие в негодность древние предметы разрешается отправлять из хранилища на продажу ⁹⁵. Просвещенное общество все это нисколько не беспокоило. В те же самые годы историкограф Карамзин меланхолично рассуждал: «Иногда думаю, где быть у нас гульбищу, достойному столицы, и не нахожу ничего лучше берега Москвы-реки между каменным и дере-

вянным мостом, если бы можно было там сломать кремлевскую стену, гору к соборам устлать дерном, разбросать по ней кусточки и цветники... Кремлевская стена ни мало не весела для глаз»⁹⁶.

Можно ли найти свидетельства иного рода — о внимании к памятникам русской старины в XVIII столетии? Да, есть и такие данные, хотя их сравнительно мало.

В 1755 г. директор Московского университета, будущий член Комиссии об Уложении А. М. Аргамаков выдвинул проект реорганизации Оружейной палаты. Намечались постройка для нее специального здания, составление описей и публикаций каталога хранящихся в ней предметов, возможность осмотра их посетителями⁹⁷.

В 1783—1784 гг. при Екатерине II была выпущена «историческая серия медалей». На них изображены крепости Изборска и Ладоги и курганы, приписывавшиеся Синеусу, Трувору, Олегу, Игорю и Ярополку⁹⁸. Эти изображения — лишь плод фантазии художников, а не результат изысканий, предпринятых для проверки летописных известий или местных легенд о княжеских курганах. И все-таки выпуск медалей показывает, что памятники отечественной истории уже считали заслуживающими увековечивания.

Сподвижница Екатерины II, президент двух Академий Е. Р. Дашкова в 1779 г. поясняла в Вене князю В. Кауницу, что на Руси процветала некогда высокая культура, «в монастырях хранятся великолепные картины» и «еще 400 лет тому назад... Батыем были разорены церкви, покрыты мозаикой»⁹⁹.

Обдумывая, как иллюстрировать свою «Историю Российскую», В. Н. Татищев назвал в 1740 г. «некоторых древних строений чертежи», «города Болгар, Сарай и на Дону разоренные, где еще многие руины, памяти достойные, находятся», столп в Билярске, храмы Владимира и Юрьева-Польского¹⁰⁰.

В 1760 г. Ломоносов предлагал снять копии с портретов князей и царей на фресках Киева, Новгорода, Пскова, Владимира¹⁰¹.

В XVIII — начале XIX в. вышли первые путеводители по Москве, содержавшие и описание построек XV—XVII столетий¹⁰². В «Слове, говоренном перед народом архитектором Василием Баженовым 1 июня 1773 года на день заложения императорского Кремлевского дворца» с уважением говорилось о художественных достоинствах таких зданий, как Меншикова башня, колокольня Новодевичьего монастыря, церкви Успения на Покровке, Никола Большой крест,

Ивана-воипа, Кадашевская и др.¹⁰³ В конце жизни Баженов собирался даже издать альбом, посвященный допетровской русской архитектуре¹⁰⁴.

Во второй половине XVIII в. в провинциальных городах была введена регулярная планировка. Создатели ее кое-где бережно отнеслись к старой застройке. В Ярославле здания XVII в. стали ключом к решению градостроительной задачи. От площади, разбитой вокруг церкви Ильи Пророка, идут лучи улиц, и каждая выходит к тому или иному памятнику ярославского зодчества XVII столетия¹⁰⁵.

Помимо выпускавшихся церковью брошюр о московских, киевских и прочих «святынях», в XVIII в. увидели свет первые научные очерки о подобных памятниках. Так, академик Миллер, начиная с 1778 г., объехал ряд городов Центральной России и опубликовал описания Коломны, Троице-Сергиевой лавры, Александрова, Дмитрова, Вязьмы, Переяславля-Залесского, Звенигорода, Можайска¹⁰⁶.

Особенно интересна для нас деятельность великого просветителя Н. И. Новикова. В 1775 г. вслед за «Русской исторической вивлиофикой» он намеревался начать новую серию книг — «Сокровище российских древностей» в восьми частях по 15 печатных листов каждая — описание гербов, монет, «соборов, церквей, монастырей, что в них достопримечательного»¹⁰⁷. Замысел осуществлен не был. Исторические издания Новикова не находили подписчиков. Кажется, помешал и запрет духовной цензуры¹⁰⁸. Сохранились корректурные листы одного выпуска, где знаток церковной архитектуры архиепископ Амвросий (Андрей Степанович Зертис-Каменский) знакомил читателей с московскими соборами¹⁰⁹.

Этот план Новикова явно обусловлен его общими установками просветителя, постоянно выступавшего с патриотической проповедью и боровшегося с галломанией. В 1784 г. в издававшемся им журнале «Покоящийся трудолюбец» говорилось: «Надо прежде всего узнать свое отечество. Россиянин должен вникнуть в древний вкус многих старинных кремлевских строений, прежде нежели рассматривать станет луврскую колоннаду... Не должно спрашивать у иностранцев об их достопримечательностях, если не можем рассказать им о своей земле»¹¹⁰.

За год до того как был выдвинут проект «Сокровища российских древностей», в сатирическом журнале «Кушелек» Новиков поместил «Письмо к издателю», скорее всего в полемических целях сочиненное им самим. Автору письма претит интерес к русской старине: «Скажите мне — были ли в России науки и художества, чем все просвещенные народы

славятся?... Во всех частях паук, художеств и просвещения были ли великие люди? Пшкак». О прошлом своей страны корреспондент «Кошелька» судил по французским книгам (откуда он узнал, что монголо-татарское иго сверг Иван Грозный. Ср. ошибку в дате Батыева нашествия у Дашковой). Впрочем он слышал, что есть какой-то «Синописис», который читают купцы и уездные дворяне¹¹¹. С такими-то людьми, как воображаемый сочинитель письма,— петербургскими дворянами, бывавшими за границей, воспитанными на французской литературе, но во всем чужими собственному отечеству,— и спорил Новиков, стремясь противопоставить их взглядам иные, более глубокие представления об истории России и ее культурном наследии.

Пора для осуществления планов Новикова в конце XVIII в. еще не пришла, но лет через 30—50 К. М. Бороздин и А. И. Ермолаев, К. Ф. Калайдович и П. М. Стров, осматривая монастыри Центральной России, выявили там множество памятников старины. Показательно, что некоторые их современники, занимавшиеся изучением древностей,— Евгений Болховитнов, Карамзин, К. А. Лохвицкий, приступивший к раскопкам в Киеве в 1820-х годах, в молодости были членами Новиковского кружка. Связан с ним был и Баженов. Его речь при заложении Кремлевского дворца издал именно Новиков¹¹².

Таким образом, еще в конце XVIII в. зарождался интерес к историческим памятникам России, получивший развитие в первой половине XIX в.

Хотелось бы дать более дифференцированный анализ этого нового в жизни русского общества явления, но материала у нас слишком мало. Все же один штрих позволяет говорить о том, что наряду с новиковским демократическим подходом к истории возникло и другое — псевдопатриотическое, предвосхищавшее тот национализм, что усиленно насаждался у нас при Николае I. В 1783 г. Екатерина II обещала Ф. Гримму доказать, что «древние славяне дали свои названия большинству рек, гор, долин и урочищ во Франции, Шотландии и других местах»; «Салическая правда» — славянская; Мервинги и Хлодвиг (Людвиг, что составлено из «люд» + «двиг») — славяне; Хильперик потерял трон за то, что собирався внести в латинский алфавит славянские «х», «ч» и «пси»; французские короли приносят в Реймсе присягу на славянском Евангелии и т. д.¹¹³

Как видим, в XVIII в. уже намечались некоторые тенденции, сыгравшие немалую роль в отношении к русским древностям в последующее время.

На грани XVIII и XIX вв. в Западной Европе доктрина классицизма была поколеблена бурным напором романтизма. Раздаются похвалы готике, искусству Византии, арабского Востока. Гете поет восторженный гимн Страсбургскому собору, Вашингтон Ирвинг — Альгамбре, Виктор Гюго — собору Парижской Богоматери. О творчестве средневековья пишут Вальтер Скотт и Новалис. Во Франции находят уже, что «готические соборы — украшение наших городов». Художники все чаще изменяют античным сюжетам, ибо «что может быть интереснее времен рыцарства», поэтичнее «старых замков, древних свидетелей нашей прежней славы»¹¹⁴. С 1834 г. издается журнал по средневековому искусству «Bulletin monumental». Наконец, в 1837 г. возникают комитеты охраны памятников¹¹⁵.

Романтики проявляли интерес и к культуре древней Руси. Чрезвычайно высоко оценил памятники Московского Кремля, Троице-Сергиевой лавры и Нижнего Новгорода Теофиль Готье¹¹⁶. Гектор Берлиоз с восхищением вспоминал в Париже об осмотренных в 1867 г. соборе Василия Блаженного и Донском монастыре, церквях в Коломенском, Николы в Хамовниках и Николы Большой крест, об их иконах и архитектурном декоре¹¹⁷. Представители движения, проникнутого любовью к готике и искусству Востока, не могли не почувствовать самобытности, красоты, целостности созданий русского зодчества, не замеченных теми, кто видел их ежедневно.

За полвека до Готье и Берлиоза какой-то другой иностранец буквально открыл храм Василия Блаженного. По словам Д. Н. Свербеева, в начале прошлого столетия церковь была со всех сторон загорожена домами, так что «никто, кажется, из обывателей московских не любовался ею; мне решительно она была неизвестна»¹¹⁸. В 1815 г. Александру I показали в Лондоне рисунок храма, сделанный одним путешественником. Внимание иностранцев к московской достопримечательности вызвало распоряжение царя расчистить площадь вокруг собора, чтобы он был виден отовсюду. В те же годы Гете заинтересовался иконописью и через своих петербургских корреспондентов пытался узнать о ее современном состоянии¹¹⁹. Уже в 1840-х годах русские иконы хранились в Британском, Дрезденском, Геттингенском, Мюнхенском и Ватиканском музеях¹²⁰.

В самой России начало XIX в. отмечено подъемом национального самосознания в период наполеоновских войн.

В театре с успехом шла трагедия «Дмитрий Донской» В. А. Озерова. Публика зачитывалась «Историей государства Российского» Карамзина. Появились первые монументы — в честь победы над шведами в Полтаве (1809, 1817 гг.), Минину и Пожарскому в Москве (1818 г.). В 1820 г. приступили к сбору средств на возведение колонны на Куликовом поле (поставлена в 1849 г.)¹²¹. Все это не могло не сказаться на отношении к остаткам старины, отражавшим жизнь страны и народа на протяжении многих веков.

Специальную статью о русских исторических памятниках опубликовал в 1809 г. С. Н. Глинка. Речь в ней идет главным образом о местах знаменитых сражений¹²².

В 1817 и 1821 гг. на страницах «Сына отечества» Ф. П. Аделунг и Б. Г. Вихман предложили организовать Российский Отечественный музей¹²³. Одна из его задач, по Аделунгу, «предохранить от рассеяния и истребления тысячи любопытных предметов»¹²⁴. Оба проекта не были осуществлены и даже не вызвали каких-либо откликов. Сам Аделунг еще весьма туманно представлял себе, что надо выставить в музее. Назвав все те же греческие и римские скульптуры, он неуверенно продолжал: «Собрание русских исторических памятников, как-то: статуй татарских и монгольских, порубежных камней, надписей, печатей, утвари и пр.»¹²⁵

В 1806 г. были утверждены «правила для управления Оружейной палатой», в 1807 г. опубликовано описание части ее коллекций¹²⁶. Царская сокровищница стала первым русским историческим музеем.

В 1824 г. по инициативе Евгения Болховитинова его соратник по Новиковскому кружку Лохвицкий на выделенные правительством средства начал раскопки в Киеве и раскрыл фундамент Десятинной церкви X в.

Для первой трети XIX столетия по сравнению с XVIII в. резко возросло число свидетельств о внимании к памятникам отечественного прошлого в самых разных слоях общества.

Вот впечатления Ермолаева, только что покинувшего Академию художеств и впервые попавшего в Новгород Великий: «Въехав в город, я почувствовал что-то такое, чего тебе описать не умею. История Новгорода представилась моему воображению: я думал видеть наяву то, что я знаю по описанию; при виде каждой старинной церкви приводил я себе на память какое-нибудь деяние из Отечественной истории... Где теперь хоромы Посадника Добрыни? — думал я сам в себе, и сердце мое сжималось... Наконец, представи-

лась мне старинная стена крепости... Внутри крепости есть башня, которая, по уверению некоторых людей, составляла часть княжеских теремов. Не знаю, правда ли это, однако же, когда мне о том сказали, то старинная башня сделалась для меня еще интереснее. Здесь, может быть, писана Русская Правда... Удалось мне окинуть глазом внутренность Софийского собора и найти, что славные медные двери, привезенные Владимиром из Херсона, которые нам столько рекомендовал граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, не суть важны..., потому что они деревянные и деланы при царе Иване Васильевиче в 1560 году каким-то псковитянином и каким-то белозерцем, это я увидел из подписи, вырезанной на самих дверях»¹²⁷. Знания автора еще очень ограничены. Он верит любым легендам и не в состоянии правильно оценить врата, помещенные в соборе (они не из Херсона, а их шведской столицы Сигтуны, не деревянные, а бронзовые, не XVI, а XII в.), но живой интерес к русской старине сквозит в каждой фразе.

В 1829 г. академик П. И. Кёппен перечислил в своем дневнике, какие перемены заметил он за 19 лет поездок по России. Один из пунктов гласит: «Везде в более крупных городах можно уже встретить людей, занимающихся собиранием и сохранением местных предметов, цена их иногда слишком высоко. Вследствие этого приобретение древностей становится более затруднительным»¹²⁸.

Отмеченные явления оставили вполне зримый след: именно на начало XIX в. падает ряд археологических находок, и сейчас служащих украшением наших музеев. Таковы шлем князя Ярослава Всеволодовича, брошенный им на месте Липицкой битвы (находка 1808 г., Оружейная палата), вещи IV в. н. э. из с. Концешты на Пруте (находка 1812 г., Эрмитаж), клад русских ювелирных изделий домонгольской эпохи из Старой Рязани (находка 1822 г., Оружейная палата), клад орудий и культовых предметов бронзового века из Галича-Костромского (находка 1836 г., Эрмитаж) и др. Древности попадались в земле, конечно, и раньше, но их не берегли, а если и доставляли начальству, как «сибирскую коллекцию Петра I», то без всякой документации. Здесь же до нас дошли и более или менее подробные сведения о том, где и в каких условиях они были обнаружены.

В периодике — в «Вестнике Европы», «Северном архиве» и особенно в «Отечественных записках» — в первой трети XIX в. увидело свет множество сообщений о памятниках старины. Авторами этих публикаций были не только столичные специалисты, но и провинциалы, краеведы. Так, статью

о Новгороде-Северском в «Отечественные записки» прислал учитель математики из этого города И. М. Сбитнев, о городищах Курганского уезда — смотритель местного училища К. С. Солунов, а обзор достопримечательностей Калужской губернии подготовила для журнала по материалам своего отца Г. К. Зельницкого его дочь «девица Е. Г. Зельницкая»¹²⁹.

Чувствовалась потребность в литературе о памятниках русской истории. Показательна судьба упомянутой в предшествующем разделе «Записки о московских достопамятностях» Карамзина. Составленная для императрицы Марии Федоровны в 1817 г., она вовсе не предназначалась для распространения. Но интерес к старым зданиям Москвы, только что оправившейся от наполеоновского нашествия, был столь велик, что сочинение ходило по рукам в списках. Одип из них без ведома автора был отправлен В. Н. Каразинным в Харьковский журнал «Украинский вестник», где и был напечатан¹³⁰. Постоянный оппонент Карамзина М. Т. Качеповский усмотрел в записке кое-какие неточности и ошибки и указал на них в «Вестнике Европы»¹³¹.

Внимание к русской старине как со стороны правительства, так и в более широких кругах должно было, казалось бы, привести к решительной переоценке памятников культуры России по сравнению с периодом, когда господствовали догмы классицизма. Но этого тогда еще не произошло.

В русской художественной литературе не встретишь таких панегириков зодчеству национального средневековья, как в «Соборе Парижской Богоматери». Писатели начала XIX в. лишь с грустью замечали: «Мы скорее пустимся добывать кусок лавы из-под римских развалин, нежели похлопочем о славе собственной древности». Это рассуждение занес в свой дневник в 1810 г. И. М. Долгоруков при виде Десятинной церкви в Киеве (еще до раскопок Лохвицкого). «Никогда бы я не подумал, что она так брошена и презрена всеми, как я ее нашел»¹³².

Вдохновенная статья об архитектуре, соперничающая со страницами Гюго, принадлежит перу Гоголя. Уроки романтизма не прошли для него даром. Он восхищается храмами Индии, Египта, постройками арабов¹³³. Но о творчестве древнерусских мастеров в статье нет ни одного слова. В пушкинских стихах четырежды мелькает имя третьеразрядного итальянского художника болонца Ф. Альбани, но ни в стихах, ни в письмах, ни в воспоминаниях современников о Пушкине нет ни слова о нашем зодчестве, фресках или иконописи. А ведь он провел детство в Москве, бывал в

Новгороде, Пскове, Владимире, Киеве, Чернигове. Батюшков прямо заявлял в 1810 г.: «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?»¹³⁴.

Весомый вклад в развитие русской культуры XIX в. внес В. Ф. Одоевский — музыковед, писатель, философ, директор Румянцевского музея. Но вот что думал он о нашем духовном наследии. Оказывается, национальную музыку надо изучать потому, что «бог отказал нам и в живописи, и в архитектуре»¹³⁵. После выхода «Истории русской словесности» С. П. Шевырева Одоевский сказал автору, что «никогда не верил в существование наших древностей, а прочитав его книгу, стал еще менее верить в них»¹³⁶.

Дипломат Свербеев делился в мемуарах впечатлениями о поездке 1826 г.: «Напрасно в Пскове искал я глазами каких-нибудь следов его достопамятного по летописям прошедшего — в нем решительно не на чем было остановить внимание проезжего. Кажется, не было и кремля»¹³⁷. Минула четверть века. Крупный археолог-ориенталист П. С. Савельев, занимаясь раскопками во Владимирской губернии, жаловался в письме к В. В. Григорьеву: «Живу в скучном городе, где нет ничего порядочного, тем менее замечательно»¹³⁸. А город этот — Юрьев-Польской, где стоит Георгиевский собор 1234 г. со сказочной и загадочной белокаменной резьбой. Для Герцена Новгород Великий — место его второй ссылки — «грязный, дряхлый и ненужный», тоже «невыносимо скучен», «в нем не осталось ничего старинного русского», «здания, пережившие смысл свой, наводят ужас»¹³⁹.

Цитат такого рода можно подобрать еще много.

Почему же в России задержалась реабилитация средневекового искусства и догмы классицизма оказались более живучи, чем, например, во Франции? Причину следует искать в резком изменении облика просвещенного русского общества на протяжении XVIII в. Оно вступило в период романтизма, когда уже полностью оторвалось от традиций старой Руси и слилось по своим вкусам с обществом Запада. Допетровская эпоха представлялась дворянству далекими временами варварства. Министр просвещения Александра I П. В. Завадовский считал всю раннюю историю России баснями и полагал, что «писателю просвещенному довольно было бы и одной страницы, чтоб наши все материалы на времена до Петра Первого вместить в оную»¹⁴⁰. Н. И. Надеждин спрашивал в «Телескопе»: «Имеем ли мы прошедшее?.. Жил ли подлинно народ русский в это длинное тысячелетие?» — и отвечал: «Жизни в собственном смысле тогда не

было и не могло быть: ибо жизнь требует могущественного пачала духа... Итак, где же начинается полная русская история?... Не дальше Петра Великого... Все наше прошедшее ограничивается одним веком! Мы живем пока в первой главе нашей истории»¹⁴¹.

Уже в 1880-х годах слушатели знаменитого курса лекций В. О. Ключевского признавались ему, что вначале «очень прилично знали историю после Петра Великого, считали ее достойной внимания просвещенных людей и с глубочайшим презрением и иронией относились к той скучной и однообразной темноте, какую представлялась нам вся древняя русская история. Мы совершенно не ощущали в ней биения жизненного пульса, не понимали органической связи ее с последующим. Там чудился какой-то плотный забор, разделяющий обе стороны нашего прошлого»¹⁴². В обществе укоренилась уверенность в том, что выдающиеся памятники культуры появились в России только после петровских реформ.

Была и другая причина кажущегося сейчас странным явления. Не нужно забывать, что наши сегодняшние увлекательные экскурсии по городам-заповедникам подготовлены долголетней работой, проведенной археологами, искусствоведами, реставраторами. Памятники выявлены, определен их возраст, они освобождены от позднейших построек, им возвращен первоначальный вид. Не так было в первой половине XIX столетия. Старинные храмы, за много веков подвергшись неоднократным переделкам, терялись в современном городе. Путеводителей почти не было. Найти без них какую-нибудь башню или церковь и понять, что в ней красиво и своеобразно, мог далеко не каждый.

В знакомых нам высказываниях Татищева и Аделунга и в статье С. Н. Глинки сквозит неуверенность: да, надо беречь русские древности, но где они находятся, как-то неясно. Первостепенной задачей к началу XIX в. оказались поэтому поиски и регистрация памятников старины. К решению этой задачи приступили сразу несколько ученых.

Характерна фигура члена Новиковского кружка Евгения Болховитинова. Начав свою деятельность с перевода «Описания жизни древних философов» Ф. Фенелона, он стал впоследствии видным церковным иерархом, оставаясь по существу человеком с сугубо светскими интересами — литературными и научными. На протяжении почти полувека он сменил несколько церковных кафедр, предпочитая города с большим историческим прошлым. В 1804—1808 гг. он — в Новгороде, в 1808—1813 гг. — в Вологде, в 1813—1815 гг. — в Калуге, в 1816—1822 гг. — в Пскове, с 1822 г. до смерти

в 1837 г.— в Киеве. Всюду он кропотливо собирал сведения о древностях, публиковал о них книги и статьи. В его трудах нет глубоких идей, обобщений, исторической критики. Это лишь описания монастырей, церквей и содержимого их ризниц¹⁴³. Но такие добросовестные каталоги и были нужны в ту пору, когда еще требовалось доказывать, что в России есть свои исторические памятники, а читатели ждали элементарных советов, где же эти реликвии можно увидеть.

Упомянутая выше поездка по древнерусским городам члена Российской академии Бороздина и археографа Ермолаева была совершена в 1809—1810 гг. Они осмотрели Ладугу, Тихвин, Устюжну, Череповец, Белозерск, Вологду, Киев, Чернигов, Любеч, Остер, Нежин, Елец, Курск, Боровск, Тулу и привезли альбомы с видами этих городов и отдельных построек.

В 1817—1818 гг. проведена археографическая экспедиция по Центральной России Калайдовича и Строева, продолженная в 1828—1832 гг. одним Строевым. В монастырях было обнаружено множество ценнейших манускриптов.

Включилась в эту работу и губернская администрация. В 1819 г. в «Русском вестнике» напечатано «Приглашение смоленского гражданского губернатора к отысканию и представлению старинных документов». Автор — К. И. Аш — весьма толково говорил там и об обследовании археологических памятников¹⁴⁴.

С 1818 г. Ходаковский начал составлять карту городищ, а Кёппен при поездке по стране по заданию Румянцева решил подготовить список курганов России. И Кёппен, и Ходаковский обращались с просьбой о консультациях к Болховитинову¹⁴⁵, что позволяет ставить в преименственную связь исследования историков и археологов первой четверти XIX в. с планами Новикова и его кружка.

Свой список Кёппен пополнял в течение 20 лет. Не ограничившись одним каталогом насыпей, он доказал, что это — надмогильные сооружения, а вовсе не остатки жилищ или сторожевых башен, как тогда часто считали. Этот вывод обоснован данными о немногих курганах, раскопанных к тому времени в России, ссылками на аналогичные памятники за рубежом, рассказами древних и средневековых путешественников о возведении земляных надгробий¹⁴⁶. Кёппен опубликовал также «Список русских памятников» — обзор разнообразных материалов по эпиграфике, археологии и т. д.¹⁴⁷

Попутно ставил он и вопрос об охране древностей: «Сведения (о курганах.— А. Ф.) должны почитаться обществен-

ным имуществом и оставлять их ненапечатанными почти столь же непростительно, как и раскапывать могилы по бессовестной корысти или по одному только легкомысленному любопытству. Как дни минувшие, так и самые могилы принадлежат истории, и только достойные ее служители вправе обследовать прах, некогда одушевленный»¹⁴⁸.

Той же проблемы коснулись на страницах «Отечественных записок» издатель журнала Свиньин, наблюдавший разрушение курганов в Бессарабии, и Анастасевич — в связи с находкой древнерусского амулета-змеевика, «черниговской гривны»¹⁴⁹.

Таким образом, в начале XIX в. был сделан определенный шаг вперед в подходе к памятникам истории, но все же лишь первый шаг. В лучшем случае они расценивались как реликвии — «достопамятности». Для того чтобы среди них увидели и выдающиеся произведения искусства, должен был произойти большой сдвиг в эстетических вкусах просвещенного общества.

V

После разгрома декабристов правительство Николая I проводило открыто реакционный курс. Одним из составных элементов его стала теория «официальной народности», вдохновлявшаяся «триединой формулой — православие, самодержавие и народность», провозглашенной в 1833 г. министром просвещения С. С. Уваровым. На первый план были выдвинуты охранительные начала, национальные традиции, понимавшиеся предельно узко, сведенные по сути дела к преданности народа царю-батюшке. В этой системе определенное место заняли и русские исторические реликвии. Даже в письме к С. Л. Пушкину, извещавшем о гибели его сына, В. А. Жуковский счел нужным сказать, что государь «любит все русское, он ставит новые памятники и бережет старые»¹⁵⁰.

Николай I отдал ряд распоряжений, чтобы продемонстрировать свою любовь к отечественной старине. В Киеве в 1832 г. были раскрыты остатки Золотых ворот, а с 1835 г. действовала специальная Комиссия изыскания древностей. Собранные коллекции поступили в Киевский университет, где 17 марта 1837 г. открылся археологический музей¹⁵¹. В 1848 г. увидело свет «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное по высочайшему повелению киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем». Здесь перечислено более 6 тыс. курганов и 150 городищ, указаны их размеры, охарактеризованы находки.

Во Владимире в 1834 г. был реставрирован Дмитриевский собор XII в. Граф С. Г. Строганов на свои средства опубликовал альбом, посвященный этому памятнику¹⁵². В Московском Кремле в 1836 г. был установлен на пьедестале царь-колокол¹⁵³, а в 1851 г. К. А. Тон возвел новое здание для Оружейной палаты. Любопытно, что обойден был вниманием Новгород Великий, думается, потому, что в литературе декабристского толка его рассматривали как столицу вольнолюбивой республики, погубленной Московской монархией.

Древнерусский стиль пытались привить и Петербургу. В 1830 г., когда Тон строил Екатерининскую церковь у Калининского моста, Николай предписал придать ей «православный облик». Архитектор сумел угодить императору, и с тех пор всюду стал насаждаться официальный псевдовизантийский стиль. В 1838 г. вышел составленный Тоном атлас с проектами храмов этого стиля. С 1841 г. строители церквей должны были придерживаться «вида древнего византийского зодчества» уже в силу закона¹⁵⁴.

В 1843 г. Синод запретил записывать древние фрески при обновлении церквей¹⁵⁵. В 1848 г., после сообщения о разрушении кремля в Коломне, появился указ «о наблюдении за сохранением памятников»¹⁵⁶. В 1846—1853 гг. было выпущено роскошное шеститомное издание «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I». С 1830 г. по повелению царя академик живописи Ф. Г. Солнцев рисовал для этого издания в Москве, Новгороде, Киеве и других городах старинную утварь, оружие и архитектуру. В 1841—1862 гг. осуществлено другое монументальное издание «Историческое описание одежды и оружия российских войск» А. В. Висковатова в 30 томах, содержащих более 4 тыс. таблиц. Тема была выбрана, конечно, с учетом вкусов царя — любителя парадов и военщины.

Все эти начинания сыграли свою роль в пробуждении интереса к остаткам нашей старины. Но было бы неверным приравнивать распоряжения Николая I об охране исторических памятников к тому, что было сделано в этой области Петром Великим¹⁵⁷. Все мероприятия Николая отдают крайне шовинистическим духом и отличаются полным пренебрежением к научному исследованию. Ни того, ни другого не было в деятельности Петра.

В 1851 г. в Археологическом обществе, посвящавшем свои заседания восточной и античной нумизматике, обсуждению открытий в Северном Причерноморье, было создано От-

делские русской и славянской археологии. Событие, несомненно, положительное, но во главе отделения встал не ученый, а чиновник — директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода А. И. Войцехович. В своей программной речи он заявил, что отныне петербургские антиквариаты обязаны действовать в «чисто русском» направлении. Пора закончить с тем временем, когда издания Общества заполняли «не описание русских древностей, а известия о чужеземных памятниках»¹⁵⁸.

Реставрация произведений архитектуры велась методами, граничащими с фальсификацией. Почти все убранство Теремного дворца в Кремле, «реставрированного» в 1836 г., представляет собой новоделы по рисункам Солнцева. «Дом бояр Романовых» в Москве и «палаты Романовых» в Ипатьевском монастыре под Костромой также скорее выстроены, чем восстановлены, при Александре II (внимание на оба памятника было обращено, конечно, не в интересах науки, а в целях прославления правящей династии)¹⁵⁹. В 1859 г. своеобразной реставрации подвергся собор Рождественского монастыря во Владимире — место погребения Александра Невского. Храм разобрали до основания, а потом тут же возвели новый в несколько более сухих формах¹⁶⁰. В нижегородском кремле в 1829 г. снесли Спасо-Преображенский собор XIV в., где был похоронен Минин, и рядом соорудили другой, выдававшийся за древний.

Насаждение «византийского» стиля в церковной архитектуре не подкреплялось сколько-нибудь углубленным изучением средневекового зодчества. Серьезные искусствоведы признавали это уже в 1850-х годах¹⁶¹. По остроумному замечанию А. И. Герцена, «все новые церкви дышали натяжкой, лицемерием, анахронизмом, как пятиглавые судки с лужками вместо пробок на индо-византийский манер, которые строят Николай с Тоном»¹⁶².

Разрушения памятников в этот период отнюдь не прекратились. В 1830 г. собирались сломать церковь Гребневской Богоматери в Москве, построенную при Иване III в память покорения Новгорода¹⁶³. В 1840 г. Погудин с возмущением увидел варварские переделки древних зданий в Костроме¹⁶⁴. В 1854 г. московский генерал-губернатор А. А. Закревский вознамерился снести Красные ворота¹⁶⁵. Фрески Киевской Софии были покрыты масляной живописью в 1842 г.¹⁶⁶

Попытки общественности следить за состоянием художественных сокровищ страны не только не нравились властям предрезающим, но и беспокоили их. Жандарм Л. В. Дубельт

доносил царю в 1845 г.: «Славянофилы наши, подражая ученым Западной Европы, заботятся о сохранности памятников древности... Не кроется ли под их патриотическими возгласами целей, противных нашему правительству?»¹⁶⁷.

Проявляя показное внимание к остаткам старины, Николай и его окружение и в малой мере не понимали, каково подлинное значение наследия русской культуры. Считалось, что это лишь реликвии, «достопамятности», полезные для охранительной политики, а вовсе не произведения искусства.

Показателен переданный И. Е. Забелиным разговор с С. Г. Строгановым — издателем альбома о Дмитриевском соборе, председателем Общества истории и древностей российских. Вместе с Д. А. Ровинским Забелин принес Строганову проспект сборника статей о древнерусском искусстве. Вельможа выслушал ученых с удивлением и ответил, что никакого искусства до реформы Петра у нас не было, а все заслуживающие внимания памятники созданы иностранцами. «Я не понимаю, — говорил граф, — о каком искусстве вы будете писать. Тут есть какое-нибудь недоразумение. Я советую вам оставить это предприятие»¹⁶⁸.

Новое отношение к памятникам отечественной истории вызывало в широких кругах общества самые разные отклики. Были среди них и сугубо положительные. Историк-славянофил Д. А. Валуев писал в 1845 г.: «От заимствований извне мы начинаем обращаться на самих себя». Свидетельство тому — возрождение «византийского» стиля в архитектуре, издание описания оружия русских войск — книги, «воссоздавшей наглядно, пластически древнюю Русь... Эта книга впервые облекла для нас в образы и лица нашу забытую старину, мы узнали по крайней мере, в чем ходили наши предки, какой вид имели наши древние города и села, — и то уже много для первого начала... Теперь только начинает быть возможным для поэта роман или драма из нашей древней жизни, живописцу — картина, ваятелю — статуя... Если бы средние века не оставили по себе столь живых следов и гордых памятников прошедшего, которые на каждом шагу воскрешают его для западного человека, едва ли бы был возможен роман Вальтер Скотта или „Фауст“ Гете... Мы не так счастливы, как Запад, от нашего прошедшего уцелели одни немногие остатки, разбросанные по всему безграничному пространству России. В том, разумеется, столько же виноваты мы сами, сколько отцы наши и деды, но более виновато неуважение и невнимание к своей исторической жизни, которое вообще заметно везде, где жизнь народная еще преобладает над жизнью государственной»¹⁶⁹.

Но в ответ па характерное для николаевской эпохи стремление противопоставить национальные традиции культурному наследию Запада звучали порой и диаметрально противоположные оценки.

В «Философических письмах» Чаадаева сказано: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство,— вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед нами живо и картинно»¹⁷⁰. В «Философических письмах» много исторических экскурсов — о Египте, античности, западном средневековье. Поражая читателя обширностью своих знаний по истории культуры, Чаадаев переходит от размышлений о Колизее — лучше, чем книги, характеризующем императорский Рим,— к анализу египетских пирамид. Он слышал даже о циклопических постройках Индии, только что обнаруженных учеными, но на своей родине Чаадаев не видит ни одного заслуживающего внимания памятника. Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «В Москве,— говаривал Чаадаев,— каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем звонил».

Впоследствии, в «Апологии сумасшедшего» — ответе на возражения друзей и врагов, содержащем уже слова о великом будущем России, по интересующему нас вопросу Чаадаев сделал лишь ничтожные оговорки: «Возможно, конечно, что наши фанатические славяне при их разнообразных поисках будут время от времени откапывать диковинки для наших музеев и библиотек, но, по моему мнению, позволительно сомневаться, чтобы им удалось когда-нибудь извлечь из нашей исторической почвы нечто такое, что могло бы заполнить пустоту наших душ»¹⁷¹.

Высказывания Чаадаева на первый взгляд напоминают оценки допетровской Руси, обычные для поклонников античной и западноевропейской культуры. В какой-то мере их идеи на него, вероятно, влияли. Но по существу сходство «Философических писем» с приведенными выше словами Завадовского или Надеждина чисто внешнее. Смысл статьи Чаадаева не в том, что западная цивилизация ближе ему, чем духовная жизнь средневековой Руси, а в страстном отрицании российской действительности, в отрицании самодержавного строя. Отвергая идеалы русской государственности в прошлом и настоящем, Чаадаев заодно отвергал все наследие русской истории, как будто в нем не было ничего кроме рабства и произвола.

Уже в 1860-х годах Д. И. Писарев почти повторил суждения Чаадаева: «Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и без отвращения; нам не на что оглядываться, нам в прошедшем гордиться нечем; мы молоды как народ и, если счастье дастся нам в руки, так не иначе, как в будущем, впереди, в неизвестной заманчивой голубой дали»¹⁷².

Как видим, вопрос о памятниках старины и национальных традициях на Руси приобрел в середине XIX в. острое политическое звучание. Не сразу здоровые силы общества, противостоявшие лагерю реакции, сумели выработать не просто альтернативное по отношению к правительственному, но свое собственное, более глубокое понимание этой проблемы. Не раз служила она предметом то открытой, то скрытой полемики.

Мы знаем разборы «Философических писем» Чаадаева, принадлежащие Пушкину, Надеждину¹⁷³, Чернышевскому¹⁷⁴. Разделяя отдельные положения «Писем», Пушкин подчеркивал расхождение с их автором в основном: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться... Я далеко не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя..., но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество и иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог дал ее» (XVI, 393). Немало верного и в других разборах, но как раз о памятниках русской культуры ни Пушкин, ни Надеждин, ни Чернышевский не сказали ни слова.

Любопытен стихотворный ответ юного Лермонтова на утверждение немецкого публициста Я. Герреса, будто в России нет исторических памятников:

Он не рожден
Под нашим небом; наша степь святая
В его глазах бездушных степь простая,
Без памятников славных, без следов,
Где б мог прочесть он повесть тех веков,
Которые с их грозными делами
Унесены забвения волнами¹⁷⁵.

Итак, проблема исторических памятников в середине XIX в. впервые стала волновать русское общество. Надо было найти ее решение — научное и этическое. Кому же это удалось?

Деятели науки, изучавшие в тот период культуру Киевской и Московской Руси, преданно служили идеям «официальной народности». Они с большим трудолюбием собирали материалы о нашем средневековом искусстве, но не смогли показать его эстетическую ценность. В книгах И. П. Сахарова и И. М. Снегирева оба автора лишь робко доказывали, что «иконопись может иметь свою историю»¹⁷⁶ и «археология дает ей неоспоримое право гражданства в своей области»¹⁷⁷. О художественном значении этих произведений у Сахарова нет ни слова, у Снегирева — очень мало. Как и в полезных, но скучных альбомах Снегирева и А. А. Мартынова «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества»¹⁷⁸, главным признавалось лишь то, что это православные достопамятности.

Даже в изданиях научного характера Сахаров захлебывался в ругательствах по адресу иностранцев, губящих своим тлетворным влиянием исконные русские добродетели. Во имя прославления этих добродетелей он не останавливался и перед фальсификацией, публикуя как фольклорные записи былины собственного сочинения. Снегирев был несколько академичней, но отсутствие в его трудах серьезной научной критики и исследовательского подхода к источникам замечали уже археологи и историки середины XIX в.¹⁷⁹ Вот почему многочисленные и богатые материалом книги Снегирева и Сахарова не изменили взгляды общества на древнерусскую живопись и архитектуру.

В те же годы книжный рынок затопил поток псевдонаучных сочинений. Некий Е. И. Классен доказывал, что «прародители греков и римлян» были русские, что письменность руссов старше греческой, что троянцы — это славяне, древние персы — тоже славяне, а Эней — чистопородный славянин¹⁸⁰. В том же духе высказывались Ю. И. Венелин, Н. В. Савельев-Ростиславич, Ф. Л. Моршкин и др.

Интерес к памятникам старины естественно было бы найти в среде славянофилов. Но при всей идеализации прошлого и они были убеждены в низком уровне культуры на Руси. В. А. Соллогуб в «Тарантасе» нарисовал характерную фигуру славянофила Ивана Васильевича. Вспоминая о своих поисках жизненного пути, герой Соллогуба между прочим говорит: «Хватился я сперва за древности — древностей нет»¹⁸¹. Правда, в 1840-х годах А. С. Хомяков дважды обронил такие слова: «Народ..., который даже в живописи и зодчестве давал великие обещания, понятные всякому истинному художнику, изучавшему наши старые иконы и строения...» и «высокие произведения, недавно отысканные

на стенах наших церквей в Киеве и Владимире...» Но это только две фразы в многотомном собрании сочинений. Общий же тон иной. И. В. Киреевский писал: «Россия не блесла ни художествами, ни учеными изобретениями, не имел времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу». Вывод неожиданный, но факты свидетельствуют, что в принижении культурного наследия России славянофилы были солидарны с западниками¹⁸². (Впрочем, о близости их взглядов по многим кардинальным вопросам писал уже Г. В. Плеханов¹⁸³.)

Только демократический лагерь наметил в середине XIX в. круг идей, который и сейчас лежит в основе охраны памятников истории и культуры. Далось это не сразу. В ту пору, когда юный Белинский сотрудничал в «Телескопе» Надеждина, где было напечатано «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева и сам издатель подчас выражал в чем-то близкие к этому произведению мнения, начинающий критик был с ними солидарен. Такова рецензия 1834 г. на «Путевые записки Вадима» Пассека, который, как позднее Валуев, утверждал: «Уничтожьте у нас все письменное. Что останется тогда от жизни предков? Нет, одни немые наши памятники не передадут, не объяснят нам событий минувших. Они слишком бедны и новы: древняя Россия не завестила нам почти ничего зодческого»¹⁸⁴. Весьма холодно отзывавшись о книге, в этом вопросе Белинский согласился с автором¹⁸⁵. Но прошло всего четыре года, и Белинский уже удивлялся тем, кто не умел найти остатки прошлого в своей стране: «Не говорите, что у нас нет памятников, что знаменитейшие события нашей истории записаны только на сухих страницах летописей, но не переданы потомкам в произведениях искусства. Скорее можно сказать, что мы не там ищем этих памятников, где бы следовало искать: они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий хочет заметить их»¹⁸⁶.

Значительно эволюционировали и взгляды Герцена. В разгар своей революционной работы он писал: «Из всех богатств Запада, из всех его наследий нам ничего не досталось. Ничего римского, ничего античного, ничего католического, ничего феодального, ничего рыцарского, почти ничего буржуазного нет в наших воспоминаниях. И по этой причине никакое сожаление, никакое почитание, никакая реликвия не в состоянии остановить нас. Что же касается наших памятников, то их придумали, основываясь на убеждении, что в порядочной империи должны быть свои памят-

ники»¹⁸⁷. Обращаясь к западным славянам, Герцен говорил: «Вам жаль той жизни, вы бережете ваши своды, ваши огивы, чернеющие от времени; мы, с киркой в руке и замаранные известью, хотим строить, порядком не зная еще что... Мы забыли наше давно прошедшее и стараемся отпихнуться от вчерашнего. Наша история впереди»¹⁸⁸.

Совершенно иначе звучит замечательная статья «К старому товарищу». Лучшие годы лондонского изгнанника были позади. «Колокол» прекратил свое существование. Шестидесятники были во многом чужды Герцену. Но могучий ум не привык к праздности. Снова с пером в руках размышлял Герцен над судьбами родины и человечества, над задачами освободительной борьбы. Многие подверг он переоценке.

«Новый водворяющийся порядок, — писал Герцен, — должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он... должен спасти все, что в нем достойно спасения... Горе бедному духу и тощому художественным смыслом перевороту, который из всего бывшего и пажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании... Есть для людей драгоценности, которыми оно (человечество. — А. Ф.) не поступится и которые у него из рук может вырвать одно деспотическое насилие и то на минуту горячки и катаклизма. И кто же скажет без вопиющей несправедливости, чтоб и в былом и отходящем не было много прекрасного и что оно должно погибнуть вместе с старым кораблем... Ты рвешься вперед по-прежнему с страстью разрушенья, которую принимаешь за творческую страсть..., ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг людской в былом и настоящем, для того чтоб знать, как идти с ним в погу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной... Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира, довольно Французская революция накарзила статуй, картин, памятников, — нам не приходится играть в иконоборцев. Я это так живо чувствовал, стоя с тупою грустью и чуть не со стыдом... перед каким-нибудь кустодом, указывающим на пустую стену, на разбитое изваяние, на выброшенный гроб, повторяя: „Все это истреблено во время революции“»¹⁸⁹.

Этой фразой и кончается статья — по сути дела, политическое завещание Герцена (1869 г.). Любопытно, что она адресована М. А. Бакунину, — кажется, единственному русскому революционеру XIX в., имевшему возможность проявить свое отношение к памятникам искусства на практике.

В 1849 г. в Дрездене он, по словам Герцена, предлагал оставшим вытащить из Цвингера «Сикстинскую мадонну», полотно Корреджо и Тициана и использовать их как своеобразное прикрытие: не будут же пруссаки «стрелять по Рафаэлю»¹⁹⁰. Рассказ похож на легенду. Однако 85 картин, в том числе «Мадонна с младенцем» Мурильо, «Вирсавия» и «Пьяный Геркулес» Рубенса, «Клелия, убегающая с римскими женщинами» Ван-Дейка в те дни, действительно, были пробиты пулями¹⁹¹.

Статья Герцена посвящена проблемам, волновавшим его всю жизнь, но проблема культурного наследия затронута им впервые. В какой-то мере она стала главной. Революция обязана сохранить культуру прошлого, и не в качестве раритета, а потому, что защита культурных ценностей неотделима от борьбы за богатство духовного мира человека, без этого люди не могут быть по настоящему свободны.

Влияние рассмотренного периода на судьбу исторических памятников России велико, но не однозначно. Само по себе обращение реакционного лагеря к национальному наследию не так уж много дало для сохранения этого наследия. Некоторые деятели николаевской эпохи в глубине души не сомневались в творческом бесплодии русского средневековья, другие же — восхваляли его достижения с позиций «квасного патриотизма». Шовинизм, фальсификация памятников, неумение исследовать их научно и показать их эстетическую ценность определили отношение интеллигенции к этому направлению. И все же в тот период публиковались законы, ограждающие от разрушений фрески и архитектуру. Альбомы Солнцева, Висковатова, Снегирева популяризировали русскую старину.

В 1859 г. была создана Археологическая комиссия, вплоть до 1917 г. осуществлявшая надзор за раскопками в России. Продолжая традиции начала века, Комиссия занималась главным образом изучением античных городов в Северном Причерноморье. Там было сделано немало выдающихся открытий. Подобно альбомам Солнцева, при Николае I на государственный счет выпустили не менее роскошное издание «Древности Босфора Киммерийского»¹⁹².

Ставился вопрос об охране не только античных и русских памятников, но и таких, как каменные бабы на степных курганах. Этот вопрос поднял перед министром внутренних дел Л. А. Перовским непрременный секретарь Академии наук П. Н. Фусс в 1843 г.¹⁹³

Еще в начале XIX в. известный вклад в выявление и описание остатков старины внесли коллекционеры и крае-

веды. В середине столетия их участие в этом деле стало значительнее. На страницах организованных в 1837 г. губернских ведомостей регулярно печатались статьи провинциальных авторов о тех или иных местных достопримечательностях.

Если интерес к зодчеству древней Руси проявлялся с XVIII столетия, то внимание к ее живописи впервые отмечается лишь в середине XIX в. В это время возникли собрания икон Н. М. Постникова, Г. Т. Молошникова, Н. В. Стрелкова, А. А. Рахманова, С. Н. Тихомирова¹⁹⁴. Постникова к собирательству подтолкнули советы Сахарова. Непрерывное пополнение этой коллекции продолжалось до 80-х годов¹⁹⁵. Замечательный частный музей принадлежал С. Г. Строганову, причем наряду с монетами и картинами западноевропейских художников видное место в нем было отведено иконам. По свидетельству Ф. И. Буслаева, Строганов упросил митрополита Филарета отдать ему свезенное со всей страны и предназначенное к сожжению имущество старообрядческих молелен¹⁹⁶.

Среди названных мной собирателей преобладали купцы — «ревнители древлего благочестия». Здесь в истории восприятия обществом памятников старины прорвалась давняя линия почитания реликвий. Любуясь чистыми тонами красок, хвастаясь «творениями кисти Рублева» (как правило, не имевшими к Рублеву никакого отношения¹⁹⁷), собиратели из купечества видели в иконах все же не столько произведения искусства, сколько древние святыни.

Первые коллекции в купеческих домах были важным знаменем времени. Период русской жизни, когда в развитии культуры решающую роль играло дворянство, заканчивался. На сцену выступали новые слои общества.

В середине XIX в. зародились и организации, в той или иной мере принявшие участие в охране памятников России, первые из тех добровольных объединений, которым в будущем суждено было спасти сотни произведений искусства и остатков старины. Речь идет о научных обществах: Одесском обществе истории и древностей (основано в 1839 г.), Русском археологическом обществе в Петербурге (с 1846 г.) и Московских обществах — археологическом и древнерусского искусства (оба с 1864 г.). Расцвет этих объединений падает уже на конец XIX — начало XX столетия.

Отмечу, наконец, и такую деталь: только в середине XIX в. памятники русской архитектуры впервые фигурируют в произведениях нашей художественной литературы — например, в «Тарантасе» Соллогуба (в главе о Печерском

монастыре в Нижнем Новгороде)¹⁹⁸ и в «Князе Серебряном» А. К. Толстого, где говорится о соборе Василия Блаженного и церкви Трифона в Напрудном¹⁹⁹.

Итак, в 40—60-х годах минувшего столетия внимание к историческим реликвиям и памятникам искусства в России заметно возросло. Но именно тогда в борьбе с охранительной идеологией была сформулирована ошибочная идея, что деспотический строй и культура средневековой Руси — явления, нераздельно связанные. Многие благороднейшие люди середины XIX в. отказывались от прошлого во имя будущего, повторяя, что история России впереди, а не в прошлом тысячелетии и уж, конечно, не в оставленных им памятниках.

VI

В предшествующих очерках мы говорили об идеях, определивших отношение русского общества к памятникам культуры. Первая идея, порожденная эпохой классицизма, сводилась к тому, что в древней Руси не могло быть выдающихся произведений искусства и, следовательно, нет особой нужды беречь остатки нашей старины. Согласно второй идее вообще все наследие былых веков заслуживает лишь презрения как отражение несправедливого социального устройства. Столь же решительно ставил под сомнение духовные ценности человечества утилитаризм, овладевший умами молодежи в середине XIX в. Влияние этих идей ощущается до сих пор, но уже в последней трети минувшего столетия для многих они перестали быть убедительными.

Закончился период революционной ситуации и эпоха реформ. Свойственная этому времени уверенность в быстром и радикальном изменении русской действительности постепенно утрачивалась, иллюзий становилось меньше. Пришла пора других, трезвых оценок: развитие томительно медленно, везде непочатый край работы. Прошлое не мертво, а, напротив, страшно живуче. И вот что важно: в наследстве от него остались не только деспотизм, военщина, бюрократия, но и творческие создания человеческого гения. Без них невозможна подлинная жизнь, без них духовное начало угаснет, и люди опустятся до уровня животных. Заботясь о наших потомках, мы должны не уничтожать, а сохранять сокровища, полученные от ушедших поколений. Так, шаг за шагом менялись взгляды общества на культурное наследие.

В 1865 г. Писарев напечатал программную статью «Разрушение эстетики». Там он исключил из круга искусств и

архитектуру, и скульптуру, и живопись и разъяснил читателям, чем это вызвано, прибегая в подцензурном издании к эзопову языку: «То обстоятельство, что в данное время строилось в данной стране значительное количество бесполезных и великолепных зданий, доказывает, конечно, что в данной стране были в данное время такие люди, которые сосредоточивали в своих руках огромные капиталы или по каким-нибудь другим причинам могли располагать по своему благоусмотрению громадными массами дешевого человеческого труда. А по этой канве политической и социальной безалаберщины пылкая фантазия архитекторов и декораторов, подогреваемая хорошим жалованием или страхом наказания, конечно, должна была вышивать самые величественные и самые пестрые узоры; но видеть в этих узорах проявление народного мирозерцания, а не индивидуальной фантазии — позволительно только тем туристам, которые серьезно рассуждают о благородстве круглой арки или о возвышенности стрельчатого окна»²⁰⁰. Вывод очевиден: проку в таких творениях — никакого. «Обо всех других искусствах, пластических, тонических и мимических, — говорил Писарев в другой статье, — я выскажусь очень коротко и совершенно ясно. Я чувствую к ним глубочайшее равнодушие. Я решительно не верю тому, чтобы эти искусства каким бы то ни было образом содействовали умственному или нравственному совершенствованию человечества»²⁰¹.

Такие настроения распространились достаточно широко. Погодин занес в свой дневник разговор во Владимире в 1862 г., где реставрировали тогда Рождественский монастырь. Молодой собеседник Погодина заявил ему, что городу нужны не реставрации, а водопровод, и не желал слушать возражений, что нужно и то и другое²⁰².

Но миновало 20 лет, и был напечатан еще один характерный документ эпохи — очерк Глеба Успенского «Выпрямля». Народник Тяпушкин (от его лица ведется рассказ), случайно попав в Париж, мимоходом забегаем в Лувр. Войдя в музей «без малейшей нравственной потребности»²⁰³, герой очерка, потрясенный, останавливается перед Венерой Милосской. Античный мрамор вызывает в его душе множество чувств, мыслей, подчас самых неожиданных ассоциаций. Встреча с великим произведением искусства «выпрямля» Тяпушкина, дала ему новые силы, открыла новые горизонты. С ужасом думает Тяпушкин, что он мог и не увидеть Венеру, если бы статуя погибла при обстреле Парижа пруссаками. Не случайно очерк, отразивший впечатления самого Успенского от посещения Лувра в 1872 г., написан

десятилетие спустя — уже после спада народнического движения. Он отделен совсем небольшим отрезком времени от пренебрежительных высказываний Писарева по адресу «не- нужных человечеству» пластических искусств. Но как раз за эти годы русская мысль поднялась на более высокую ступень.

Идеалы теории «малых дел» воплотились в труде тысяч народных учителей и земских врачей. Воплотились они и в стремительном увеличении числа музеев в губернских, уезд- ных и заштатных городах страны.

Недавно составленная сводка²⁰⁴ рисует такую картину: в 1820-х годах возникло три музея местного края, в 1830-х — тоже три, в 1840-х — один — явный спад в раз- гар николаевской реакции. В 1850-х годах организовано четыре музея, в 1860-х — еще четыре. Налицо некоторый рост в период демократического движения 60-х годов, но обществу было не до того, иное волновало умы, и этот рост не слишком значителен. Только в 1870-х годах кривая резко идет вверх: 70-е годы — восемь музеев, 80-е — 13, 90-е — 14, 1900-е — 16²⁰⁵. Все эти 40 лет передовая интел- лигенция русской провинции упорно создавала просвети- тельные учреждения на местах.

Вначале интеллигенции довели еще призывы Писарева к «реальным делам», противопоставленным «болтовне». «Реальные дела» — пропаганда естественных наук, «болтов- ня» — науки гуманитарные. В уже цитированной статье «Реалисты» Писарев разъяснял публике: «После всего, что я говорил о популяризировании науки, у читателя, по всей вероятности, зародился... вопрос: какие же именно науки необходимо популяризировать? В общих чертах читатель, разумеется, уже знает мой образ мыслей; он знает, что я не укажу ни на санскритскую грамматику, ни на египет- скую археологию, ни на теорию музыки, ни на историю жи- вописи... На первом плане стоят... астрономия, физика, хи- мия, физиология, ботаника, зоология, география и геоло- гия»²⁰⁶.

Музеи, организованные в третьей четверти XIX в., главное внимание уделяли природе своего края. Но так продолжалось недолго. Даже те, кто начинал с популяри- зации физиологии и ботаники, неминуемо приходили к убеждению, что история, история культуры и искусства играют в просвещении едва ли не большую роль. Для примера остановимся на деятельности основателя Минусин- ского музея — Николая Михайловича Мартьянова.

Николай Михайлович Мартьянов

Это был типичный разночинец, сформировавшийся в 60-е годы²⁰⁷. Сын лесного объездчика, бывшего унтер-офицера, он не получил систематического образования, но слушал в Петербурге лекции по геологии и зоологии. Сдав экзамены на звание провизора, Мартьянов решил уехать в какой-нибудь захолустный городок и создать там музей — один из очагов культуры, с помощью которых, быть может, удастся рассеять темноту русской жизни. Выбор Мартьянова пал на Минусинск. Он работал там в городской аптеке, а каждую свободную минуту посвящал составлению гербариев, коллекций насекомых, минералов и окаменелостей²⁰⁸. В 1877 г. Минусинский музей был открыт.

Минусинск лежит в центре исключительно богатого в археологическом отношении района. Здесь не без успеха разрывали курганы уже «бугровщики» XVII—XVIII вв. Случайные археологические находки попадали и в руки к Мартьянову. Позднее он писал: «При основании музея я не думал об открытии при нем отдела местных древностей»²⁰⁹. По некоторым сведениям, в 70-х годах Мартьянов даже продавал поступавшие в музей археологические

находки, чтобы получить средства для биологических исследований²¹⁰. Но довольно скоро Мартьянов понял, что перед ним целый неведомый науке мир, остатки высокой культуры. И в музее появился «антропологический отдел». Через десять лет этот отдел стал главной гордостью музея. Из Москвы, Петербурга, из Западной Европы в далекий Минусинск потянулись археологи и востоковеды изучать сибирские древности.

Мартьяновский музей — замечательный памятник эпохи «малых дел». В городке, насчитывавшем в 1896 г. 6 тыс. жителей²¹¹, выросли два каменных дома для экспозиции, несколько деревянных построек — для фондов, обширная библиотека и т. д. Значение собранных в музее археологических материалов неопределимо.

В пополнении и классификации коллекций Мартьянову очень помог Д. А. Клеменц — член «Земли и воли», высланный в Минусинск в 1883 г. Участие политических ссыльных в создании сибирских музеев — явление, весьма характерное для конца XIX в. В биографии Клеменца упоминается об упреках сибиряков народовольцам в том, что они витают над местными нуждами и не заботятся подобно декабристам о развитии культуры в Сибири. По словам биографа, работа Клеменца в Минусинском музее была ответом на этот упрек²¹². В чем заключался вклад декабристов в культуру Сибири? Они лечили больных, занимались поисками рациональных систем земледелия, астрономическими и метеорологическими наблюдениями, собирали образцы фауны и флоры. Сибирской этнографией и историей декабристы интересовались мало²¹³, а об организации музеев никто из них, по-видимому, и не мечтал. Иначе провели годы ссылки участники польского восстания 1863 г. и революционного движения 70—80-х годов. Н. И. Витковский, А. П. Шапов, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, И. И. Майнов, Л. Я. Штернберг, М. П. Овчинников больше всего сделали как раз для изучения этнографии, археологии, истории Сибири. Целый ряд музеев основан ссыльно-поселенцами: Кяхтинский — И. И. Поповым, Якутский — М. И. Сосновским и Н. А. Виташевским, Семипалатинский — Е. П. Михаэлис. От народников эту традицию переняли социал-демократы: Ф. Я. Кон сотрудничал в Минусинском музее, Емельян Ярославский — в Якутском²¹⁴.

Чем привлекали ссыльных музеи, показывает письмо А. К. Кузнецова Мартьянову. Студент-биолог, осужденный по процессу Нечаева, Кузнецов создал два музея — в Нерчинске и в Чите — и получил известность, благодаря важ-

ным археологическим открытием в Забайкалье. В письме к Мартьянову Кузнецов говорит: «Местные музеи... в недалеком будущем будут главными проводниками в народную массу как теоретических, так и практических знаний... При помощи местных музеев будет пробита стена, отделяющая университетскую науку от улицы, от народной массы»²¹⁵

И в середине, и в конце XIX в. сосланные в Сибирь революционеры хотели найти применение своим силам, служить родине, ее освобождению и здесь, в провинциальной глуши. Декабристы, народники и социал-демократы преследовали одну цель — подъем культуры, но шли к ней разными путями. Пути определяла эпоха. Последняя треть XIX в. — время возникновения музеев в России и превращения этнографии и археологии в самостоятельные научные дисциплины. В этой сфере, неизвестной еще декабристам, и проявили себя народники и их преемники.

Как видим, передовая интеллигенция и деятели революционного движения 70—80-х годов отошли достаточно далеко от писаревского нигилизма и принципа «экономии сил» только на развитие естественных наук. И рядовые разночинцы-просветители, вроде Мартьянова, и ссыльные революционеры, вроде Клеменца и Кузнецова, вынужденные обратиться к «малым делам», принесли большую пользу русской культуре в целом. Создание сети краеведческих музеев способствовало популяризации гуманитарных знаний. Без музеев никогда не удалось бы спасти тысячи памятников прошлого, разносторонне осветивших историю человечества, его культуры и искусства. Археологические и исторические отделы музеев быстро догоняли по количеству экспонатов отделы биологические и геологические. В том же Минусинске к 1901 г. биологический отдел насчитывал 19 245 экспонатов, а археологический — немногим меньше, 14 875, тогда как сельскохозяйственный — всего 2915, промышленный — 2049 и горнопромышленный — 1141²¹⁶

Параллельно с музеями появились и другие краеведческие организации. В 1884 г. в Твери, Тамбове, Рязани и Орле были учреждены ученые архивные комиссии. В дальнейшем число их в губернских городах возросло до 40²¹⁷. В конце XIX в. поняли, что при чистке архивов от ненужных бумаг погибло много ценных исторических источников. Архивные комиссии должны были впредь контролировать разборку старых дел чиновниками, отбирать и сохранять наиболее интересные документы. В большинстве городов комиссии не ограничивались архивными изысканиями, а ис-

следовали также и вещественные остатки прошлого. В губерниях сложились, таким образом, своего рода научные исторические общества. После Октябрьской революции на базе ученых архивных комиссий возникли самые сильные краеведческие объединения. Пробраз будущих краеведческих организаций мы найдем и в основанных опять-таки в 70—80-х годах обществах — Археологич, истории и этнографии при Казанском университете, Любителей кавказской археологии — в Тифлисе, Псковском археологическом обществе и ряде других.

Широкий размах получило в конце XIX в. частное коллекционирование старинных вещей и произведений искусства. Наиболее образованные представители купечества собирали иконы, древнюю утварь, рукописи, монеты²¹⁸. Почти все собрания перешли впоследствии из частных рук в музеи. Так, дар П. И. Щукина обогатил Исторический музей 15 тыс. памятников русского быта и культуры XVII — начала XIX в.

Центральный исторический музей страны — детище той же эпохи. В 1872 г. создан комитет по его устройству, в 1883 г. открыты залы с экспозицией. В те же годы были основаны или стали общедоступными главные наши художественные музеи. В 1866 г. отменены ограничения, затруднявшие доступ к эрмитажным коллекциям. С 70-х годов большой популярностью пользовалась галерея П. М. Третьякова. В 1892 г. он подарил ее Москве. В 1895 г. открылся Русский музей. В 1898 г. началась постройка Музея изящных искусств.

Здесь не место для характеристики состояния исторической науки, археологии и истории искусств в конце прошлого столетия, но нельзя пройти мимо некоторых явлений. С середины XIX в. в истории развилась специализация. Дилетантов сменили ученые, владеющие научными методами исследования материала, держащие в памяти бесчисленное множество строго проверенных фактов. Это имело двойные последствия. С одной стороны, сложилась замкнутая каста специалистов, в отличие от любителей предшествующих лет, почти изолированная от общества. Далеко не всегда выводы и открытия ученых доходили до публики. С другой стороны, глубокий научный анализ памятников, проведенный в конце XIX в., позволял интеллигенции судить о древнерусской культуре уже не так поверхностно, как несколько десятилетий тому назад.

Для того чтобы произведение искусства затронуло нашу душу, не обязательно знать его историю. Индийские храмы

или росписи египетских гробниц поражают и тех, кому не доводилось читать о времени и обстоятельствах создания этих памятников. На зрителя воздействуют красота форм и линий, сочетание красок, своеобразные манеры исполнения. Но узнав историю статуи или картины, обратившей на себя наше внимание, мы полюбим ее гораздо больше, а подчас краткая справка поможет оценить и понять значение в эволюции искусства казалось бы ничем не примечательного объекта. Ведь и заинтересовавший нас почему-либо человек станет нам ближе, если мы услышим рассказ о его жизни, вкусах и взглядах.

В этой связи и нужно рассматривать работы искусствоведов конца XIX столетия — Ф. И. Буслаева, И. Е. Забелина, В. В. Стасова, Н. П. Кондакова и др. — и их роль в сложении нового отношения общества к наследию древней Руси. Труды этих ученых — неисчерпаемый источник сведений об архитектуре, фресках, иконах, орнаменте нашего средневековья. Особо надо отметить доклад Забелина 18/1 г. «Черты самобытности в древнерусском зодчестве»²¹⁹. В нем Забелин установил, что каменные шатровые церкви восходят к деревянным прототипам, сохранившимся еще кое-где на Севере, и в полный голос сказал, что на Руси существовала самостоятельная архитектурная школа, а не повторялись до бесконечности одни и те же полуценные извне мотивы.

В конце XIX в. подлинно научный характер приобрела реставрационная работа. В Софийском соборе, Кирпловской церкви и Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве, Успенском соборе во Владимире проводили архитектурные обмеры, снимали копии с фресок. Участились попытки оградить от разрушения остатки старины. Об этом много говорили на I археологическом съезде в 1869 г. Выработанный при обсуждении проект закона об охране был вынесен на II археологический съезд. В 1870 г. Московское археологическое общество создало комиссию по охране древних памятников. С 1876 г. проект закона подготавливали и в Министерстве просвещения. Авторы проектов предлагали взять за образец законодательство о памятниках искусства и старины, действовавшее в тот момент на Западе, — учредить в столице центральную комиссию по охране и округа на местах. Но законы так и не были приняты. В какой-то мере их заменили указы: 1889 г. — о передаче исключительного права на раскопки Археологической комиссии²²⁰, и 1893 г. — о надзоре за древними зданиями и их реставрацией со стороны Академии художеств²²¹.

Значение указов было ограниченным. Множество средневековых построек оставалось в ведении церкви, и в десятках случаев духовенство обновляло храмы, не ставя в известность Академию художеств. Древние фрески сбивали или покрывали масляной живописью, изначальные формы зданий искажали. Неоднократные повторения Синодом распоряжений, запрещающих самовольные реставрации, говорят сами за себя. Каждый раз эти повторения вызывались какими-нибудь актами вандализма, например, в 1877 г. — уничтожением фресок и нарушением архитектурных форм шедевра нашего зодчества — церкви Покрова на Нерли XII в.²²² Даже реставрации храмов с участием специалистов нередко были далеки от требований науки. Духовенство хотело, чтобы верующие видели не фрагменты росписей — пусть даже очень древних, а законченные композиции, хотя бы современной ремесленной работы. В этом направлении на специалистов оказывалось давление, и менее 100 лет назад при реставрации уникального памятника — Софийского собора в Новгороде — В. В. Суслов шел на уничтожение фресок XII в. и замену их мазней иконописной артели подрядчика Сафонова²²³. По тем же причинам лишился фресок XII в. и Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском в 1894 г.²²⁴

С памятникам археологии дело обстояло не лучше. Указ 1889 г. касался только государственных и крестьянских земель. Судьба городищ и курганов, находившихся на помещичьих землях, зависела целиком от произвола их владельцев. Не существовало официального списка исторических памятников, нигде не было четко сформулировано, какие объекты подлежат охране, что именно надо беречь.

И все же сдвиг в отношении общества к национальным реликвиям, наметившийся в конце XIX в., был очень значительным. Впервые в эту эпоху некоторые из них стали воспринимать уже не только как «достопамятности», но и как подлинные произведения искусства. Свидетельство тому — проникновенный взгляд на образцы русской архитектуры XVII столетия наших пейзажистов — А. К. Саврасова («Грачи прилетели», 1871 г.) и И. И. Левитана («Тихая обитель», 1890 г.; «Вечерний звон», 1892 г.), восторженные отзывы П. П. Чистякова (1883 г.) о художественных сокровищах Новгорода Великого (не менее прекрасно, чем искусство Италии)²²⁵.

Вопрос об охране памятников в России к началу XX в. все еще не был решен, но предпосылки для этого уже

складывались. Мечты Ломоносова и Новикова, проекты Аделунга и Вихмана воплощались в жизнь, получали достойное продолжение поиски Бороздина и Калайдовича.

VII

Начало XX в.— важный этап в истории отношения общества к культурному наследию. В 1905 г. в Таврическом дворце в Петербурге открылась организованная С. П. Дягилевым «Историко-художественная выставка русского портрета». С этого дня, по словам И. Э. Грабаря, «начинается новая эра изучения русского и европейского искусства... Вместо смутных сведений и непроверенных данных здесь впервые на гигантском материале, собранном со всех концов России, удалось установить новые факты, новые истоки, новые взаимоотношения и взаимовлияния в истории искусства»²²⁶.

Во второй половине XIX в. в русской живописи XVIII — начала XIX столетия видели обычно лишь жалкий слепок с западного искусства эпохи классицизма, что-то казенное, бездушное, академическое²²⁷. Благодаря выставке в Таврическом дворце, публика узнала о целой плеяде блестящих и очень не похожих друг на друга портретистов — Ф. С. Рокотове, Д. Г. Левицком, В. Л. Боровиковом.

В поисках экспонатов Дягилев совершил настоящее путешествие по городам и имениям Центральной России. Более 6 тыс. полотен прошло через его руки. В 1906 г. Дягилев перенес часть выставки в Париж, добавив к ней собрание икон Н. П. Лихачева. Так и европейское общество познакомилось с русской живописью за несколько веков ее развития.

То, что сделал для живописи XVIII — начала XIX столетия Дягилев, для архитектуры того времени удалось совершить А. Н. Бенуа и И. Э. Грабарю. Мнение их предшественников о русском классицизме и ампире было не лучше, чем о живописи того же периода²²⁸. Совершенно иначе смотрело на архитектуру XVIII в. следующее поколение историков искусства. Оно умело, к тому же, говорить о памятниках зодчества столь живо и увлекательно, что и широкая публика изменила свой взгляд на Петербург, традиционно именовавшийся «казарменным», на его окрестности, на усадьбы, рассеянные по всей стране²²⁹. Бенуа в роскошном фолпанте «Царское село в царствование императрицы Елисаветы Петровны»²³⁰, в статьях журнала «Старые годы» и в многочисленных картинах на темы XVIII в.

воспел период барокко в истории русской культуры. В издании «Царского села» участвовали и другие художники того же круга — К. А. Сомов, Е. Е. Лансере, М. В. Добужинский. Профессор химии В. Я. Курбатов в изящных популярных книжках о Петербурге и Павловске и в специальных лекциях раскрывал перед читателями и слушателями красоту ансамблей петровской, екатерининской, александровской поры²³¹.

Так в круг памятников, подлежащих изучению и охране, в начале XX в. вошли дворцы, усадьбы и церкви в стиле классицизма и ампира. На предшествующем этапе они казались еще слишком молодыми, слишком живыми постройками. Теперь явно определился упадок старой дворянской культуры. Лопахины скупили имения и вырубали вишневые сады. Дягилев, рассказывая о собирании материалов для выставки русского портрета, говорил, что при своих поездках по стране он постоянно ощущал конец целого периода нашей истории²³². В те же годы усадебная тема стала излюбленной и в литературе (И. А. Бунин, А. Н. Толстой), и в живописи (С. Ю. Жуковский, С. А. Виноградов и др.).

Творчество мастеров древней Руси получило в первые десятилетия XX в. еще большее признание. С 1902 г. Грабарь приступил к подготовке своей монументальной «Истории русского искусства». Он объехал области Севера, богатые деревянным зодчеством, поднял колоссальный архивный материал. Из-за первой мировой войны вышли не все тома, но и те пять, что успели напечатать в 1909—1915 гг., великолепно иллюстрированные, насыщенные новыми фактами, написанные с истинным вдохновением, составили эпоху и в искусствоведении, и в культурной жизни страны. Лучшие главы посвящены зодчеству и принадлежат самому Грабарю.

Книг о древнерусской архитектуре с середины XIX в. накопилось уже немало. В трудах Спегирева, Филлимонова и Забелина можно найти полезные описания, а иногда и интересные частные наблюдения. Но здесь нет элементов художественной критики, нет эстетических оценок. И то, и другое мы впервые встречаем именно в работах Грабаря. Для него какая-нибудь всеми забытая деревянная часовня на далеком севере не просто была таким же произведением зодчества, как и прославленные дворцы и палаццо Италии и Франции. Грабарь умел донести до читателя непосредственное восприятие этой часовни, показать на ее примере, сколько неведомых шедевров хранит еще

русская земля. Примелькавшиеся всем московские церкви неожиданно оказались удивительно красивы. Не меньше труда, таланта и страсти вложил Грабарь и в главы о зодчестве классицизма.

Начало XX в. оставило нам много изданий по истории искусства. Это журнал «Художественные сокровища России», выходивший в 1901 г. под редакцией Бенуа; журнал «Старые годы», основанный в 1907 г.; серия книг «Культурные сокровища России» (с 1912 г.), состоявшая из очерков о подмосковных имениях, Киеве, Новгороде, Ростове, Ярославле и других городах. Большинство томов этой серии написано братьями Ю. И. и Е. И. Шамуриными. Один из них выведен в известной книге А. К. Воронского «За живой и мертвой водой» под именем Владимира Ашмурина — участника социал-демократических кружков, после 1905 г. с головой ушедшего в занятия старым искусством²³³

Журнал «Красивой жизни» — «Столица и усадьба», возникший в 1913 г., был рассчитан на мещанскую публику и скорее вульгаризировал, чем популяризировал, идеи Грабаря, Бенуа и их соратников. Но даже такой журнал свидетельствовал о том, как расширился круг людей, интересующихся памятниками искусства и старины. Помимо популярной литературы, выпускали тогда и строго научные публикации, вроде «Вопросов реставрации» в серии «Известий Археологической комиссии».

В эти годы реставрационные работы шли в Ферапонтовом монастыре, в Новгороде, Пскове, Ярославле, Устюге Великом, Сольвычегодске. Вслед за реставрацией древней архитектуры ученые принялись за фрески и иконы. В 1904 г. была расчищена рублевская Троица. О Рублеве знали из летописей, слышали от собирателей икон, но знали имя, а не художника. Огромное впечатление от подлинной живописи Рублева первернуло все привычные представления о культуре нашего средневековья. Заговорили о «русском Джотто». В 1910—1913 гг. в новгородской церкви Спаса Преображения были раскрыты фрески другого замечательного мастера — Феофана Грека. В 1913 г. в Москве состоялась первая выставка древнерусского искусства.

Незадолго до Октябрьской революции сложился и ряд организаций, пытавшихся что-то сделать для спасения памятников. В 1910 г. было основано Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Проблему охраны произведений искусства обсуждали Всероссийский съезд художников в 1912 г., Всероссийский

съезд зодчих в 1914 г. В 1904 г. правительство создало при Министерстве внутренних дел комиссию по пересмотру действующих постановлений об охране памятников в России.

Внимание к творчеству минувших столетий сказалось и на современном искусстве. Некогда Николай I хотел породить «национальный» стиль в архитектуре. Не слишком задумываясь над особенностями этого стиля, те же опыты продолжали и позднее, но вплоть до XX в. все они были неудачны. Постройки Тона отличались казенной скукой, постройки И. П. Ронета — нарочитой пестротой. И только в предреволюционных работах А. В. Щусева были уловлены те черты древнерусского зодчества, которые составляют неповторимую прелесть новгородской и псковской архитектуры. Таковы собор в Почаеве, обитель в Овруче, церковь Марфо-Марьиной общины в Москве на Ордынке. Древнерусский стиль возродили не царские указы о подражании «византийским» храмам, а пристальное, любовное изучение наследия нашей культуры и постижение самого ее духа.

В живописи начала XX в. появился новый жанр — архитектурный пейзаж. Им в совершенстве владели Рерих, Бенуа, Лансере, Юон, Виноградов. Конечно, и раньше на картинах изображали церкви, крепости или дворцы, но всегда — как фон, как одну из деталей пейзажа или исторической композиции. Теперь художники ставят перед собой задачу запечатлеть красоту архитектуры.

В развитии русского искусства можно выделить несколько этапов, характеризующихся своим представлением о памятниках старины. В XVIII — начале XIX в. скульпторы и живописцы обряжали героев отечественной истории в античные одеяния. В 1858 г., вернувшись в Россию после длительного отсутствия, Александр Иванов заметил, что публика требует от картин «живого воскресения древнего мира, со всеми доказательствами последних результатов учености», «со всеми тонкостями антикварными»²³⁴. Известный медальер Ф. П. Толстой с гордостью заявлял: «Я первый стал лепить из воска большие барельефы из истории древней, русской и всемирной, употребляя самые верные костюмы..., так как я изучил археологию»²³⁵. Искусство середины XIX в. передавало внешний облик памятников прошлого довольно точно, но сухо, холодно, без любви к ним. Примером могут служить хотя бы картины В. Г. Шварца. В. И. Суриков пошел дальше. Он и знал, и искренне любил древнюю Русь. И все же налет документализма в трактовке архитектуры и утвари еще остался на

суриковских полотнах. Следующий шаг был сделан в начале нынешнего века.

Собор Василия Блаженного — фон «Утра стрелецкой казни». Нарисованный почти целиком, но на заднем плане, он призван только оттенять трагедию стрельцов, трагедию народа. Церковь с шатровой колокольней на картине Саврасова «Грачи прилетели» показана вся, но это лишь деталь великолепного лирического пейзажа. У Рериха и Бенуа архитектура становится главной темой. При этом весь памятник, как правило, не изображался. Перед нами часть стены Ростовского кремля или одна звонница Псково-Печерского монастыря, но в этих картинах Рерих стремился отнюдь не к фиксации того или иного куска архитектуры. Скупыми средствами он сумел выразить и дух нашего зодчества, и свое восхищение творчеством древних мастеров. Столь же различен подход к старому Самарканду на верещагипской картине «Торжествуют» и на панно К. Коровина «Биби-ханым». У Верещагина чуть ли не фотографическое воспроизведение фасада медресе Шир-дор заслонено сценой из жизни азиатского города. У Коровина узорчатый фрагмент разрушенной мечети включает в себе весь Восток, как его увидел и почувствовал художник.

Живопись отразила все изменения в отношении общества к остаткам старины. Сначала классицизм. Потом документальные картины, соответствующие богатым фактами, но скучным сочинениям Снегирева и Сахарова о «достопамятиностях». Картины В. М. Васнецова и Сурикова в чем-то перекликаются с книгами Забелина, любившего наши древности всей душой, но вряд ли понимавшего, какое место принадлежит им в мировой культуре. Рерих и Бенуа гораздо яснее представляли себе культурное наследие человечества и соединяли глубокие знания в этой области с чисто художническим восприятием красоты. Васнецов и Суриков жили только древней Русью. Кисти Рериха подвластен весь Старый Свет — от Скандинавии до Тибета, от Индии до Западной Европы. Хорошо известны и статьи Рериха по археологии и истории искусства, его деятельное участие во многих меропрятнях по охране памятников. То же поколение дало Грабаря, серьезного собирателя икон Остроухова, Шусева, обращавшегося к зодчеству русского Севера и в своем творчестве, и в научных трудах.

Ученые, занимавшиеся историей культуры, на первых порах помогли живописцам лучше узнать бытовую обстановку минувших столетий. Так, Ф. П. Толстой прошел выучку у археологов. Но настал момент, когда художники

раскрыли глаза ученым на памятники как создания искусства. Верной оценке эстетического значения русской архитектуры мы больше обязаны художникам, чем историкам и искусствоведам.

Накануне Октябрьской революции мы видим, следовательно, такое увлечение общества искусством былых веков, какого до этого на Руси не наблюдалось ни разу. Уже в конце XIX в. интеллигенция отошла от идей Писарева. Исследование памятников старины считали теперь делом, заслуживающим внимания. Но национальные реликвии, объекты любопытства и научного изучения — это одно, и совсем другое памятники — любимые произведения искусства. Для того, чтобы общество нашло такие произведения среди древних зданий и потемневших икон, среди портретов давно забытых предков и среди абсолютно не похожих на европейские построек Бухары и Самарканда, недостаточного отказа от «пошлости утилитаризма». Нужен и существенный сдвиг в художественных вкусах.

К началу XX в. общество окончательно избавилось от того «деспотизма классического мира» в духовной жизни, о котором когда-то говорил Белинский. Догмы классицизма были расшатаны раньше, но искусство античности еще долгие годы рассматривали как вершину творчества. В античной литературе по-прежнему искали ответ на самые животрепещущие вопросы. «Мы страстно любили древних, — вспоминал декабрист И. Д. Якушкин, — Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами»²³⁶. Не только наше поколение, но и поколения наших отцов и дедов не могли бы сказать так о себе. Уже в поэзии Лермонтова литературоведы отмечают резкое уменьшение античных реминисценций по сравнению с поэзией Пушкина²²⁷.

В 1829 г. в первом томе «Истории русского народа» Н. А. Полевой утверждал: «Развалины Самарканда столь же значительны в глазах наблюдателя, как и развалины Коринфа и Афин»²³⁸. В 1836 г. декабрист Н. А. Бестужев писал брату: «Жаль, что ты не сказал нам ничего о своих впечатлениях в Нове-Городе. Это замечательная столица древней Северной Руси, и развалины ее не меньше палмирских должны быть интересны для каждого русского, который любит свою историю»²³⁹.

Это ослабление воздействия античности в середине XIX столетия можно связать, с одной стороны, с тем, что именно тогда сложился тип современного человека, полного противоречий, чуждого гармонической ясности эллива клас-

сической эпохи. С другой стороны, войны, революции, политическая борьба нового времени дали обществу столько материала для размышлений, что интерес к Греции и Риму неизбежно понизился. Нельзя сбрасывать со счета и успехи исторической науки, и в частности, археологические находки произведений древнего искусства. Анатолий Франс утверждал: «Настоящее представление о прошлом... подарено нам великой исторической школой нашего века. Понимание духа начальных эпох истории появилось у человека или во всяком случае стало развиваться в нем лишь с недавнего времени»²⁴⁰. Далее Франс указывает на достижения археологов и этнографов.

Действительно, полтора столетия назад о Египте знали понаслышке разрозненные, отрывочные факты, а об Ассирии и Вавилоне — и того меньше. Археологические раскопки, начатые в 1845—1851 гг. в Ниневии и особенно развернувшиеся с 70-х годов XIX в., открыли высокую, яркую цивилизацию древнего Востока. Рядом с ней античная культура выглядит уже совершенно иначе. В 80-х годах в пещерах Франции и Испании обнаружили живопись эпохи палеолита. Не беспомощные «детские» рисунки, а удивительные по силе и свежести образы зверей были созданы за 30 тыс. лет до Фидия и Праксителя охотниками на мамонта и северного оленя. Напомним и о характерном для западного романтизма культе средневековья, о позднейших увлечениях европейских художников японской живописью и африканской скульптурой.

Так, за 60—70 лет до наших дней люди впервые смогли окинуть одним взглядом весь путь, пройденный человечеством, все основные очаги искусства прошлого. «История искусства начиналась пами уже не с Рафаэля, а с Египта», — говорит в «Пространстве Эвклида» К. С. Петров-Водкин, рассказывая о формировании своих вкусов в 1890-х годах²⁴¹. Наследию античной эпохи было отведено отныне определенное историческое место. Восприятие мира греками и римлянами оказалось не единственно возможным. По-иному, но несколько не меньше впечатляют творения безвестных мастеров Египта и Месопотамии, Индии и древней Америки. Памятник искусства хорош вне зависимости от античных канонов, если художнику удалось выразить свои мысли и чувства, раскрыть свой талант, по-повому посмотреть на окружающее. Теперь к искусству древней Руси можно было подойти уже без оглядки на античные образцы. Повязка с глаз спала, и люди поняли, как красивы деревянные церкви в северных лесах или новгородские

и псковские храмы с главами в виде шлемов, стоящие, словно воинь, кряжисто и как-то очень по-русски на берегах Волхова и Великой, как приречен Покров на Нерли, как грациозны линии рублевских икон и патетичны фрески Феофана Грека. Должное признание пришло и к нашему искусству последних двух веков.

Классицизм помешал верной оценке не только русской культуры. Изучение сибирских древностей, непрерывавшееся со времен Петра I до 1770-х годов, прервалось почти на столетие, когда исследование античных колоний Причерноморья поглотило все силы археологов и искусствоведов. Жемчужины зодчества Средней Азии заметили далеко не сразу после ее присоединения к России. Христианские храмы Грузии и Армении привлекали внимание искусствоведов уже во второй половине XIX в.²⁴² Друг Лермонтова, талантливый художник Г. Г. Гагарин собрал обширный материал о грузинских орнаментах и в конце жизни опубликовал два больших тома своих зарисовок²⁴³.

Мусульманским памятникам повезло меньше. Наиболее тупые представители царской администрации полагали, что «не дело русского правительства заботиться о мусульманских мечетях, ему в пору думать о своих церквях»²⁴⁴. Несколько средневековых зданий погибло. Среди них мазар Кутеби-Чаардегум, мазар Нур-ад Дина Басири²⁴⁵.

Но не так смотрели на среднеазиатскую старину рядовые русские интеллигенты и тем более художники и ученые. Уже в 1867 г. наши офицеры постарались оградить от разрушения городище Джаникент на Сырдарье. В. В. Стасов писал об этом: «Военные люди, которым обычно нет дела до древностей, теперь... интересуются развалинами, помышляют об их важности для науки, отряжают часовых, чтобы сторожить их, стараются о спасении их от всякого вреда... Не прекрасно ли это, не приятнейшая ли это у нас новость?»²⁴⁶

В 1895 г. С. Ю. Витте обратился в Академию наук с предложением заняться изучением и охраной памятников Средней Азии. Об этом его заставили задуматься собственная недавняя поездка в те края, а затем письмо к нему шведского ученого доктора Ф. Мартина. Археологическая комиссия и Академия наук выделили 10 тыс. рублей на исследование памятников Самарканда. В этой работе приняли участие Н. И. Веселовский, П. П. Покрышкин, С. М. Дудин, А. В. Щусев. В 1905 г. вышел первый выпуск «Описания самаркандских мечетей», посвященный мавзолею Гур-Эмир. В 1907 г. была создана комиссия по сохранению

самаркандских мечетей во главе с Веселовским, но средствами она не располагала²⁴⁷. В Туркмени в 1910-х годах была проведена реставрация мавзолея султана Санджара под Мервом и мечети в Анау под Ашхабадом.

Таким образом, в начале XX в. русская интеллигенция осознала значение культурного наследия во всем его объеме — не одной лишь античности, но и Киевской, и Московской Руси, и культур Закавказья и Средней Азии. Коллекции и выставки икон, древней утвари и картин, многочисленные научные и популярные издания по истории искусства, работы архитекторов и художников, вдохновленные творчеством прошлого, общества защиты памятников свидетельствовали о том, что охота остатков старины в России могла быть палажена²⁴⁸.

Из этого отнюдь не следует, что разрушению памятников был положен конец. Напротив, интерес к произведениям древнего зодчества сделал зримой трагическую картину их массовой гибели. В хронике журнала «Старые годы» из номера в номер печатались сообщения о разрушениях, велась своего рода «летопись вандализма». Когда сейчас просматриваешь комплект журнала и видишь эти информации все вместе, впечатление остается самое тяжелое. Пишут из провинции — на кирпич разобрали замок Огинских в Остроге²⁴⁹. Возмущаются петербуржцы — в построенном К. Росси Михайловском дворце сломали целое крыло, снесли созданную А. Н. Воронихиным «Строганову дачу» и т. д.²⁵⁰ К призывам беречь сокровища искусства никто не прислушивался. И одно за другим они исчезали. Закон, ограждающий памятники от уничтожения, так и не был принят. Ни центральный орган по охране, ни округа на местах все еще не были учреждены.

Характеристика интересующей нас проблемы будет неполна, если не отметить появление еще одной тенденции в отношении к культурному наследию. В то время впервые прозвучал тезис, что быстрый технический прогресс, век пара и электричества требуют новой эстетики и отправляют на свалку художественные ценности минувших столетий — античности и Ренессанса, готики и романтизма, иными словами, все искусство и всю литературу вплоть до сегодняшнего дня. Эта идея родилась на Западе и в Америке уже в XIX в. В 1871 г. в «Песне о выставке» Уолт Уитмен восклицал: «Муза, беги из Эллады, ...к скалам твоего снегового Парнаса дощечку прилей: „За отъездом сдается в наем“. И такое ж повесь объявление... на всех итальянских музеях, на замках Германии, Испании, Франции, ибо новое

царство, вольнее, бурливее, шире, ожидает себя как владычицу... О, мы построим здание пышнее всех египетских гробниц, прекраснее всех храмов Эллады»²⁵¹. Несколько позже молодое поколение немецких писателей провозгласило: «Долой гипсовую маску филистера Гете!», «В мусор болтуна Шиллера!»²⁵² В манифесте итальянских футуристов сказано: «Мы хотим освободить ее (Италию.— А. Ф.) от бесчисленных музеев, которые покрывают ее бесчисленными кладбищами... Пусть же придут поджигатели с почерневшими пальцами... Поджигайте же полки библиотек! Отведите течение воды в каналах, чтобы наводнить склепы музеев!.. О! пусть вода унесет вдаль славные полотна. Возьмитесь за лопаты и молоты! Сройте основания славных городов!»²⁵³.

В России промышленный переворот запоздал. Соответственно запоздала и футуристическая пропаганда разрушения старой культуры. Всего за пять лет до революции издана «Пощечина общественному вкусу»: «Академия и Пушкин непонятнее иероглифов... Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности»²⁵⁴.

В пьесе Леонида Андреева «Савва» запечатлен анархист, мечтающий «сделать хороший костерчик» из Третьяковской галереи, полотен Тициана, книг Шекспира, Пушкина, Толстого²⁵⁵.

Мировая война и революции заглушили эти выкрики, но они не были забыты.

Таково разнородное теоретическое наследие в области охраны памятников, оставленное старой Россией новой революционной эпохе. В литературе уже есть серьезные очерки, посвященные состоянию этого вопроса за годы Советской власти. Там подробно рассмотрены как большие достижения в выявлении, изучении и реставрации памятников, так и ошибки, приведшие к немалым потерям²⁵⁶. Здесь на этом периоде я останавливаться не буду, но подчеркну, что влияние охарактеризованного выше длительного отрезка истории порой сказывается на отношении к памятникам культуры и сегодня. Это и требует от нас пристального внимания к взглядам наших предшественников.

Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия

(наука, церковь, цензура)

До того как сложились современные представления о древнейших этапах истории, наука должна была пройти долгий путь накопления разрозненных эмпирических наблюдений в разных областях знания. Изучение животного мира подводило мыслителей к идее эволюции, возникновению человека в итоге постепенного развития от примитивных предковых форм, а не в результате краткого акта творения. С первых десятилетий XIX в. начались поиски останков «допотопных людей». Сведения о народах Нового Света, живущих родоплеменным строем и не знающих государства, позволяли предполагать, что та же стадия была в истории всех народов, в том числе и европейских. Наконец, находки кремневых наконечников стрел и каменных сверленных топоров показывали, какой характер имела матерьяльная культура глубокой древности.

Накопление этих разнородных данных завершилось в середине XIX в. качественным скачком — быстрым оформлением науки о первобытном человечестве. Решающими моментами здесь были выход книг Чарлза Дарвина «Происхождение видов» (1859 г.) и «Происхождение человека» (1871 г.), официальное признание в 1857 г. палеолитических орудий, открытых на Сомме Ж. Буше де Пертом, появление трудов этнографов-эволюционистов (Э. Тайлора и др.). Не привлекавшие ранее внимания коллекции из раскопок Э. Ларте, начатых в 1836 г. во французских пещерах, и из сборов Буше де Перта, ведшихся с 1832 г., стали отправной точкой для дальнейших исследований каменного века.

Тот же путь, что и вся мировая наука, проделала молодая наука России. Идея эволюции была близка ряду русских ученых XVIII — начала XIX в. (М. В. Ломоносов, А. А. Каверзнев и др.). Уже в 1777 г. был переведен трактат о приматах Х. Э. Гоппиуса, ученика К. Линнея¹. Ученник Адама Смита по университету в Глазго, С. Е. Десницкий развивал его взгляды на ранние этапы истории общества

в речи, опубликованной под названием «Юридическое суждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими, говоренное... в торжественном Московского университета собрании июля 30 дня 1775 года юриспруденции доктором и профессором Семем Десницким».

Со времен упоминавшейся выше статьи «Санкт-Петербургских ведомостей» «О перунах или громовых стрелах» (1731 г.) и до 1860-х годов, когда увидели свет первые отечественные исследования о каменном веке, в печать постоянно просачивались сведения о случайных находках кремневых наконечников стрел и пожей, полированных топоров и долот. Настоящие раскопки неолитической стоянки Полуденка в Зауралье провели в 1837 г. преподаватель Выйской гимназии И. М. Рябов, а в 1845 г. — главный кассир Нижнетагильского завода Д. П. Шорин. При раскопках были найдены «каменное копьёце» и «орудие из твердого зеленого камня, с одной стороны заостренное, похожее на широкий нож»².

В 1829—1838 гг. о поисках останков «допотопных людей» за рубежом регулярно информировали русских читателей «Живописное обозрение», «Библиотека для чтения», «Вестник естественных наук» и особенно созданный в 1825 г. и существующий поныне «Горный журнал»³. В статье биолога Э. И. Эйхвальда в «Библиотеке для чтения» за 1838 г. говорилось, что открытие ископаемого человека не за горами и он, конечно, будет отличаться от современного рядом унаследованных от животного признаков. Предлагалось даже латинское название его — *Palacanthropos*⁴.

В 1842 г. профессор геологии Петербургского университета С. С. Куторга, ставший, по свидетельству К. А. Тимирязева, в дальнейшем первым пропагандистом идей Дарвина в России, описал два древних человеческих черепа из Белоруссии⁵.

Но эта заметка на немецком языке, затерянная в малодоступном издании, стоит особняком. В целом до 1860-х годов специальных работ русских ученых об ископаемых людях и каменном веке не появлялось. Более того, в 1840—1856 гг. нет в наших журналах и информации об открытиях на Западе. Это, конечно, не случайно. Нельзя предположить, что основной переводчик зарубежных статей по палеонтологии в «Горном журнале» А. М. Карпинский, увлекшись модным вопросом о «допотопном человеке», поместил шесть рефератов на эту тему, а потом почему-то охладел к

Первобытный человек

Рисунок из журнала «Живописное обозрение»
(1839, ч. 5)

ней. В 1857 г. в том же журнале напечатан новый реферат статьи того же автора (Марсея де Серра), чьи сообщения излагались тут в 1829 и 1830 гг.⁶ Значит, интерес к данной проблематике вовсе не был утрачен. Просто на 25 лет она оказалась закрытой для печати.

Другой факт: в 1825 г. Эйхвальд передал музею Петербургского горного института два нефритовых и два яшмовых долота, найденных близ Нерчинска⁷. Сведения об аналогичных находках собирал он и позже, но поделился ими с читателями только в 1857 и 1860 гг.⁸

Все мы со школьных лет знаем, какую мрачную роль играла царская цензура в жизни русской литературы, как страдали от цензурного гнета Пушкин, Гоголь, Некрасов.

Но нередко забывают, что этот гнет был не менее, а пожалуй, еще более страшен для науки. В художественном произведении многое можно сказать вскользь, намеком, в подтексте. Ученый обязан разъяснять свои идеи до предела, и тем самым его труды оказываются крайне удобной мишенью для обстрела любых чиновников и обскурантов.

Библейские сказания о создании мира семь тысяч лет назад, о сотворении человека богом считались в России XIX в. неприкосновенными. Не допускались никакие разговоры о древнейших людях, сохранявших в своем строении животные черты, живших в такие отдаленные времена, когда по земле ходила стада мамонтов. «Всякая вредная теория, таковая, как, например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном, ...и тому подобные, отнюдь не должны быть одобряемы к печатанию», — говорится в параграфе 190 «Устава о цензуре»⁹, составленного в 1826 г. министром просвещения А. С. Шишковым и его помощником П. А. Ширинским-Шихматовым (вспоминается пушкинская эпиграмма: «Уму есть тройка супостатов — Шишков наш, Шаховская, Шихматов» — I, 150).

После поражения декабристов и польского восстания 1830 г., а особенно после революции 1848 г., подошедшей к границам России и вызвавшей интервенцию царизма в Венгрию, реакция усилилась. 1849—1855 годы памяты как «страшное семилетие», как «морозная полоса» (А. И. Герцен) в жизни русской интеллигенции. В апреле 1848 г. был создан Бутурлинский негласный комитет по делам печати, контролировавший все другие существовавшие до того цензурные ведомства. Распущен он был только после смерти Николая I в декабре 1855 г.¹⁰

Ко времени деятельности комитета относятся два любопытных для нас эпизода. В 1850 г. «Курские губернские ведомости» опубликовали статью «Об ископаемых Курской губернии». Автор ее — В. К. Гутцейт — гимназический врач, краевед, интересовавшийся главным образом палеонтологией, в согласии с Библией писал, что человек возник 7 тыс. лет назад, но показал, что до того в течение долгого времени развивались разные формы животного и растительного мира¹¹. Сменивший в комитете умершего Бутурлина генерал Н. П. Аннепков обратил внимание министра просвещения Ширинского-Шихматова на эту статью, поскольку «в ней мироздание и образование нашей планеты и самое появление на свете человека изображаются и объясняются по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласным с космологиею Моисея в его книге Бытия». После этого

Николай I повелел «неофициальную часть губернских ведомостей подвергнуть общей цензуре»¹².

Через четыре года в распоряжении Санкт-Петербургскому цензурному комитету от 17 декабря 1854 г. по поводу статьи «Фантастическая зоология» вновь подчеркивалось: «Цензура обязана отстранять всякие рассуждения, могущие поколебать верование читателей в непреложность церковных преданий»¹³. Вот почему нет статей об ископаемом человеке в наших журналах середины прошлого столетия. Потому же каменные орудия собирали у нас в большей мере любители и краеведы, чем профессиональные ученые из университетов, находившихся под жестким контролем сверху.

Но убить живую мысль цензура была не в состоянии. В 1840—1850-х годах накопление материалов о древнейшем прошлом России исподволь продолжалось. В этом активное участие приняли коллекционеры. Наряду с собирателями монет, гемм, минералов и прочих редкостей как раз в эти годы появились люди, охотно покупавшие «громовые стрелы», шлифованные нефритовые топоры и т. д.

Первые по времени сообщения о коллекции каменных орудий у частного лица относятся к 1820—1830-м годам. В Красноярске у енисейского губернатора А. П. Степанова хранились кремневые паконечники стрел, каменные кирки, молотки и долота, собранные на пашнях в Минусинском крае¹⁴. Енисейским губернатором он был в 1822—1833 гг. Степанов — личность незаурядная. В юности он участвовал в суворовском переходе через Альпы, в зрелые годы опубликовал пользовавшийся успехом роман «Постоялый двор» (Пушкин послал его в Петровский завод декабристам) и серьезное «Описание Енисейской губернии». В этой изданной анонимно книге есть упоминание о находках каменных орудий в Сибири¹⁵.

Систематически собирать каменные орудия в России начал генерал-лейтенант корпуса горных инженеров Н. Ф. Бутенев. С 1840-х годов он ведал Олонецкими горными заводами, и здесь, в Карелии, где часто находят выразительные неолитические изделия — шлифованные топоры, кирки со сверлинами и т. д., он и заинтересовался этими необычными древностями. Человек он был разносторонний: коллекционировал мasonicкие рукописи и монеты, записывал былины (его записями пользовался П. Н. Рыбников), печатал статьи по геологии, создал в Петрозаводске библиотеку и горный музей. В 1840 г. Бутенев впервые увидел каменное орудие у директора Олонецких училищ М. И. Троицкого, в 1848 г. сумел приобрести подобное изделие для своего собрания.

К 1863 г. у него было уже 240 орудий, к 1869 г. — около 400¹⁶. В 1862 г. с коллекцией Бутенева познакомился К. М. Бэр. При его посредстве она была приобретена этнографическим музеем Академии наук. В 1864 г. Бутенев напечатал статью о древнейших обитателях Севера¹⁷.

Собрание каменных орудий было и у геолога А. Д. Озерского, автора многих статей и книг, в частности дополнений к труду Р. Мурчисона по геологии России, сыгравших большую роль в развитии естествознания в России¹⁸.

Другое аналогичное собрание составила А. М. Раевская. Жена Н. Н. Раевского-младшего, героя 1812 года, друга Пушкина и декабристов, увлеклась археологией в Керчи, где жила с мужем в 1830-х годах. После его смерти она уехала в Италию, много путешествовала. Побывав на раскопках свайных построек в Швейцарии, она стала коллекционировать «доисторические древности». В этом ей помогали ведущие археологи Запада — Г. Мортилье, Ларте, Ф. Келлер, а из русских ученых — Бэр¹⁹. Постепенно к находкам из раскопок во Франции, Швейцарии и Германии добавлялись каменные орудия из Олонецкой, Петербургской, Виленской, Херсонской, Таврической и Киевской губерний²⁰. В 1865 г. А. В. Никитенко занес в свой дневник впечатления от посещения музея Раевской и с почтением привел слова Бэра о том, что это — настоящее сокровище²¹. Значит, собрание было открыто для осмотра. Вскоре основную его часть Раевская подарила Румянцевскому музею.

Существовали аналогичные собрания и в провинции. Уже в 1856 г. помещик Нерехотского уезда Костромской губернии Г. М. Девочкин прислал в Петербург в Археологическое общество несколько кремневых наконечников стрел. Особого интереса этот дар там не вызвал. В 1877 г., разыскивая материалы для Антропологической выставки, А. П. Богданов заехал к Девочкину в Кострому и увидел в его доме огромное количество каменных орудий²².

Собирали изделия первобытного человека не только просвещенные дворяне. Коллекция таких вещей была у архиепископа иркутского Нила (Н. Ф. Исаковича) автора первой русской книги о буддизме и живых записок о путешествии по Сибири (одни из рассказанных там эпизодов лег в основу повести Н. С. Лескова «На краю света»). В записках говорится между прочим, что каменный топор для своего собрания Нил получил в 1849 г. в якутском селе Мухтуе от купца Рыбкина, наполнившего свой дом разного рода редкостями²³.

Можно назвать и других коллекционеров, обладавших большим или меньшим числом каменных орудий (историки С. В. Ешевский и С. С. Стрекалов, купцы Кознов в Муроме и А. В. Антонов в Рязани). Об одном из них — Д. П. Соцове — речь будет ниже.

Интерес к каменным орудиям в России в середине XIX в. не угас (хотя, пожалуй, трудно уловить какой-то прогресс в разработке этой проблемы по сравнению с XVIII столетием). Это помогло быстрому развитию отечественной первобытной археологии в 1860—1870-х годах.

В 1855 г. кончилось мрачное царствование Николая I. Началась эпоха реформ. В стране сложилась революционная ситуация. На историческую арену вышло поколение «шестидесятников». Все это способствовало тому, что запретная ранее тема проникла на страницы печати, стала освещаться с университетских кафедр.

Как переломный момент может быть выделен 1859 год, когда в разных периодических органах увидели свет две переводные статьи о первобытном человеке: Д. Прествича об открытиях Буше де Перта и посещении местонахождений на Сомме английскими геологами²⁴ и немецкого географа К. Риттера о свайных постройках Швейцарии²⁵. Чуть позже официальный «Журнал Министерства народного просвещения» предоставил свои страницы для изложения доклада Чарльза Лайелла «Появление человека на Земле», прочитанного в Париже. Реферат принадлежал молодому зоологу Н. Н. Страхову, ставшему потом видным философом и критиком, другом Достоевского и Льва Толстого²⁶.

В октябре 1859 г. Бэр прочел в Русском географическом обществе доклад «О древнейших обитателях Европы», познакомив слушателей с достижениями «доисторической археологии» во Франции, Дании, Швейцарии, где он только что побывал в командировке. Опубликовали этот доклад в 1863 г.²⁷ Одновременно выпускавшийся Академией наук и рассчитанный на широкие слои читателей «Месяцеслов на 1864 г.» поместил более пространственный вариант работы Бэра, содержащий и 23 рисунка (каменные орудия, реконструкция поселка на сваях и т. д.)²⁸.

То были первые ласточки. Затем книжный рынок был затоплен целым потоком изданий по первобытной археологии и антропологии. Началось с переводов. Все сколько-нибудь примечательные иностранные сочинения о происхождении видов, ископаемом человеке и его культуре, не пропущавшиеся прежде цензурой, оказались доступными нашим читателям в 1860—1870-е годы. Наряду с трудами Дар-

вица, Гексли и других биологов были переведены и книги, посвященные каменному веку или уделявшие ему много внимания.

Самая ранняя из них подготовлена в 1861 г. Академией наук. Это «Северные древности королевского музея в Копенгагене» — таблицы рисунков с экспонатов и краткие пояснения к ним одного из создателей «системы трех веков» — Иепса Якоба Ворсо²⁹. Академия купила в Дании матрицы этого альбома, а Петербургская типография воспроизвела его целиком, включая и оригинальный текст. Параллельно дан перевод, выполненный хранителем Этнографического музея Л. Ф. Радловым³⁰.

В дальнейшем для переводов чаще выбирали книги иного характера — популярные обзоры, публичные лекции (вспомним заявления Д. И. Писарева как раз этих лет, что пропаганда знаний пужна России больше, чем специальные исследования). Вслед за серьезной сводкой Ворсо в 1863 г. вышла довольно поверхностная брошюра немецкого ботаника и популяризатора науки Маттиаса Якоба Шлейдена «Древность человеческого рода». В 1865 г. она была переиздана в дополненном виде³¹.

Несколько раз в разных переводах печатались в 1860-х годах лекции о первобытном человеке другого немецкого популяризатора биологии — Карла Фогта, пользовавшегося тогда в России огромным успехом³². Не случайно один из героев «Бесов» Достоевского «выбросил ... из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на трех подставках, в виде трех палоев, сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера и перед каждым палоем зажигал восковые свечки»³³.

Издатель брошюры Шлейдена, О. И. Бакст, убедившись, что затронутая в ней тема вызывает всеобщее внимание, рискнул выпустить солидную монографию по тому же вопросу: «Геологические доказательства древности человека» Лайелла. Переводчиком был А. О. Ковалевский — молодой биолог, в будущем академик, основоположник эволюционной эмбриологии и физиологии.

В России труд Лайелла прочли всего на год позже англичан — в 1864 г.³⁴

Потом перевели еще две английские книги. Одна — этнолога Тайлора — касалась каменного века лишь проходя³⁵, другая — «Доисторические времена» Д. Леббока — в большей мере построена на археологическом, чем на этнографическом материале³⁶.

Каменные орудия, собранные П. Н. Рыбниковым в Карелии
(одна из первых публикаций каменных орудий в России)

Из «Изв. Русского археологического об-ва» (1865, т. V)

В 1870 г. появился перевод и одной французской книжки: «Первобытный человек» популяризатора естествознания Л. Фигье. В Париже она опубликована в том же году³⁷.

Почти все перечисленные книги сопровождалось дополнениями русских ученых. Альбом Ворсо предваряет введение двух академиков — биолога Бэра и лингвиста А. А. Шифнера. Рассказав о «системе трех веков», они призывали к исследованию первобытных древностей России. На-

ходки предлагалось присылать в Этнографический музей Академии наук.

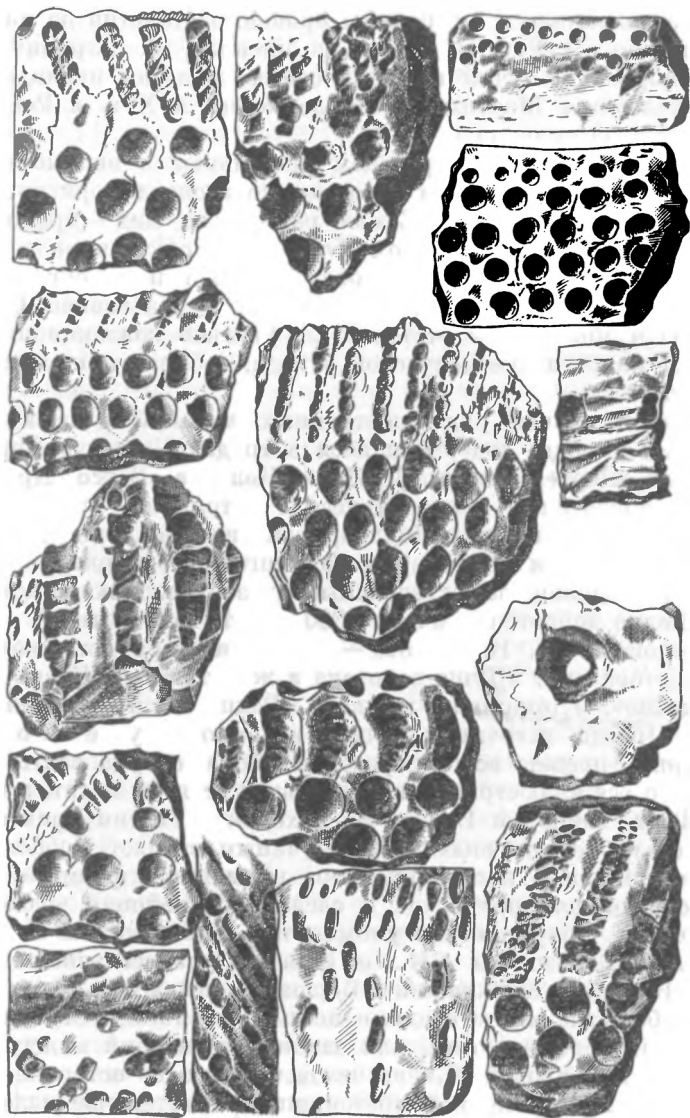
Второе издание брошюры Шлейдена дополнено лекцией Бэра в Географическом обществе. Есть примечания анонимных переводчиков и в книгах Фогта и Фигье. Но больше всего добавлений в книге Леббока. Она вышла под редакцией виднейшего русского антрополога и географа Д. Н. Анучина. Его вставки достигают трех печатных листов и даны как в тексте в квадратных скобках, так и в подстрочных примечаниях, и в приложении в конце тома. Тут говорится и о последних открытиях за рубежом (Анучин судил об этом не только по литературе: при заграничных командировках он бывал на раскопках во Франции, встречался с Мортилье и другими археологами), и о находках в России. Редактор успел вставить сюда сведения о первой палеолитической стоянке, обнаруженной в нашей стране в 1873 г. (его информатором явно был украинец — стоянка названа не Гонцы, а Хонцы), упомянул о коллекциях каменных орудий, собранных в Литве, Латвии и Эстонии, опубликовал рисунки нескольких неолитических изделий.

В 1860—1870-х годах об успехах первобытной археологии на Западе постоянно сообщали русским читателям и журналы. Так, в «Заграничном вестнике» в 1864—1866 гг. увидели свет переводы речи П. Брока о новейших достижениях антропологии (здесь говорилось и об открытиях Буше де Перта, и о свайных постройках) и лекции немецкого естествоиспытателя Р. Вирхова о раскопках на швейцарских озерах. Той же теме посвящен более ранний анонимный реферат публикаций, касавшихся вопроса о свайных поселениях³⁸.

Редактором «Заграничного вестника» был выдающийся философ и революционер П. Л. Лавров. Он и сам напечатал там, а позже в других изданиях ряд очерков по первобытной истории и антропологии, был членом Парижского антропологического общества и достаточно хорошо представлял себе, что такое каменный век³⁹.

В 1870-х годах в журналах появились переводы трех статей о пещерных палеолитических стоянках. Они принадлежат тем же Брока и Вирхову, а также немецкому геологу О. Фраасу⁴⁰.

Бросив общий взгляд на все переведенные в России книги и статьи о каменном веке, мы заметим, что предпочтение отдавалось не столько французской, сколько немецкой и английской литературе. Вероятно, это можно объяснить тем, что русское общество преодолело галломанию еще в начале XIX в., тогда как увлечение классической немецкой фило-

Керамика со стоянки Волосово на Оке
Таблица из кн.: Уваров А. С. Археология России.
Каменный период (М., 1881, т. II)

софией сохранялось с середины прошлого столетия до начала нынешнего. Уже в 1877 г. в письмах из заграничной командировки Анучин изложил своим коллегам периодизацию палеолита Мортилье⁴¹, но до конца XIX в. в России она так и не прижилась.

К перечисленным переводам примыкают и первые русские книги о древнейшем человеке, пока еще не оригинальные, а компилятивные. Самая ранняя из них — брошюра Д. П. Сонцова «О каменном веке» 1870 г.⁴² Сонцов в молодости был военным, участвовал в польской и венгерской кампаниях, состоял адъютантом при И. Ф. Паскевиче. Выйдя в середине века в отставку, он увлекся коллекционированием монет и древнерусской утвари, собирал и каменные орудия⁴³.

Сонцов прочел ряд иностранных изданий и грамотно изложил выводы, содержащиеся в трудах Буше де Перта, Лайелла, Ларте, Кристи, Леббока, Келлера, Ворсо. Кратко охарактеризованы палеолитические стоянки Франции — Брюникель, Ориньяк, Мадлен, раковинные кучи Дании, свайные поселки Швейцарии. В книге 24 рисунка разных древних изделий, заимствованные из зарубежных сводок.

Вполне добротен и очерк 1880 г. «Из первобытной жизни человека» Л. К. Попова — популяризатора естествознания, автора книг «Душа человека и животных», «Жизнь как движение», «Домашняя кошка», «Радий и его спутники» и др. Правда, источники Попова в данном случае не очень обширны: прежде всего перевод Леббока, откуда взяты абсолютно все иллюстрации и приводятся десятки цитат, а также Фогт, Тайлор и Брока. Из находок в России привлечены только те, что включены Анучиным в текст Леббока⁴⁴.

Совсем поверхностна брошюра карманного формата «Об археологии доисторической и следах древнейшего человека на Земле» — переложение упомянутой выше книжки Л. Фигье. Автор обозначен А.К.....н. Имя его удалось узнать. Это А. Т. Китицын, служивший в Варшаве цензором⁴⁵.

Любопытна книга с длиннейшим названием: «Основания науки антропознологии, или законы отношений между человеком и природой. Жизнь человечества в ее историческом развитии и современном состоянии, сравнительное изложение телесного строения народов, их характера, образа жизни, прав, обычаев, верований в зависимости от их местности. Важнейшие физиологические, политические, исторические и пр. вопросы, связанные с антропознологией. Сочинение Октавия Мильчевского» (М., 1868). Это пересказ в неприятной развязной манере двух немецких книг по антрополо-

гии — И. Перти и Т. Вайца. Есть тут и разделы о каменном веке: о работах Буше де Перта и Лайелла, об эолитах и неандертальце, о свайных постройках и т. д. Всерьез принимать все это не приходится, но и предавать забвению не стоит. Перед нами свидетельство огромного интереса общества к только что возникшим наукам, что вызвало появление и такого сорта литературы. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, придерживавшемся обычно сухо объективного тона, сказано: «Мильчевский Октавий Васильевич... с конца 1860 г. стал почти исключительно составлять книги (до 40) для московских лубочных издателей... Писание о чем угодно, наспех, обусловило массу ошибок... Пробовал М. писать рецензии..., но затем возвращался к составлению спекулятивных книг с широковещательными заглавиями»⁴⁶.

Из журнальных статей надо назвать публикации П. И. Лерха. Протоколист Академии наук, помощник библиотекаря Петербургского университета, так и не защитивший магистерскую диссертацию, на деле он был очень образованным человеком, крупным востоковедом⁴⁷. В 1860-х годах его увлекла рождавшаяся на глазах новая научная дисциплина, и он постарался всерьез ее освоить. В «Известиях Археологического общества» он поместил большой очерк первобытной археологии Европы. В отличие от немного более ранних статей Бэра, здесь приведены сведения не только о раскопках в Дании, Швейцарии и Франции, но и об отдельных каменных и бронзовых изделиях из России⁴⁸. Лерх изучал их в подлинниках в частных собраниях. Им составлено описание коллекции доисторических древностей Раевской — брошюра, которую можно считать первой русской книгой о каменном веке⁴⁹. В 1865 г. Лерх объехал Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии, чтобы разузнать о каменных орудиях⁵⁰, а в 1869 г. участвовал в IV Конгрессе доисторической археологии в Копенгагене. Все, что он опубликовал на эти темы, выполнено на уровне мировой науки того времени.

Об успехах и проблемах первобытной археологии можно было узнать не только из книг и журналов, но и из газет — столичных и провинциальных. Особенно много таких статей в «Олонецких губернских ведомостях».

Все названные издания — переводные и оригинальные — помогли русским читателям получить первое представление о начальных этапах истории по материалам, выявленным в Западной Европе. Вскоре наши ученые приступили к разработке этой проблемы на отечественных материалах.

В 1865—1882 г. напечатаны труды К. И. Гревингга, И. С. Полякова, К. С. Мерзжковского, А. С. Уварова, А. А. Иностранцева.

Большое значение для популяризации знаний о первобытном человеке и его культуре имела Антропологическая выставка 1879 г., организованная Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

В итоге в 1860—1870-х годах новый взгляд на происхождение человека и начало его истории был усвоен самыми широкими слоями русского общества.

В 1867 г. в обращенной к И. С. Тургеневу статье «Недовольно», защищая идею прогресса, выдающийся русский мыслитель В. Ф. Одоевский писал: «При берегах и на дне озер находят остатки жизни народов без имени; были люди, не знавшие металлов, за людьми эпохи камня явились люди меди, за людьми меди — люди железа; столетия, может быть, тысячелетия протекли между этими эпохами. Но камнем выделалась медь, медью выделалось железо, железом изваяна... Венера Милосская»⁵¹. Обо всем этом, судя по сноске, Одоевский узнал из статьи Лерха в «Известиях Археологического общества».

В мае 1880 г. в речи по поводу открытия памятника Пушкину в Москве И. С. Тургенев сказал: «Дикарь каменного периода, начертивший концом кремня на приспособленном обломке кости медвежью или лосиную голову, уже перестал быть дикарем, животным»⁵². Должно быть, Тургенев видел в Париже произведения палеолитического искусства на выставках в Лувре или Сен-Жерменском музее. Из этих первых, еще бедных находок он сделал глубокий вывод: человек, обладающий искусством, поднялся на принципиально иную ступень по сравнению со своими обезьяноподобными предками.

В 1883—1885 гг. В. М. Васнецов с увлечением работал в Абрамцево над декоративным фризом «Каменный век», заказанным для строившегося Исторического музея в Москве (одним из патурщиков был юный Валентин Серов)⁵³.

Интерес к первобытной эпохе всего характернее для демократического лагеря. В 1860-х годах в жизни передовой русской молодежи огромную роль играли естественные науки. У последователей Писарева возник настоящий культ естествознания. В этой связи волновала их и проблема древнейшего человека. В 1864 г. Писарев послал в редакцию «Русского слова» написанную в Петропавловской крепости статью «Прогресс в мире животных и растений». Ссылаясь

на Лайелла и Фогта, он говорил: «Открытие ископаемых людей было особенно жестоким ударом для заносчивости ревностных систематиков... Особенно сокрушительно для них то обстоятельство, что открытие это сделано не в Австралии, не в Африке, даже не в Азии, а именно в Европе, да еще во Франции и в Англии, т. е. как раз в тех местах, которые были исследованы тщательнее, чем все остальные местности Земного шара. Если в таких известных странах возможны до настоящей минуты новые открытия колоссальной важности, то, по-видимому, систематикам остается только замолчать или публично признаться в том, что бедность материалов еще не позволяет геологам и палеонтологам заниматься сооружением систем и произносить какие бы то ни было приговоры насчет различных особенностей в органической жизни»⁵⁴. «Систематиками» Писарев условно называл, конечно, не биологов, разработывавших классификацию животного и растительного мира, а обскурантов, воспринимавших отдельные виды растений, животных, а равно и человека не как звенья в цепи эволюционного процесса, а как статичные категории, созданные единым актом творения.

Через полгода «Русское слово» вновь вернулось к тем же вопросам в статье «Развитие человеческого типа в геологическом отношении». Она принадлежит известному публицисту Н. В. Шелгунову, отбывавшему тогда ссылку в Вологодской губернии⁵⁵. Изолированные друг от друга два видных деятеля демократического лагеря одновременно прочли книгу Лайелла, оба захотели использовать ее для обоснования своих исходных установок и растолковать читателям, как наука распатывает обветшалые догмы.

В том же 1864 г. одновременно с Писаревым в Петропавловской крепости находился в заключении Н. Г. Чернышевский. По его просьбе друзья присылали ему книги для чтения и работы. Среди них монография Лайелла, «Месяцеслов на 1864 г.» со статьей Бэра «О первоначальном состоянии человека в Европе» и книга Фогта о становлении человека (тогда еще не переведенная на русский, в немецком оригинале)⁵⁶.

Интересна для нас и повесть «За пределами истории (за миллионы лет)», написанная в 1863—1865 гг. на каторге на Кадаинском руднике в Забайкалье известным революционером, поэтом, прозаиком и публицистом М. И. Михайловым⁵⁷. В повести четыре главы, и каждая отражает определенный этап древнейшей истории. Сначала рассказывается об острове в Индийском океане, где живут на де-

ревях полулюди-полужвери, еще не владеющие речью. Во второй главе наши предки обитают уже на земле, заселяют пещеры, изготавливают орудия из камня. В третьей главе в развитии общества видны дальнейшие успехи: появились шалаши, свайные постройки, лодки, татуировка. Первобытные племена расселяются по всему миру, у них выделяются вожди. Наконец, четвертая глава освещает зарождение классовых отношений. Скотоводы ведут войны, обращают своих противников в рабство. Развиваются религиозные представления.

Повесть «За пределами истории» удивительным образом не привлекла внимание биографов и исследователей творчества Михайлова. По-видимому, им казалось, что тема ее была предельно далека от задач освободительного движения в России. Рассмотренные выше материалы убеждают нас, что это не так. И признание глубочайшей древности человека (не 7 тысяч, а «миллионы» лет!), равно как и происхождения его от животных, и мысль о возникновении религии и государства в ходе долгой эволюции, в сравнительно позднее время, были вызовом реакционным кругам, отстаивавшим библейские догмы.

Недаром, по воспоминаниям революционеров, отбывавших каторгу вместе с Михайловым и Чернышевским, повесть «понравилась Николаю Гавриловичу, и некоторые детали ее он пересказывал нам»⁵⁸.

Несмотря на ряд неточностей (скотоводство освоено на втором этапе, а добывание огня — только на четвертом), ошибок у Михайлова куда меньше, чем в созданной позднее и до сих пор пользующейся популярностью книжке Э. д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика». Это тем более удивительно, что Михайлов был арестован и оторван от культурной жизни Петербурга уже в 1861 г., когда, как мы знаем, русской литературы о первобытном человеке еще не было. Это позволяет предположить активное участие Чернышевского в подготовке повести Михайлова.

Новое пробивало себе дорогу не без труда. Цензуру беспокоила крамольная мысль о происхождении человека путем эволюции. «Фогт, Дарвин... — соучастники каракозовского дела. Их сочинения велено отобрать у книгопродавцов. Вот до какой тупости довели нас духовные мипистры», — писал Герцен в «Колоколе» в 1864 г.⁵⁹ «В кругу так называемых научных статей преобладает стремление поколебать религиозные верования», — с тревогой констатировало Особое совещание, созданное Александром II в 1878 г.⁶⁰

В 1872 г., прослышав, что давний знакомый — библиограф и историк литературы М. Н. Лонгинов, получив пост начальника Главного управления по делам печати, хочет прекратить издание работ Дарвина, А. К. Толстой обратился к нему со стихами:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полю, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь...
Так тебе обиды пету
В том, что было до потопа ⁶¹.

Известный историк Н. И. Костомаров рассказал в своих воспоминаниях характерный эпизод: когда в 1874 г. участники Киевского археологического съезда отправились осматривать Софийский собор, протоиерей встретил их вопросом: «Не пожаловали ли вы сюда отыскивать доказательства, что человек произошел от обезьяны?» — «Мы не шагаем в такую даль», — успокоил его председатель съезда А. С. Уваров ⁶².

Говоря о борьбе за передовую науку в России, не пужно представлять себе этот процесс упрощенно: с одной стороны — темный, заросший бородой поп, провозглашающий анафему ученым, а с другой — бесстрашный нигилист из поколения Базарова, смело обличающий ретроградов в лекциях и книгах. Нет, все обстояло куда сложнее.

Прежде всего не стоит замалчивать тот факт, что среди ученых кое-кто считал своим долгом оборонять от критики библейские легенды о начале истории. Такие люди были на Западе. Назову хотя бы Ж. Кювье и Р. Вирхова. Были они и у нас. М. П. Погодин в адресованной широкому читателю книге «Простая речь о мудреных вещах» почти 100 страниц посвятил полемике с Дарвином и цитированной выше статьей Писарева ⁶³. Выдающийся филолог и искусствовед Ф. И. Буслаев напечатал в 1873 г. в катковском «Русском вестнике» очерк «Догадки и мечтания о первобытном человеке». Это отклик на действительно не слишком удачную книгу немецкого философа О. Каспари «Первобытная история человечества с точки зрения естественного развития его духовной жизни» (Лейпциг, 1873), но это и недвусмысленное выступление против дарвинизма, поставившего вопрос о промежуточном звене между животным и человеком. Для Буслаева «мечтания о первобытном человеке, которого никто не знает и знать не может, ... — пустопорожня детская

игра, далекая от точного метода положительных наук... Не объяснено сколько-нибудь толково психическое состояние первобытного полузверя в его недоступном для науки скотстве»⁶⁴.

Замечательный почвовед В. В. Докучаев в студенческие годы сочинил целый трактат: «Теория Дарвина пред судом священного писания как самого древнего исторического ботаническо-зоологического памятника». Он увидел свет в журнале для духовенства «Странник», а потом отдельно⁶⁵.

Разумеется, ни Погодин и Буслаев, ни тем паче Докучаев, сам внесший большой вклад в изучение каменного века России, не говорили, что каменные орудия — выдумка археологов. Но в 1860—1870-х годах не утверждали это и клерикалы. В Библии упоминаются кремневые пожи (Исход, IV, 25; Книга Иисуса Навина, V, 2; XXIV, 30). Следовательно, в том, что археологов увлекло изучение кремневых наконечников стрел или шлифованных нефритовых топоров, с точки зрения духовной цензуры, ничего опасного не было. После открытий во Франции и Швейцарии она готова была согласиться, что это действительно очень старые изделия. Но признание глубочайшей древности человека, появившегося на Земле не семь, а сотни тысяч лет назад, не благодаря творцу, а в итоге длительной эволюции животного мира, было совершенно неприемлемо для клерикалов.

И церковные круги, и ученые-ретрограды неохотно соглашались: да, несомненно, в прошлом люди пользовались каменными орудиями, но это было не так давно и не имеет никакого отношения к вредной теории о происхождении человека от обезьяны. Введенные недавно в научный оборот данные о начальных этапах истории вполне можно примирить с традиционными представлениями.

В классическом труде Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788) говорится: «По мнению Юлия Африкана и др., мир был создан 1 сентября за 5508 лет 3 месяца и 25 дней до рождения Христа... Как ни произвольно это летосчисление, оно ясно и удобно. Из семи тысяч двухсот девяноста шести лет, которые, как полагают, протекли от создания мира, три тысячи — прошли в невежестве и мраке, две тысячи — баснословны или малоизвестны, тысяча лет принадлежит древней истории, начинающейся вместе с персидской монархией и с республиками римской и афинской, тысяча лет прошла с падения римского владычества на Западе до открытия Америки»⁶⁶.

К этим-то «трем тысячам лет невежества и мрака» и «двум тысячам лет баснословных и малоизвестных» и готовы были приурочить каменный век клерикальные круги. Отдельные высказывания археологов как будто согласовывались с удобным для церкви решением вопроса.

При раскопках Уварова во Владимирской земле среди 7700 средневековых захоронений встретилось два, содержащих каменные орудия. Скорее всего это были могилы деревенских колдунов, использовавших «громовые стрелы» как целебное средство, но Уваров решил, что в Центральной России кремневые наконечники и полированные топоры были в ходу до X—XI вв. н. э.⁶⁷ Это повторил Анучин в добавлениях в книге Леббока⁶⁸. Гревингк считал, что дикари, употреблявшие оружие из кости и камня, жили в Прибалтике вплоть до прихода немецких рыцарей, т. е. до XIII в.⁶⁹ Поляков предполагал, что на севере России каменный век продолжался до «курганного периода», т. е. до средневековья⁷⁰

Неудивительно, что труд Уварова «Археология России. Каменный период» напечатан не где-нибудь, а в Синодальной типографии. Ведь в этом фолианте ни разу не упомянут Дарвин, нет ни слова о неандертальском человеке, но допускается, что на мамонта люди могли охотиться и относительно недавно.

Только революционный демократ Шелгунов прямо писал о древности человека, превышающей 100 тыс. лет, взяв эту цифру у Лайелла. Но уже Попов, процитировав фразу того же Лайелла об «ужасающем пространстве времени», лежащем между XIX в. и палеолитом, продолжал: «Сколько десятков столетий (заметьте, — не тысячелетий! — А. Ф.) отделяют „каменный век“ от исторического времени, покрыто мраком неизвестности»⁷¹

Так в 1860—1870-х годах наметилась возможность молчаливой договоренности между церковью и учеными. Пусть они толкуют о каменном веке, но не настаивают на происхождении человека от обезьяны и на том, что палеолит длился сотни тысяч лет. Когда в 1879 г. в Москве состоялась Антропологическая выставка, главный инициатор ее, А. П. Богданов, столкнулся с немалыми трудностями. Едва основная работа была закончена, как в Петербург поступил донос о предосудительных замыслах, воплощенных в открываемой экспозиции. Министр просвещения Д. А. Толстой потребовал убрать часть экспонатов. Богданов обратился тогда к автору «Истории русской церкви», члену Академии наук, митрополиту московскому Макарию (М. П. Булгако-

ву). Тот осмотрел выставку, особенно заинтересовавшись до- историческим отделом (т. е. археологическими находками), и сообщил в столицу, что ничего противного религии здесь нет⁷². «Строго ученый характер выставки и научный ин- терес ее для древней истории России доставили ей честь... осмотра высшими представителями церкви», — писал Богданов, перечисляя затем нескольких митрополитов и епископов⁷³. При открытии выставки произнес речь епископ ростовский Амвросий (А. И. Ключарев). Он сказал: «В недавнее время паука пашла как бы клад: множество дашных для изучения человека в глубине недр земных... На различных слоях земной коры добыты эти черепа и кости людей... С ними лежали и орудия деятельности древних людей, сначала грубые, потом более совершенные. Так и по Библии. Первые ризы, которые сотворил господь нашим прародителям, были кожаные, звериные шкуры (Быт., 3, 21). Из земли, лишенной первого плодородия, они должны были в поте лица добывать хлеб свой (19)... Вот как давно намечены открытые ныне периоды — каменный, медный и железный... Так ученые путем точных исследований подходят к вере. Жаль, что от многознания они иногда впадают в самомнение и тем поставляют преграду между естественной мудростью и ведением божественным... Да благословит господь труды русских ученых, веру оправдывающие и веру утверждающие»⁷⁴.

Посетившие выставку иностранные гости вместе с ее организаторами ездили на прием в Троице-Сергиеву лавру, и у французских антропологов создалось даже впечатление, что православное духовенство более терпимо к науке, чем католическое.

Богданов все время подчеркивал, что выставку готовили «люди науки», а не нигилисты с улицы. И это действовало на тех, от кого зависела судьба всех ученых предприятий. В цитированных выше стихах А. К. Толстого тоже противопоставлены теория Дарвина и нигилизм:

Нигилистов, что ли, знамя
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвином и теми?⁷⁵

О чисто научной основе споров относительно древности человека пишет в своей книге Попов.

Любопытны и рассуждения Мильчевского: не нужно смешивать религиозные проблемы с научными. Наука — область ума, религия — область сердца. «Но пусть они начнут

заглядывать друг к другу и запускать руки в душу, пусть христианин примется мудрствовать лукаво, а паука соблазнять христианские сердца и отклоняться от пути истинного, дела никак не выйдут, а пакость произойдет велия для обеих сторон»⁷⁶.

Тенденция к сглаживанию противоречий между наукой и религией продержалась недолго. После убийства Александра II народолюбцами реакция перешла в наступление. «Победоносцев над Россией простер совиные крыла» (А. Блок. «Возмездие»). О том, что это значило для исследователей каменного века, позволяет судить книжка А. Д. Беляева «Характеристика археологии»⁷⁷.

Беляев — профессор догматического богословия Московской духовной академии. Он окончил ее в 1876 г. (направлен из Рязанской семинарии), в 1880 г. защитил магистерскую диссертацию «Любовь божественная», в 1899 г. — докторскую — «О безбожии и антихристе. Том. I. Подготовленные, признаки и время пришествия антихриста»⁷⁸.

В 1887 г. он, тогда еще магистр богословия и доцент Духовной академии, отправился в Ярославль на VII археологический съезд, где прочел доклад «Значение книги Бытия для археологии». Основной тезис доклада: если каменный век и был, то очень недолго. Попутно Беляев пытался подкрепить материалами раскопок библейские легенды о существовавших некогда исполинах. Успеха доклад не имел. С возражениями выступили несколько участников заседания, в том числе Анучин⁷⁹. Вернувшись со съезда, Беляев поместил отчет о нем в реакционной газете «Русское дело», а потом составил более пространную статью. Она вышла сперва в богословско-философском журнале «Вера и разум»⁸⁰, издававшемся в Харькове под эгидой архиепископа Амвросия, того самого, который произнес речь при открытии Антропологической выставки. Затем появилась и книга.

Написана она очень ловко. Сначала говорится о возникновении и развитии цикла новых наук. Это геология, палеонтология. Наряду с ними «первобытные древности стали возбуждать живой интерес, и доисторическая археология заняла господствующее положение среди других отраслей археологии» (с. 6). Беляев вроде бы это приветствует, с уважением упоминает о Буше де Перте и даже удивляется, почему на съезде не почтили его память в связи со столетием со дня рождения. «Горизонт истории сразу раздвинулся на необозримое пространство» (с. 7). Все как будто прекрасно, но вскоре начинают проскальзывать другие пот-

ки. А вдруг ожидание от новых наук полного переворота в наших представлениях о прошлом преувеличено? Не сказался ли здесь появившийся в XIX в. «дух разрушения»? Так ли уж поколеблено священное писание? Ведь раскопки в Египте и Месопотамии «служат к уяснению и подтверждению библейского повествования» (с. 10).

Исследование культуры ископаемого человека — молодая научная дисциплина. На взгляд Беляева, ее исходные позиции «не выработаны, самые существенные вопросы не разрешены. Вообще собственно научная сторона в археологии крайне несовершенна» (с. 19). И далее: «Название той части археологии, которая ведает первобытными древностями, доисторическою, быть может, изобретено гордостью и тщеславием археологов, которые, открывши каменные и бронзовые орудия, возомнили, будто они рассеяли мрак первобытных времен, тогда как на самом деле на вопросы, где и когда появились первые люди, какими орудиями они пользовались, каким эпохам и каким народам принадлежат каменные орудия и т. п., археологи не дали положительных ответов» (с. 24).

Беляев не отрицает, что эти изделия — реальный факт, но не верит, что они очень древние. Обнаружившие их ученые точных дат не называют, ссылаются на геологов, но и те создать абсолютную хронологию не в состоянии, довольствуются относительной — по последовательности залегания слоев. Обработанные кремни находят иногда очень глубоко, в слоях, перекрытых многими другими, но у Беляева и тут есть возражения: а не провалились ли эти вещи вглубь по трещинам в земле, не попали ли туда при размыве берегов, наводнениях, оползнях, землетрясениях? «Геологи и археологи... насчитывают сотни тысяч лет таким предметам, которые, быть может, произошли на памяти истории» (с. 44). Употребляют же каменные топоры иные современные племена.

А что такое эти племена — случайно уцелевшие островки первобытного мира или почему-либо одичавшие люди? Прошел по земле, предполагает Беляев, какой-нибудь допотопный Тамерлан, разорил цветущие города, их жители одичали и вместо металлических стали делать орудия из камня (о том, что изготовить самый грубый кремневый нож, если утрачены навыки такой работы, совсем не просто, автор не думает).

Народы, согласно его убеждениям, бывают «даровитые и тупоумные» расы — «активные и пассивные», а отсюда догадка: тупоумные пользовались каменными изделиями, а да-

ровитые — железными. Правда, те и другие никогда не находят в одних слоях, но не исключено, что железо истлевало в земле.

Нет, уверяет читателей магистр богословия, не было последовательной смены «трех веков» — каменного, бронзового и железного, все это одновременные явления. «Ни в геологии, ни в палеонтологии, ни в археологии нет ответа, когда начался и когда кончился каменный век» (с. 33).

Археологи говорят об эволюции орудий и выстраивают свои находки в ряды, иллюстрирующие развитие от примитивных форм к более совершенным, принимая примитивные за древнейшие. А почему не допустить, — спрашивает Беляев, — что одно племя делало ашельские рубила, другое — мустьерские острокопечники, а третье — бронзовые кинжалы? Кремневые орудия могли долго употреблять в районах, лишенных месторождений железа. В качестве доказательства названы руины древних городов в Америке. Они свидетельствуют о высокой культуре, но изделий из железа в них нет. Беляев считает, что так вполне могло быть и на Русской равнине, умалчивая о самом распространенном болотном железе. По Уварову, первые люди проникли на территорию Европы из Азии. А не пришли ли они сюда, обладая металлом, а тут из-за отсутствия месторождений забыли о нем, — предполагает Беляев. И наоборот, добавляет он, есть страны, где камня мало, — например, Египет и Месопотамия. Там и палеолитических, и неолитических стоянок почти нет, а в преданиях обитателей этих стран не сохранилось воспоминаний о таких периодах. Наверное, эти народы искони владели металлургией.

К 1890 г. было создано уже несколько вариантов периодизации каменного века. Основания их Беляев не анализирует — для его целей важно лишь то, что у Ларте своя схема, а у Мортилье — своя. Это, на взгляд богослова, доказывает, что ученые не знают, как все обстояло на самом деле. А поскольку все периодизации еще и локальны: во Франции — одна, в Скандинавии — другая, — ему кажется, что в разработке подобных схем и смысла нет. Он с радостью сообщает, что, по словам Иностранцева, кое-где неолит был даже раньше палеолита. Ненаучность трудов археологов Беляев усматривает и в том, что принципы классификации у них самые разные: то они руководствуются формой орудий, то палеонтологическими данными, то какими-нибудь другими, сугубо частными наблюдениями.

Раздражение автора нарастает: «Наука о первобытных древностях имеет вид не здания, хотя бы и дурно построен-

ного, а громадной массы мусора, которую археологи разбирают и кладут предметы в отдельные кучи» (с. 64). Раз специалисты не могут с уверенностью сказать, когда именно сделано то или иное орудие, значит, эти вещи — ненужный «балласт в музеях» (с. 34).

В итоге исподволь подсказывается вывод: надо вернуться к традиционным представлениям о начале истории. «Человек существует столько, сколько показывает библейская хронология» (с. 50). Когда вымер мамонт, точно неизвестно. Из книги Бытия неясно, сколько времени прошло от Адама до «первого ковача». Вот и надежнее всего считать, что каменный век кончился тысячу лет назад, а на мамонта охотились четырьмя-пятью тысячами лет раньше, до потопа. Находок, относящихся к допотопной эпохе, — оббитых кремней, залежавших вместе с костями исчезнувших животных, очень мало. Что же касается ископаемых людей — неандертальцев, то здесь Беляев ссылается на Вирхова, расценившего череп из Дюссельдорфа как останки современного дегенерата. Так постепенно читатель подводится к заранее заданной цели: человечеству 7 тыс. лет, как и положено по Библии.

Делает Беляев и прогноз на будущее: скорое «охлаждение к археологии». Впрочем запрещать ее он не собирается — напротив, рекомендует учредить кафедры археологии в университетах (первая такая кафедра была открыта только в 1893 г. в Вене для М. Гернеса), заняться теорией этой науки, чтобы отойти от эмпиризма, мелкой фактографии, определить предмет отдельных дисциплин (ведь что такое «древности», далеко не ясно). Разумеется, Беляев надеялся, что возглавят новые кафедры не «археологи-дарвинисты», а люди вроде него самого.

Задачи, стоявшие перед Беляевым при подготовке его брошюры, понятны. Исследователи каменного века не могли не почувствовать, что перед ними опасный противник. Он начитан — знает труды геолога А. Пенка и антропологов Вирхова и Брока, археологов Ларте, Мортилье, Картальяка, Ворсо, Уварова, Иностранцева, умеет подмечать слабые места в разбираемых работах. Сейчас-то мы опровергнем его очень легко: у нас есть полученные методами точных наук надежные даты, стоянки каменного века найдены во всех странах, в том числе и «библейских», на основе четкой стратиграфии всюду установлена последовательность в развитии культуры от палеолита до письменных этапов истории. Но читателям журнала «Вера и разум» все это было еще неведомо. У них складывалось впечатление, что богослов наго-

лову разбил ученых, дерзнувших усомниться в священном писании.

Кое в чем он был и прав: например, в проблеме эолитов. Ее поднял во Франции в 1867 г. аббат Л. Буржуа, заявивший, что обработанные человеком кремни встречаются не только в слоях четвертичного периода, но и в более древних — третичных. Мортилье это убедило. Вопрос об эолитах обсуждался на Конгрессе доисторической археологии в Брюсселе в 1872 г., причем к какому-либо решению участники его так и не пришли (у нас об этом писали Китицын и Попов)⁸¹. Беляев не поверил в эолиты и мог бы потом торжествовать: это всего лишь естественно расколотый камень. Отличать его от искусственно обработанного исследователи научились не сразу.

Беляев считал неудачным термин «доисторическая археология». Не пользуются им и советские ученые, правда, по другим соображениям. По Беляеву, доисторической эпохи не было, ибо начало истории отражено в Библии. Для наших специалистов огромный дописьменный период, не запечатлевшийся ни в Библии, ни в иных памятниках того же рода, — часть истории, первобытный ее этап.

Беляев резонно видел в археологии одну из дисциплин исторической, а не биологической науки, верно говорил, что предметы из раскопок надо изучать в подлинниках, а не в копиях. Он спорил с Мортилье, писавшим, что в раннем палеолите не было ни употребления огня, ни зачатков религии. Стоянки этого периода плохо сохранились, — возражал Беляев. И действительно, на поселениях ашельского возраста, типа рассмотренных Мортилье (но не на более древних), теперь известны и кострища, и своеобразные скопления костей, свидетельствующие о каких-то обрядах.

Вот какого серьезного оппонента выставили клерикальные круги против ученых, пытавшихся понять, как возникли человек и его культура. Вряд ли Беляев пустился в полемику на свой страх и риск. Скорее он выполнял задание кого-либо из соратников Победоносцева. Недаром позднее он выступал в печати с обличениями далеких от официальной церковности взглядов Льва Толстого и Владимира Соловьева. В противоположность Макарию и Амвросию Беляев не стремится приспособиться к достижениям науки, договориться с ее представителями. Он агрессивен.

Книга Беляева не стоит особняком. Были тогда и другие, преследовавшие те же цели. На одну из них указал мне литературовед А. В. Храбровицкий. Это сочинение П. И. Бапкальского «История происхождения неба, Земли и трех

царств природы — минерального, растительного и животного — по откровенному священному писанию и по научным исследованиям» (Нижний Новгород, 1889). По сравнению с Беляевым Банкальский не просто хуже подготовленный человек, а дремучий невежда. В. Г. Короленко, видимо знавший его лично в годы жизни в Нижнем Новгороде после ссылки, говорил о нем как о «философе-винооторговце»⁸². Доморощенный философ кое-что прочел из популярных, в основном переводных, книг по естествознанию. Распределяются они так: изданных в 1850-х годах — четыре, в 1860-х — 17, в 1870-х — четыре. Литература, вышедшая после 1878 г., не привлечена вовсе. Это позволяет считать, что написано интересующее нас произведение еще в 1860—1870-х годах. И в самом деле, первая половина его уже была напечатана раньше, в 1874 г. в Москве, под названием «Силы природы в согласии с библейским сказанием о шестидневном творчестве».

Определяемое тем самым время работы над книгой объясняет нам, почему тон ее относительно умеренный. Автор начинает с тезиса: знания о мире основаны, с одной стороны, на чтении Библии, а с другой — на наблюдениях за жизнью природы, восходящих к тому же, что и в первом случае, истоку — духу святому. Естествоиспытатели XIX столетия — Кант, Лаплас, Гумбольдт, Дарвин и прочие — собрали много интересных фактов, но толковали их ложно и, более того, направили мысль современников по опасному пути. Надо те же факты согласовать со священным писанием. Взявшись за это, автор вполне обнаружил свое глубокое невежество. Достаточно того, что кита он именовал рыбой (с. 157, 158).

Предисловие к книге 1889 г. выдержано в более агрессивном тоне, чем основной текст. Вероятно, оно составлено позже. То же можно сказать и о разделе «Человек и его значение и жизнь в мире животных», самом большом в книге (с. 199—239). Источники его особенно скудны — популярный очерк первобытной истории Фигье и «Основные начала геологии» Лайелла (русский перевод 1866 г.). Банкальский упомянул неандертальца, кьёккенмеддинги, свайные постройки, дольмены, менгиры, но как все это соотносилось друг с другом, не имел ни малейшего представления. Схема его проста: Адам был создан в Азии 7 тыс. лет назад, оттуда потомки его расселились по всему Свету. В Европе они деградировали в неандертальцев, пользовавшихся каменными орудиями, тогда как в Азии отпрыск Каина Фовел был уже «ковачем». Памятники эпохи камня в России автору не были известны.

Книга вызвала отклик Короленко. Он пытался опубликовать его в казанских газетах, но цензура рецензию не пропустила⁸³. Храбровицкий думает, что именно этот текст увидел свет без подписи в журнале «Русская мысль» в 1890 г.⁸⁴ Избегая резкостей, рецензент все же называет вещи своими именами: автор совершенно не знает предмета, а читателям предлагает «смехотворный хаос».

Книга Банкальского вроде бы не имела характера официального издания. Но не случайно на ней стоит виза цензора Московского комитета духовной цензуры протоиерея Платона Капустина. Не случайно некролог провинциалу Банкальскому появился в столичном суворинском «Новом времени»⁸⁵. Цензура недаром оберегала от критики беспомощного в научном отношении автора. Ценность его сочинения виделась в другом.

Реакция наступала. В 1884 г. была закрыта созданная в 1876 г. кафедра антропологии Московского университета. Возродилась она только после Октябрьской революции, в 1919 г.

Этот период сыграл большую роль в судьбе как молодой русской науки о каменном веке, так и зашнмавшихся ею людей. Прекратил раскопки палеолитических стоянок в Крыму К. С. Мережковский. Отошел от исследований в области антропологии Богданов.

Но победить свободную научную мысль клерикалы были не в состоянии. Как это нередко бывает, она вскоре же прорвалась совсем не там, где можно было ожидать, — в труде человека довольно консервативного, которого Беляев готов был взять себе в союзники: в книге Иностранцева «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера».

Автора интересовала проблема возраста собранных в Приладожье материалов. Сделав оговорку, что об «абсолютном счислении нечего и думать», он все же наметил путь к точной датировке: определение скорости накопления осадков, перекрывших слой с каменными орудиями. Первый опыт такого расчета принадлежит английскому геологу Л. Хорнеру. В 1851 г., изучая илистые отложения Нила у обелиска в Гелиополе и статуй Рамзеса II в Мемфисе, он пришел к выводу, что за 4150 лет накопилось 11 футов ила, откуда можно вывести, что каждые 100 лет откладывалось по 3,18 дюйма⁸⁶.

Тот же метод применил Иностранцев. За исходную точку он взял не предметы каменного века, а найденный в торфе много выше них железный топор, подобный тем, что

встречались в курганах X—XI вв. в Петербургской губернии. Установив, какая толща накопилась с этого времени, и высчитав, сколько отлагалось в среднем за столетие, Иностранцев предложил абсолютные даты для каменного века в Приладожье — 8500—9300 лет от сего дня, хотя и настаивал на них⁸⁷.

Сейчас археологи, располагающие более надежными методами датирования, не принимают расчет Иностранцева и относят культурные остатки с ладожских каналов к III—II тысячелетиям до н. э. Причина ошибки в том, что толщина отложений за год и на Ниле, и на Ладоге принималась за постоянную величину. Между тем, год на год не приходится: когда-то накопление осадков шло быстрее, когда-то медленнее.

Несмотря на ошибочность вывода Иностранцева, надо отдать должное его смелости в разработке сложной проблемы. Смелость Иностранцева выразилась и в том, что он назвал цифры, решительно расходящиеся с библейскими. Неудивительно, что духовная цензура возражала против того, чтобы монография Иностранцева была в общедоступных библиотеках⁸⁸.

Не удалось реакционерам помешать и продолжению раскопок палеолитических стоянок в России. В 1886 г. И. Т. Савенков исследовал поселение Афонтова гора на Енисее, в 1893 г. В. В. Хвойка — Кирилловское в Киеве, в 1896 г. П. Ф. Кащенко — Томское местонахождение. Попытки церкви и цензуры пресечь в нашей стране развитие науки о первобытном человеке оказались тщетными.

Послесловие

Собранные в этой книге очерки не претендуют на то, чтобы дать полную картину развития археологии в России. Больше всего я говорил о памятниках, лучше мне известных по ходу моих специальных занятий или в силу личных интересов, — о стоянках первобытного человека и остатках русской старины. Значительно меньше сказано здесь об изучении античных и скифо-сарматских древностей, почти ничего — о раскопках на Кавказе, в Средней Азии, в Прибалтике. Рассмотрен, к тому же, ограниченный отрезок времени: два очерка посвящено допетровской эпохе, два — XVIII в., девять — первой половине XIX в., только три — второй половине этого столетия, и лишь в одном я немного коснулся начала XX в. Точно так же обойдены здесь некоторые весьма достойные деятели нашей культуры, имеющие бесспорные заслуги перед археологией или охраной памятников в России.

Свою задачу я видел не в исчерпывающем учете фактов, имен, публикаций, а в том, чтобы наметить основные линии в исследовании увлекавшей меня проблемы. Разумеется, и затронутые темы — наука и искусство, наука и художественная литература, русская наука и мировая, наука и религия, наука и цензура — нуждаются в дальнейшем более глубоком анализе. Но общий принцип — эволюцию любой гуманитарной дисциплины надо изучать на широком историко-культурном фоне, как мне кажется, должен быть ясен.

Возможен ли такой же подход к более позднему периоду развития археологии? Вероятно, не всегда. К концу XIX в. накопленный объем знаний был уже столь велик, что неизбежно возникла специализация. Немало ученых стало жить замкнуто, в узко академической сфере, в отрыве от духовных исканий своего поколения.

И все же интерес к прошлому, в том числе и самому отдаленному, и тогда был свойствен не одним только архивистам и антиквариям. И. С. Тургенев собирался напечатать информацию о Чертомлыцком кургане в «Gazette des Beaux

Arts»¹. Д. П. Мамин-Сибиряк вел раскопки на Урале². Среди художников выделяется фигура П. К. Рериха. Его статьи о неолитических стоянках и славянских курганах Новгородской земли³ и сейчас нередко цитируют в наших научных журналах и монографиях. Раскопки не были случайным увлечением молодого живописца. Рерих мечтал отыскать «изначальную красоту» — истоки искусства. «Хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверкающим истинных украшений», — признавался он в статье «Радость искусству»⁴. Эти слова, сказанные в начале своей деятельности, художник мог повторить и в старости, в далеком Кулу, подготавливая «пакт Рериха» о защите сокровищ культуры в условиях военных действий. Рерих был не одинок. Свой вклад в археологию внесли и его учитель В. В. Стасов⁵, и А. М. Васнецов⁶.

По-прежнему тянулись к литературе и искусству и сами археологи. Исследователь Дьякова городища, Гнездовских курганов и других важных для нас памятников В. И. Сизов отдал много сил работе в Большом и Малом театрах, консультируя постановки «Ивана Сусанина», «Дон-Кихота» и т. д.⁷ Но бывало и иначе. М. М. Коцюбинский в письмах к В. М. Гнатюку с глубокой антипатией говорил о Черниговском археологическом съезде как о чем-то глубоко реакционном и бесконечно далеком от народных нужд⁸.

Но дело, конечно, не столько в этих прямых контактах художников и писателей с археологами и обратно, сколько в том, что и та и другая сторона по-своему откликалась на одни и те же события в жизни страны или движения научной и общественной мысли.

Известна переписка А. П. Чехова и Н. П. Кондакова. Само по себе это любопытно, но вряд ли было бы правильным придавать этому знакомству большое значение. Нет никаких данных об интересе Чехова к древностям. А вот интерес к науке в целом у него был всегда, и в творчестве Чехова отразились идеи, оказывавшие влияние на ученых того же времени, в частности и на археологов. Этот аспект темы остается актуальным и при анализе пути, пройденного археологией в конце XIX и XX в.

Я буду очень рад, если эта несовершенная книга вызовет у читателей желание продолжить исследование истории отечественной археологии. Материалов, заслуживающих внимания, много. Я пользовался почти исключительно печатными источниками. А ведь есть еще и архивы...

Примечания

От автора

На большинство статей даны ссылки в самой книге. Укажу еще: *Формозов А. А.* Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье.— СА, 1971, № 1, с. 191—193; *Он же.* Археология в Академии наук.— СА, 1974, № 2, с. 3—13; *Он же.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии.— СА, 1975, № 4, с. 5—13; *Он же.* Археология и архивы.— В кн.: Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978, с. 38—48; *Он же.* Рец. на кн.: *Токарев С. А.* История русской этнографии.— СЭ, 1966, № 6, с. 135—139; *Он же.* Историзм русской литературы (Рец. на кн.: *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы).— Новый мир, 1969, № 4, с. 267—271; *Он же.* Новые польские книги по истории археологии.— СА, 1969, № 3, с. 286—289.

² См., например: *Дмитриева Е. Н., Левашева В. П.* Материалы из раскопок сибирских бугровщиков.— СА, 1965, № 2, с. 225—236; *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города.— МИА, 1956, 50, с. 9—34.

³ См., например: *Марти Ю. Ю.* Сто лет керченского музея. Керчь, 1927; *Гриневиц К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927; *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923, ч. I, с. 98—193; *Арциховский А. В.* Археология.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, ч. I, с. 523—535; 1960, ч. II, с. 614—632; 1963, ч. III, с. 586—596; *Илларионов В. Т.* Опыт историографии палеолита СССР. Горький, 1947; *Семенов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947; *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 1969—1972, ч. 1; 2.

⁴ В этом направлении наши ученые продвинулись не очень далеко. Можно назвать, пожалуй, лишь брошюру: *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. Худяков поднял большую литературу и сделал ряд интересных наблюдений, но дух вульгарного эгопомизма, который сказывался в советской историографии начала 30-х годов, лишает это сочинение какой-либо объективной ценности. В эволюции научных идей Худяков неизменно видел прямое отражение эгопомии России, всего лишь ответ на те или иные требования торгового капитала.

Блок А. Крушение гуманизма.— В кн.: Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1962, т. 6, с. 104.

⁶ *Менделеев Д. И.* Перед картиною А. И. Куинджи.— В кн.: Соч.: В 25-ти т. М., 1954, т. XXIV, с. 247, 248.

⁷ Тернер. Пять писем и postscriptum Льюиса Гаинда. Пер., предисл. и примечания К. А. Тимирязева.— В кн.: *Тимирязев К. А.* Соч.: В 10-ти т. М., 1940, т. X, с. 297—332.

- ⁸ *Василенко С. Н.* Страницы воспоминаний. М.; Л., 1948, с. 161.
- ⁹ *Барсуков П. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910, кн. I—XXII.
- ¹⁰ *Керам К.* Боги, гробницы и ученые. Роман археологии. М., 1960.
- ¹¹ *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 151.
- ¹² *Глинка Ф. Н.* О древностях в Тверской Карелии.— Журнал Министерства внутренних дел, 1836, ч. 19, кн. 3, с. 433—452.
- ¹³ *Новомбергский П. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В.* Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в русском государстве XVII в.— В кн.: Очерки по истории геологических знаний. М., 1959, вып. 8, с. 45. Этот упрек адресован, конечно, не П. Я. Новомбергскому, а Л. А. Гольденбергу и В. В. Тихомирову, перекроившим статью покойного историка и перепутавшим грабительские раскопки на городище с поисками полезных ископаемых.

Возникновение русской археологии

I

- ¹ *Евгений*, митрополит [*Болховитинов Е. А.*]. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот. Киев, 1826, прибавление, с. 4. Вероятная дата грамоты — конец XVI—XVII в. См.: *Щапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти древней Руси.— В кн.: Древнерусские государство и его международное значение. М., 1965, с. 334.
- ² Древности, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1846; *Иванцов И. О.* Шевченко і археологія.— В кн.: Пам'яті Т. Г. Шевченка. Київ, 1939, с. 570—572; *Шевченко Т. Г.* Полне зібрання творів: В 10-ти т. Київ, 1963, т. 8, табл. 58.
- ³ ПСРЛ. М., 1962, т. I, стб. 220, 227, 322; т. II, стб. 534; СПб., 1856, т. VII, с. 54.
- ⁴ *Генинг В. Ф.* Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере.— СА, 1954, XXI, с. 259.
- ⁵ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950, с. 64, 65.
- ⁶ *Веселовский А. Н.* Русские и вильтины в саге о Тидрике Берпском (Веронском).— В кн.: Изв. ОРЯС. СПб., 1906, т. XI, кн. 3, с. 18.
- ⁷ *Замятин С. Н.* Первая русская инструкция для раскопок.— СА, 1950, XIII, с. 288.
- ⁸ *Веселовский А. Н.* Русские и вильтины..., с. 15, 16.
- ⁹ *Антонович В. Б.* Змиевы валы в пределах Киевской земли.— Киевская старина, 1884, № 3, с. 361, 362; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957, т. 1, с. 327, 328.
- ¹⁰ ПСРЛ. М., 1965, т. IX/X, с. 65, 66.
- ¹¹ *Гурина Н. Н.* Каменные лабиринты Беломорья.— СА, 1948, X, с. 125—142; *Она же.* О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей.— МИА, 1953, 39, с. 408—420.
- ¹² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1824, т. XI, примечания, с. 20. В. Б. Кобрин любезно сообщил мне, что Карамзин цитировал справку о размежевании спорных лапландских земель, составленную из разных грамот в XVII в. Посольским приказом. Фрагмент этого документа хранится без номера в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 53, л. 164—166).
- ¹³ *Веселовский А. Н.* Русские и вильтины..., с. 126—128.
- ¹⁴ *Попов А. И.* Валит.— В кн.: Советское финноугроведение. Петрозаводск, 1949, V, с. 132—138.

- ¹⁵ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым.— В кн.: Русская историческая библиотека. СПб., 1897, т. XVI, с. 383. В грамоте, как следует из ее контекста, «археологические обоснования» русских прав на Кольский полуостров приводились вторично. В первый раз об этом говорилось, очевидно, в грамоте Г. Б. Васильчикова, из которой издан только цитированный отрывок. Опубликовавший его Карамзин не знал зато о второй грамоте.
- ¹⁶ ПСРЛ. М., 1965, т. XV, стб. 337, 338; *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче.— В кн.: Тр. Отд. древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР. Л., 1949, т. VII, с. 17—51.
- ¹⁷ См., например: *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 7, 13, 23, 44, 96 и т. д.; *Коробка Н. И.* Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче.— В кн.: Изв. ОРЯС. СПб., 1908, т. XIII, кн. 2, с. 292—328; *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970, с. 28.
- ¹⁸ Записи преданий о кладах в курганах см.: *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, с. 6—66; *Смирнов В. И.* Клады, паны и разбойники.— В кн.: Тр. Костромского научного об-ва по изучению местного края. Кострома, 1921, вып. XXVI, с. 1—48; *Соколова В. К.* Русские исторические предания, с. 188—225.
- ¹⁹ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 119, 215.
- ²⁰ *Введенский С. Н.* Кудеярова поклажа.— ИОАИЭ, 1906, т. XXII, вып. 1, с. 7—22; *Новомбергский Н. Я.* Клады и кладоискательство в Московской Руси XVII столетия.— ЖМНП, 1917, № 2, с. 157—203; *Дружинин М. А.* Народные предания о Кудеяре.— Тульский край, 1926, № 3, с. 29—35; *Соколова В. К.* Русские исторические предания, с. 209—225.
- ²¹ *Пименов В. В.* Чудские предания как источники по этнокультурной истории Европейского Севера СССР.— СЭ, 1968, № 4, с. 30—42; *Он же.* Вепсы. М.; Л., 1965, с. 117—169; *Элиасов Л. Е.* Русский фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1960, т. II, с. 80—82; *Лашук Л. П.* Чудь историческая и чудь легендарная.— ВИ, 1969, № 10, с. 208—216.
- ²² *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936, с. 31.
- ²³ Книга Большому Чертежу, с. 62, 64, 65, 70, 71, 74, 78 и т. д.
- ²⁴ *Кызласов Л. Р.* Начало сибирской археологии.— В кн.: Историко-археологический сб. М., 1962, с. 44, 45; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882, л. 17, 22; *Милеску-Спафарий Н.* Сибирь и Китай. Кипшиев, 1960, с. 70.
- ²⁵ Сплошениа России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым. М., 1889, вып. I, с. 401—405; Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. СПб., 1861, с. XIII—XIV.
- ²⁶ *Кызласов Л. Р.* Начало сибирской археологии, с. 43.
- ²⁷ *Новомбергский Н. Я.* Клады и кладоискательство..., с. 173, 174.
- ²⁸ *Пекарский П. П.* Известие времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавшихся в татарских могилах в Сибири.— В кн.: Изв. РАО. СПб., 1865, т. V, с. 38.
- ²⁹ *Радлов В. В.* Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, прилож., с. 113.

- ³⁰ *Спасский Г. И.* О сибирских древних курганах.— В кн.: Сибирский вестник. СПб., 1818, ч. 2, с. 29, 32—35.
- ³¹ *Оглоблин Н. Н.* «Сыскные дела» о кладях в XVII в.— В кн.: Чтения в Историческом об-ве Нестора Летописца. Киев, 1893, кн. VII, с. 119.
- ³² *Спицын А. А.* Майдапы.— ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. 1, с. 1—4.
- ³³ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1772, ч. II, с. 97, 98.
- ³⁴ Доклад сына боярского Григория Лопшакова и казачьего десятника Филипа Яковлева с товарищами, бывших в верховьях р. Аргуни для проведования серебряных руд.— В кн.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. М., 1867, т. X, с. 328, 329.
- ³⁵ *Замятнин С. Н.* Первая русская инструкции для раскопок, с. 288.
- ³⁶ *Борисов В. Г.* Новый документ из истории археологии в России XVII в.— СА, 1963, № 4, с. 253—255; *Чернецов В. И.* Наскальные изображения Урала, вып. 2.— САИ, 1971, вып. В4-12, с. 9—12. Эпизод относится к началу царствования Петра I, но отражает скорее предшествующую стадию развития археологических знаний в России. Неясно, принадлежала ли пщициativa обследования писаницы Петру или воеводе Козлову. Во всяком случае, грамота 1699 г. ближе по духу грамоте 1684 г. чем указу 1718 г. (см. об этом раздел II данного очерка).
- ³⁷ Луцидарнус.— В кн.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихомировым. М., 1859, т. 1, кн. 1, отд. II, с. 57, 58; *Забелин И. Е.* История русской жизни. М., 1879, ч. 2, с. 510, 511; *Срезневский И. И.* Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897, с. 101; Домострой по Кошшинскому списку и подобным. М., 1908, с. 22.
- ³⁸ *Седова М. В.* Амулет из древнего Новгорода.— СА, 1957, № 4, с. 166, 167.
- ³⁹ ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 23.
- ⁴⁰ ПСРЛ. М., 1962, т. II, стб. 277.
- ⁴¹ *Оглоблин Н. Н.* «Сыскные дела» о кладях..., с. 118.
- ⁴² Цит. по кн.: *Радлов В. В.* Сибирские древности.— МАР, 1888, 3, прилож., с. 4.
- ⁴³ *Арциховский А. В.* Археология.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, ч. I, с. 523, 524.
- ⁴⁴ *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. Berlin, 1962, T. 1, S. 87, 110.

II

- ⁴⁵ *Барсов Е. В.* О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом.— В кн.: Древности. М., 1883, т. IX, вып. II/III, протоколы, с. 22, 23. Ср. приведенную выше грамоту 1699 г. об обследовании Ирбитской писаницы.
- ⁴⁶ *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.— САИ, 1962, вып. ДЗ-9, с. 11; *Завитухина М. П.* Об одном архивном документе по истории сибирской коллекции Петра I.— В кн.: Сообщения ГЭ, 1974, XXXIX, с. 34—36; *Она же.* Собрание М. П. Гагарина 1716 г. в сибирской коллекции Петра I.— В кн.: Археологический сб. ГЭ, 1977, 18, с. 41—55.
- ⁴⁷ ПСЗ (1-е собр.). СПб., 1830, т. V, с. 542, № 3159.

- ⁴⁸ Распоряжение Петра I о вознаграждении за археологические находки.— РС, 1872, № 10, с. 474.
- ⁴⁹ ПСЗ (1-е собр.). СПб., 1830, т. VI, с. 357, 358, № 3738.
- ⁵⁰ Радлов В. В. Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, прилож., с. 138.
- ⁵¹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830, ч. I, с. 130; [Голоиков И. И.]. Деяния Петра Великого. М., 1789, ч. VIII, с. 194.
- Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов. СПб., 1795, ч. 6, с. 52, 53.
- ⁵³ Богословский М. М. Петр I. М., 1941, т. II, рис. 24.
- ⁵⁴ Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940, с. 78.
- ⁵⁵ Снасский И. Г. Очерки по истории русской пумизматики.— В кн.: Тр. ГИМ. М., 1955, т. 25, с. 65.
- ⁵⁶ Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской.— В кн.: Избр. тр. по географии России. М., 1950, с. 87, 88; Ломоносов М. В. Запросы, которыми требуются в имп. Академию наук географические известия.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 10-ти томах. М.; Л., 1955, т. 9, с. 201—203.
- ⁵⁷ Радлов В. В. Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, с. 140—146.
- ⁵⁸ ПСЗ (1-е собр.). СПб., 1830, т. XIX, с. 263, 264, № 13593.
- ⁵⁹ См., например: Порфирьев С. И. Древности Казанского края в актах генерального межевания.— ИОЛИЭ, 1904, т. XX, вып. 1/3, с. 1—16.
- ⁶⁰ Библиографию см.: Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 31—33; Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций...
- ⁶¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. I, с. 190.
- ⁶² Паллас П. С. Рассуждение о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских.— В кн.: Академические изв. на 1780 г. СПб., ч. V, с. 312—337.
- ⁶³ Добродушный сибиряк. Сибирская археология.— Восточное обозрение. Иркутск, 1883, № 12, с. 12, 13. Псевдоним раскрыт по указателю И. Ф. Масанова.
- ⁶⁴ Дневные записки... Ивана Лепехина... СПб., 1771, ч. I, с. 265—283.
- ⁶⁵ Записки Державина.— В кн.: Державин Г. Р. Соч.: В 9-ти томах. СПб., 1871, т. VI, с. 423, 424.
- ⁶⁶ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 52.
- ⁶⁷ Спицын А. А. Сибирская коллекция Кунсткамеры.— ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. 1, с. 245.
- ⁶⁸ О перунах или громовых стрелах в прибавление к примечаниям о громах.— Исторические, генеалогические и географические примечания на ведомости, в Санкт-Петербурге, ч. СХХХIX, ноября 8 дня 1731 г., с. 366. Автор статьи неизвестен, по поскольку она продолжает печатавшиеся в предшествующих номерах статьи о громах, это скорее ученый-естественник, чем гуманитарий.
- ⁶⁹ Радлов В. В. Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, прилож., с. 113.
- ⁷⁰ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727, T. 1, S. 169.
- ⁷¹ [Миллер Г. Ф.]. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных.— В кн.: Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1764, декабрь, с. 494.
- ⁷² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788, т. III, 1-я половина, с. 504.

- ¹³ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I.
- ¹⁴ Дмитриева Е. Н., Левашева В. П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков.— СА, 1965, № 2, с. 225—236.
- ¹⁵ Шафрановская Т. К. О сокровищах петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII в.).— СЭ, 1965, № 2, с. 147—156.
- ¹⁶ Supplement au livre de l'antiquité expliquée et représentée en figures. T. VII. Les funeraillies. Par Bernard de Montfaucon. Paris, 1724, p. 152—154; Формозов А. А. Из истории Кунсткамеры.— ВИ, 1968, № 5, с. 214—216.
- ¹⁷ Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 г. СПб., 1770, вклейки к с. 3, 7, 9, 51, 141, 151; Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб., 1787, вклейки к с. 260, 266.
- ¹⁸ Радлов В. В. Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, прилож., с. 114. Показательно, что в Кунсткамере уже в начале XVIII в. хранилось более десятка древних сосудов (Ленинград. отд. Архива АН СССР, р. IX, оп. 4, № 6, 47, 252—260, 306—308, 564). Внимание к старинной керамике, проявившееся в указе Петра 1718 г. и в инструкциях В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера, принесло свои плоды.
- ¹⁹ [Миллер Г. Ф.]. Изъяснение о некоторых древностях..., с. 502.
- ²⁰ Там же, с. 486.
- ²¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, 1950, 18, с. 18—21.
- ²² Байер Г. О стене кавказской.— В кн.: Краткое описание комментариев Академии наук. СПб., 1728, с. 167—207.
- ²³ История русского искусства: В 12-ти т. М., 1960, т. V, с. 485.
- ²⁴ Пальмов Н. Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева.— В кн.: Изв. Российской Академии наук. Л., 1925, № 6/8, с. 209, 210; То же.— В кн.: Изв. АН СССР, сер. VII, отд. гуманитарных наук, 1928, 4/7, с. 334—337.
- ²⁵ *Güldenstädt I. A. Reise durch Russland und im Caucasischen Gebürge.* SPb., 1787, Bd I, S. 502, 503, Taf. XII; XIII; 1794, Bd II, S. 10—14, Taf. II.
- ²⁶ *Musei Imperialis Petropolitani. Petropolitanae, 1745. V. I. Pars tertia, qua continentur res naturales ex regno minerali,* p. 196.
- ²⁷ Дневные записки... Ивана Лепехина... СПб., 1805, ч. IV, с. 203—205.
- ²⁸ Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 г. СПб., 1802, ч. 2, с. 95, 96.
- ²⁹ [Миллер Г. Ф.]. Изъяснения о некоторых древностях... с. 489.
- ³⁰ Там же, с. 484.
- ³¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. I, с. 170.
- ³² Спасский Г. И. О сибирских древних курганах, с. 20—50.
- ³³ Эйхвальд Э. И. О чудских копиях.— В кн.: Зап. РАО. СПб., 1857, т. IX, вып. 2, с. 269—370.
- ³⁴ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, с. 19—24.
- ³⁵ Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской, с. 88.
- ³⁶ Радлов В. В. Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, прилож., с. 107.
- ³⁷ Ломоносов М. В. Запросы..., с. 203.

- ⁹⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962, кн. VII, с. 549. При Петре I для Кунсткамеры были приобретены на Западе коллекции древнеримских монет и гемм (Musei Imperialis Petropolitani, Petropolitani, 1745. V. I. Pars tertia, qua continentur res naturalies ex regno minerali; 1746. V. II. Pars prima, qua continentur res artificiales; 1745. V. II. Pars secunda, qua continentur nummi antiqui) и несколько античных светильников с изображениями (Ленинград. отд. Архива АН СССР, р. IX, оп. 4, № 262, 263, 265).
- ⁹⁹ *Окладников А. П.* Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура.— В кн.: Изв. Всесоюзного географического об-ва. Л., 1955, № 4, с. 335—344.
- ¹⁰⁰ *Бертье-Делагард А. Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса Таврического.— МАР, 1903, 12, с. 5, 6.
- ¹⁰¹ *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 36—38.
Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799—1801, Bd I; II. Перевод разделов о Крыме и Тамани см.: Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. академика П. С. Палласа.— ЗООИД, 1881, XII, с. 62—208; 1883, XIII, с. 35—92.
- ¹⁰³ *Капнист В. В.* Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях.— В кн.: Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1960, т. 2, с. 238—245.
Капнист В. В. Краткое изыскание о гиперборейцах и коренном российском стихосложении.— Там же, с. 165—185.
- ¹⁰⁵ О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания опых.— ЗООИД, 1872, VIII, с. 363—403.
- ¹⁰⁶ *Формозов А. А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в.— СА, 1975, № 1, с. 171—175.
- ¹⁰⁷ *Бич О. И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса 1816—1817 гг.— МИА, 1959, 69, с. 296—321.
- ¹⁰⁸ *Ашик А. Б. И. А. Стемповский.*— ЗООИД, 1863, V, с. 907—914.
- ¹⁰⁹ *Разгон А. М.* Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.).— ОИМД, 1963, вып. V, с. 238—251.
- ¹¹⁰ *Юргевич В. Н.* Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889.
- ¹¹¹ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892, ч. II, с. 40.
- ¹¹² *Чекалевский П. П.* Рассуждение о свободных художествах с описанием некоторых произведений российских художников. СПб., 1792; *Коваленская Н. Н.* Русский классицизм. М., 1964, с. 254. Французское издание «Истории искусства древности» И. Винкельмана было в библиотеке Пушкина. См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX/X, с. 365.
- ¹¹³ *Бартелеми Ж. Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине IV в. до рождения Христова. М., 1803—1819, т. 1—9; То же. СПб., 1804—1809, т. 1—6.
- ¹¹⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 51—55.
- ¹¹⁵ Руководство к познанию древностей г. Ал. Милена..., изданное с прибавлениями и замечаниями Н. Кошанским. М., 1807; Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию,

- обозрение классических авторов, мифологию, древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816, 1817, т. I; II.
- ¹¹⁶ *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1874, ч. I, прилож., с. XXXIX.
- ¹¹⁷ [*Яновский Н. М.*]. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся термины, значение которых не всякому известно. СПб., 1803, с. 222. Подробнее см. *Формозов А. А.* История термина «археология». — ВИ, 1975, № 8, с. 214—218.
- ¹¹⁸ Ручная книга..., т. I, с. 20, 21.
- ¹¹⁹ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888, кн. I, с. 61, 62.
- ¹²⁰ *Надеждин Н. И.* Автобиография. — Русский вестник, 1856, № 3, с. 61—63.
- ¹²¹ Энциклопедический лексикон. СПб., 1835, т. III, с. 251—255.
- ¹²² *Стемпковский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. — ОЗ, 1827, № 81, с. 40—72.
- ¹²³ Там же, с. 42.
- ¹²⁴ *Стемпковский И. А.* Радаис и Индар — скифский рассказ (отрывок из древней греческой рукописи). — В кн.: Одесский альманах на 1831 г. Одесса, 1831, с. 194—219.
- ¹²⁵ Досуги крымского судьи или второе путешествие по Тавриде Павла Сумарокова. СПб., 1803—1805, ч. I; II; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.
- ¹²⁶ Досуги крымского судьи..., ч. II, с. 243, 244.
- ¹²⁷ Анализ стиля книг П. И. Сумарокова см.: *Гудзий Н. К.* К истории русского сентиментализма. — ИТУАК, 1919, вып. 56, с. 131—143.
- ¹²⁸ *Ашик А. Б.* Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850, с. 131.
- ¹²⁹ Там же, с. V.
- ¹³⁰ *Мурзакевич Н. Н.* Записки. — РС, 1888, № 9, с. 586, 587. Недавно Д. С. Кириллин (О роли и месте А. Б. Ашика в развитии отечественной скифо-античной археологии. — В кн.: Институт археологии АН СССР. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полых исследований 1971 г. М., 1972, с. 344, 345) попытался защитить Ашика от критики «монархиста» Мурзакевича. Но о недобросовестности Ашика говорят не только свидетельства мемуаристов, но и архивные документы. См., например: *Бич О. И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. — СА, 1958, XXVIII, с. 87—90.

IV

- ¹³¹ Речи и письма живописца Луи Давида. М.; Л., 1933, с. 221.
- ¹³² *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 299.
- ¹³³ *Семейкин Н. М. Ф.* Берлинский — бывший ученик и учитель Киевской Академии и его учено-литературная деятельность. — В кн.: Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1916, кн. IX/X, с. 128—149; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 33—38; *Формозов А. А.* К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX в. — СА, 1981, № 1, с. 312, 313.
- ¹³⁴ *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 85—95
- ¹³⁵ *Майков Л. Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, с. 39.

- ¹³⁶ Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881—1882, т. I; II; *Оленин А. Н. Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тму-тарикашском.* СПб., 1806; *Он же. Ризанские русские древности.* СПб., 1831; *Он же. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словен от времени Траяна до пашествия татар.* СПб., 1832.
- ¹³⁷ *Белозерская Н. А. Федор Григорьевич Солнцев.*— РС, 1887, № 6, с. 727.
- ¹³⁸ *Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал.*— ВИ, 1967, № 4, с. 208—212.
- ¹³⁹ *Макаров М. Н. Краткая записка о некоторых достопамятностях Резанских и Пронских.*— В кн.: *Тр. Об-ва любителей российской словесности при Московском ун-те.* М., 1819, ч. 16, с. 122.
- ¹⁴⁰ *Dolega-Chodakowski Z. O sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy.* Warszawa, 1967, s. 49—66.
- Доленга-Ходаковский З. Розыскания касательно русской истории.*— ВЕ, 1819, ч. CVII, № 20, с. 277—302; *Ходаковский З. Д. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории.*— *Сын отечества*, 1820, № XXXIII, с. 288—312; № XXXIV, с. 3—11; № XXXV, с. 49—66; № XXXVI, с. 115—125; № XXXVIII, с. 193—205; № XXXIX, с. 241—254; № XL, с. 289—299. Перепечатано: *Dolega-Chodakowski Z. O Sławiańszczyźnie...* s. 49—52, 75—100.
- ¹⁴² Цит. по кн.: *Кеневич С. Лелевель.* М., 1970, с. 10, 11.
- ¹⁴³ *Макаров М. Н. Письмо к редактору.*— ВЕ, 1820, ч. CXIII, № 20, с. 306—310; *Бояркин А. Городище на р. Сарре.*— Там же, с. 311; *Глаголев А. Г. Записка о городищах, курганах и других старинных насыпях в Тульской губернии.*— Там же, ч. CXIV, № 23, с. 184—191; *Макаров М. Н. Другая записка для г-на Доленги-Ходаковского.*— Там же, с. 191—204.
- Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII—первой четверти XIX столетия.* Прага, 1906, с. CXLIV—CXLV; *Ровнякова Л. И. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив.*— В кн.: *Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963, с. 79, 80.*
- ¹⁴⁵ Об этом подробнее см. в разделе «Пушкин и древности».
- ¹⁴⁶ *Красильников С. А. Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя.*— В кн.: *Гоголь. Материалы и исследования.* М.; Л., 1936, т. 2, с. 384—391.
- ¹⁴⁷ *Ильинский Л. К. Страничка из истории археологии Поволжья.*— ИОАИЭ, 1929, т. XXXIV, вып. 3/4, с. 10—16. Содержание лекции И. И. Срезневского отражено, видимо, в его статье «О городищах в землях славянских, преимущественно западных».— ЗООИД, 1850, II, с. 532—549. Самое позднее отражение взглядов Ходаковского в нашей литературе см.: *Забелин И. Е. История русской жизни.* М., 1908, ч. 1, с. 592—597.
- ¹⁴⁸ Цит. по кн.: *Пыпин А. Н. История русской этнографии.* СПб., 1894, т. III, с. 76.
- ¹⁴⁹ *Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига.* М., 1871, т. III, отд. 1, л. 4—7.
- ¹⁵⁰ Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу.— РА, 1889, № 6, с. 209; *Каразин В. Н. О древностях Слободско-Украинской губернии.*— В кн.: *Соч., письма и бумаги В. Н. Каразина.* Харьков, 1910, с. 589, 590.
- ¹⁵¹ *Ходаковский. Сонки.*— РИС, 1844, т. VII, с. 369, 373.

- ¹⁵² Отрывок из путешествия Ходаковского по России.— РИС, 1839, т. III, кн. 2, с. 148. Ср. позднейшие описания сопок: *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 12—23.
- ¹⁵³ Разные известия.— Северный архив, 1822, № 10, с. 315.
- ¹⁵⁴ *Ходаковский*. Сопки, с. 377.
- ¹⁵⁵ Отрывок из путешествия..., с. 153.
- ¹⁵⁶ *Францев В. А.* Польское славяноведение..., с. XXXII.
- ¹⁵⁷ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892, кн. V, с. 71, 72 (письма В. В. Пассака к М. П. Погодину).
- ¹⁵⁸ *Пассек В. В.* Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов.— РИС, 1839, т. III, кн. 2, с. 202.
- ¹⁵⁹ *Эйхвальд Э. И.* О чудских конях, с. 269—370.
- ¹⁶⁰ *Каченовский М. Т.* О баснословном времени в Российской истории.— В кн.: Уч. зап. Московского ун-та. М., 1833, № II, с. 273—288; № III, с. 674—685.
- ¹⁶¹ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, с. 72.
- ¹⁶² *Пассек В. В.* Курганы и городища..., с. 207, 208.
- ¹⁶³ *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

V

- ¹⁶⁴ Цит. по ст.: *Гроссман Л. П.* Лермонтов и культуры Востока.— В кн.: Литературное наследство. М.; Л., 1941, т. 43/44., с. 688, 689.
- ¹⁶⁵ *Projet d'une Académie Asiatique.* SPb., 1818, p. 1. Автором проекта был С. С. Уваров, возможно, консультировавшийся с Ю. К. Клапротом. Поэт В. А. Жуковский напечатал перевод этой брошюры: Мысли о заведении в России Академии Азиатской.— ВЕ, 1811, ч. LV, № 1, с. 27—52; № 2, с. 96—120.
- ¹⁶⁶ *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953, с. 215.
- ¹⁶⁷ *Хитрово Н. З.* Описание мумии, найденной в 1820 г. близ Мемфиса кн. Г. И. Аваловым и ныне находящейся в Москве. М., 1826.
- ¹⁶⁸ *Кацнельсон И. С.* Неизвестная книга декабриста Г. С. Батенькова.— В кн.: Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 323—335.
- ¹⁶⁹ *Кюхельбекер В. К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие.— В кн.: Декабристы. Антология: В 2-х т. Л., 1975, т. II, с. 363; *Мсерианц Л. З.* К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока.— В кн.: Изв. ОРЯС. СПб., 1908, т. XIII, кн. 4, с. 220—251.
- ¹⁷⁰ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева. М., 1822, ч. I, с. 54.
- ¹⁷¹ После смерти Н. Н. Муравьева-Карского в Исторический музей поступила собранная им археологическая коллекция: вещи с Кавказа, из Египта и Крыма и находки из Скорняковских курганов Воронежской губернии. Эти курганы эпохи бронзы раскопал сам Муравьев, составив весьма тщательное описание насыпей и погребений. См.: *Сизов В. И.* Скорняковские курганы.— В кн.: Древности. М., 1888, т. XII, вып. II, с. 125, 126.
- ¹⁷² Записки Н. Н. Муравьева-Карского.— РА, 1886, № 5, с. 13, 14; № 6, с. 306, 307. Уже после Хивинской экспедиции Муравьев побывал в Египте и осмотрел ряд памятников в окрестностях Александрии. См.: *Муравьев Н. П.* Турция и Египет в 1832 и 1833 гг. М., 1869, т. III, с. 102—104.
- ¹⁷³ Некоторые из этих городищ обследованы Хорезмской экспедицией

- АН СССР. См.: *Рапопорт Ю. А.* Раскопки городища Шах-сенем в 1952 г.— В кн.: Тр. Хорезмской археолого-этногр. экспедиции. М., 1958, т. II, с. 397—420.
- ¹⁷⁴ Путешествие в Туркмению и Хиву..., ч. II, с. 34.
- ¹⁷⁵ Там же, ч. I, с. 80; ср.: с. 152, 153.
- ¹⁷⁶ Там же, ч. I, с. 29.
- ¹⁷⁷ В XX в. памятник не исследовался. Возможно, это средневековый город Абескун. См.: *Arne T.* Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm, 1945, p. 11, 12.
- ¹⁷⁸ Записки Н. Н. Муравьева-Карсского.— РА, 1886, № 12, с. 473. Ср.: Путешествие в Туркмению и Хиву..., ч. I, с. 29.
- ¹⁷⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву..., ч. I, с. 30.
- ¹⁸⁰ Г. А. Эммануэль (Емануель) — уроженец Венгрии, поступил на русскую службу в 1797 г., участвовал в наполеоновских и кавказских войнах, был инициатором ряда ученых предприятий. Он собирал сведения по этнографии черкесов, а в 1829 г. организовал экспедицию Академии наук на Эльбрус, за что был выбран почетным членом Академии.— См.: *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851.
- ¹⁸¹ *Бернардацци И.* Христианские древности за Кубанью.— Журнал Министерства внутренних дел, 1830, ч. III, кн. IV, с. 186—191. Ср. позднейшее описание: *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 67—84.
- ¹⁸² *Павлов Д. М.* Искусство и старина Карачая.— В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926, вып. 45, с. 233—235.
- ¹⁸³ Письма из Болгарии. Писаны во время кампании 1829 г. Виктором Тепляковым. М., 1833.
- ¹⁸⁴ *Стасов В. В.* Неучи и доки.— В кн.: Собр. соч.: В 4-х т. СПб., 1894, т. II, с. 192.
- ¹⁸⁵ *Шишкин В. А.* К истории археологического изучения Самарканда.— В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1969, вып. 1, с. 10, 11, 14—21.
- ¹⁸⁶ *Крестовский В. В.* Самаркандские раскопки 1883 г.— Санкт-Петербургские ведомости, 1884, 1, 3—6 февр. (№ 32, 34—37).

VI

- ¹⁸⁷ *Бэр К. М.* О древнейших обитателях Европы.— В кн.: Зап. РГО. СПб., 1863, кн. I, с. 213—220.
- ¹⁸⁸ *Бэр К. М., Шифнер А. А.* О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея.— В кн.: Зап. имп. АН. СПб., 1862, т. I, кн. 1, с. 115—123.
- ¹⁸⁹ *Бэр К. М.* О древнейших обитателях Европы, с. 218.
- ¹⁹⁰ *Лерх П. И.* Рец. на ст.: *Butenew N.* Einige Bemerkungen über die Ureinwohner der nördlichen Russlands.— В кн.: Изв. РАО. СПб., 1868, т. VI, с. 154.
- ¹⁹¹ *Grewingk C.* Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Dorpat, 1865; *Idem.* Zur Kenntnis der in Liv-, Est-, Kurland und Nachbargenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Dorpat, 1871.
- ¹⁹² *Черский И. Д.* Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода.— В кн.: Изв. Сибирского отд. РГО. Иркутск, 1872, т. II, № 3, с. 167—172.
- ¹⁹³ Обзор археологических работ В. В. Докучаева см.: *Паничкина М. З.* Мезолитическая стоянка Борки.— МИА, 1941, 2, с. 149.

- Высоцкий Н. Ф.* Каменный век в Казанской губ.— ИОАИЭ, 1908, т. XXIII, вып. 6, с. 436—447; *Штукенберг А. А., Высоцкий Н. Ф.* Материалы для изучения каменного века в Казанской губ.— В кн.: Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. Казань, 1885, т. XIV, вып. 5, с. 3—88.
- Штукенберг А. А.* Материалы для изучения медного века восточной полосы Европейской России.— ИОАИЭ, 1901, т. XVII, вып. 4, с. 165—213.
- ¹⁹⁶ *Леббок Д.* Доисторические времена. Пер. под ред. Д. Н. Анучина. М., 1876.
- ¹⁹⁷ *Мережковский К. С.* Отчет о предварительных исследованиях памятников каменного века в Крыму.— В кн.: Изв. РГО. СПб., 1880, т. XVI, вып. 2, с. 106—146; *Он же.* Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г.— Там же, 1881, т. XVII, вып. 2, с. 104—130; *Merejkowsky K.* Station moustérienne en Crimée.— In: L'Homme. Paris, 1884, N 10, p. 300—302.
- ¹⁹⁸ *Замяткин С. И.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— В кн.: Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1951, т. XVI, с. 90.
- ¹⁹⁹ Основные работы И. С. Полякова по археологии: Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию.— В кн.: Прилож. к т. XXXVII «Зап. АН». СПб., 1880; Исследования по каменному веку в Олонской губернии, в долине Оки и на верховьях Волги.— В кн.: Зап. РГО по отд. этнографии. СПб., 1882, т. 9, с. 1—64.
- ²⁰⁰ *Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882. О работах К. С. Мережковского, И. С. Полякова и А. А. Иностранцева подробнее см.: *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983, с. 47—84.
- ²⁰¹ Из переписки И. С. Тургенева.— В кн.: Звенья. М.; Л., 1935, т. V, с. 300. См. также: *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966, с. 294—298 и др.
- ²⁰² См., например: *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку... с. 27.
- ²⁰³ *Попов Л. К.* Из первобытной жизни человека. СПб., 1880, с. 44, 45. Ср.: *Фохт К.* Человек и его место в природе. СПб., 1866, т. II, с. 1. *Уваров А. С.* Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851—1856, т. I; II.
- ²⁰⁵ *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
- ²⁰⁶ *Уваров А. С.* Археология России: Каменный период. М., 1881, т. I; II.
- ²⁰⁷ *Уваров А. С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии.— В кн.: Тр. III АС. Киев, 1878, т. I, с. 33.
- ²⁰⁸ *Арциховский А. В.* Археология.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, ч. I, с. 530—533.
- ²⁰⁹ *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах.— В кн.: Тр. V АС. М., 1887, с. 337—441; *Он же.* Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда.— В кн.: Древности. М., 1890, т. XIV, с. 81—226.
- ²¹⁰ *Мережковский К. С.* Отчет о предварительных исследованиях... с. 112—117.
- ²¹¹ Отчет Археологической комиссии за 1866 г. СПб., 1868, с. XV.
- ²¹² *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.— В кн.: Тр. XII АС. М., 1905, т. I, с. 174—340.

- ²¹³ *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика.— В кн.: Тр. XI АС. М., 1901, т. III, с. 577—672.
- Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, 1899, № 8, с. 301—340.
- ²¹⁵ *Базалей Д. И.* Русская история. Харьков, 1909, ч. I; *Любавский М. К.* Древняя русская история до конца XVI в. М., 1914, ч. I.
- ²¹⁶ Русские древности в памятниках искусства, издаваемые И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб., 1889—1899, вып. I—VI.

Пушкин и древности

I

- Так, слово «археолог» мы найдем в письме К. Ф. Калайдовича к Пушкину от 13 дек. 1827 г. (XVII, 68) и в письме А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому от 28 марта 1837 г. по поводу просьбы Пушкина узнать у А. И. Итальянского его мнение о Слове о полку Игоревом (Из старых бумаг.— Русский библиофил, 1916, № 4, с. 35).
- ⁴ Это И. П. Бларамберг, Е. А. Болховитинов, К. М. Бороздин, В. Б. и С. М. Броневские, А. Ф. Вельтман, З. А. Волконская, Г. Г. Гагарин, Ф. Н. Глинка, А. С. Грейг, В. В. Григорьев, И. А. Гулянов, П. А. Дюбрюкс, К. Ф. Калайдович, М. Т. Каченовский, Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, Н. Ф. Кошанский, А. И. Левшин, И. П. Липранди, М. Н. Макаров, М. А. Максимович, А. Ф. Малиновский, Н. Н. Муравьев (Карский), И. М. Муравьев-Апостол, Н. И. Надеждин, С. Д. Нечаев, А. С. Норов, А. Н. Оленин, М. П. Погодин, И. П. Сахаров, П. П. Свинын, Ф. Г. Солнцев, И. М. Снегирев, Г. И. Спасский, И. А. Стемповский, С. Г. Строганов, П. М. Строев, В. Д. Сухоруков, В. Г. Тепляков, А. А. Турчанинова, С. С. Уваров, П. Н. Фусс, А. Д. Чертков. См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975.
- ³ *Бестужев А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1825 г.— В кн.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960, с. 493, 494.
- ⁴ *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1952, т. 7, с. 111; *Тынянов Ю. П.* Поэтика, история литературы, кино. М., 1977, с. 236.
- Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX/X, с. 17.
- ⁶ Там же, с. 58, 64, 70, 74, 75, 81, 90, 344.
- ⁷ Там же, с. 131, 132.
- ⁸ Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881, т. I, вып. 1, с. 58, 70; 1882, т. II, с. 63, 81, 83, 85; *Коваленская П. Н.* Русский классицизм. М., 1964, с. 254; *Солнцев Ф. Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды.— РС, 1876, № 3, с. 619.
- ⁹ *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М., 1980, рис. на с. 38, 39.
- ¹⁰ Письмо А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову.— В кн.: Летописи Гос. литературного музея. М., 1936, кн. 1, с. 482.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Формозов А. А.* Пушкин и Ходаковский.— В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 100—105.
- ¹³ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, с. 295.
- ¹⁴ *Нащокины П. В. и В. А.* Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевным.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 190.

- Теребенина Р. Е. Новые поступления в пушкинский рукописный фонд.— В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Л., 1965, с. 15—19.
- ¹⁶ Измайлов Н. В. «Осень».— В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830 гг. Л., 1974, с. 248; Эфрос А. М. Рисунки поэта. М., 1933, с. 432, 433, рис. на с. 313.
- ¹⁷ Марье М. Э. Искусство древнего Египта. Л.; М., 1961, рис. 106.
- ¹⁸ Там же, рис. 18.
- ¹⁹ Теребенина Р. Е. Новые поступления... Чаадаев П. Я. Соч. и письма: В 2-х т. М., 1913, т. I, с. 73 (подлинник по-француз.). Пер.— т. II, с. 105, 106. Ср.: XIV, 44. Там же, т. I, с. 138—142; пер.— т. II, с. 172—176.
- ²² Там же, т. II, с. 173 (пер.).
- ²³ Babington J. Description of the Pandoo Cooliesin, Malabar.— In: Transactions of Literary Society. Bombay, 1820, p. 324—330 (по: Krishnaswami V. D. Megalithic types of South India.— In: Ancient India, 1949, N 5, p. 44). ГИМ, отд. письменных источников, ф. 390, л. 240, 241; Формозов А. А. Пушкин, Чаадаев и Гуляшов.— ВИ, 1966, № 8, с. 213, 214.
- ²⁵ Гесс де Кальве Г. Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии.— В кн.: Тр. Вольного об-ва любителей российской словесности. СПб., 1820, ч. X, с. 251, 252.
- ²⁶ Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964, с. 373.
- ²⁷ Laming-Emperaire A. Origines de l'archéologie préhistorique en France. Paris, 1964, p. 144, 145, 147, 148. О работах Турналя русских читателей информировал «Горный журнал». См.: Пещера, заключающая кости, подле Бира, недалеко от Нарбонна.— ГЖ, 1829, ч. IV, кн. 11, с. 204; Теоретические исследования относительно костеодержащих Бизских пещер близ Нарбонна и человеческих костей, смешанных с остатками исчезнувших животных. Письмо Турналя-сына к барону Феррюсаку.— ГЖ, 1832, ч. I, кн. 4, с. 26—43.
- ²⁸ Стихотворения Виктора Теплякова. СПб., 1836, т. II, с. 37, примеч.; с. 95, 97; Кювье Ж. Рассуждение о переворотах на поверхности Земного шара. М.; Л., 1937, с. 152.
- ²⁹ Бестужев М. А. Воспоминания об А. А. Бестужеве.— В кн.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 205 (Записки М. А. Бестужева).
- ³⁰ Лавровский К. А., Пономарев П. А. Карл Федорович Фукс и его время.— В кн.: Казанский литературный сб. Казань, 1878, с. 456—464, 492, 493.
- ³¹ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1924, вып. 6, с. 199 (письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 18 апр. 1833 г.).

II

- ³² Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. I, с. 223—247.
- ³³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. III, с. 137.
- ³⁴ Кёппен П. И. О курганах.— ИТУАК, 1908, вып. 42, с. 6.
- ³⁵ Свиньин П. П. Воспоминания в степях бессарабских.— ОЗ, 1824, № 9, с. 6, 7.
- ³⁶ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, 89, с. 71—80.

- ³⁷ *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 312.
- ³⁸ *Шилова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 211.
- ³⁹ *Мусин-Пушкин А. П.* Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжества. СПб., 1794, с. 1, 2.
- ⁴⁰ Путевые записки по многим российским губерниям 1820 г. статского советника Гавриила Геракова. СПб., 1828, с. 115.
- ⁴¹ *Аппиан.* Митридатовы войны.— В кн.: Вестник древней истории. М., 1946, № 4, с. 239—288.
- ⁴² *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания.— В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, ч. 1, с. 350.
- ⁴³ *Тетбу де Мариньи Э. В.* Павел Дюбрюкс.— ЗООИД, 1848, II, с. 229—231.
- ⁴⁴ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского.— РС, 1897, № 7, с. 92.
- ⁴⁵ Архив Ленинград. отд. Ин-та археологии АН СССР, ф. 7, № 11, л. 132—137.
- ⁴⁶ *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956, т. 1, с. 481. Ср.: *Медведева И. Н.* Таврида. Л., 1956, с. 388, 389.
- ⁴⁷ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 12—14.
- ⁴⁸ *Мопассан Ги, де.* В Бретани.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 12-ти т. М., 1958, т. 4, с. 121; *Хокинс Д., Уайт Д.* Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1973, с. 212, 213.
- ⁴⁹ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, с. 15.
- ⁵⁰ *Равикович Д. А.* Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX в.— ОИМД, 1960, вып. II, с. 217.
- ⁵¹ *Колли Л. П.* Указатель Феодосийского музея древностей. Феодосия, 1903; *Гейман В. Д.* Из феодосийской старины.— ИТУАК, 1916, вып. 53, с. 102—104.
- ⁵² Из воспоминаний Михайловского-Данилевского, с. 96; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823, с. 251, 252.
- ⁵³ *Волконская М. Н.* Рассказ, записанный П. И. Бартеневым.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 217.
- ⁵⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин, с. 490, 491.
- ⁵⁵ *Домбровский О. И.* Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972.
- ⁵⁶ *Геродот,* IV, 103; *Страбон,* VII, 4.
- ⁵⁷ *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929, с. 43, 44.
- ⁵⁸ *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801, Bd II, S. 60—63; Досуги крымского судьи или второе путешествие по Тавриде Павла Сумарокова. СПб., 1803, т. II, с. 200—203; *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. М., 1802, ч. 3, с. 90—94; История Тавриды, сочиненная на французском языке С. Сестренцевичем-Богушем. СПб., 1808, т. I, с. 83—86; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде..., с. 85—92.
- ⁵⁹ *Томашевский Б. В.* Пушкин, с. 500.
- ⁶⁰ *Ливанов Ф. В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. Георгиевский монастырь в Крыму. М., 1875, с. 19, 20.
- ⁶¹ *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму, с. 73—75; *Платонов С. Ф.* Пушкин и Крым.— В кн.: Изв. Таврического об-ва истории, археологии

- и этнографии. Симферополь, 1928, т. II, с. 1—6; *Адрианов С. А.* Пушкин и Крым.— Там же, с. 6, 7.
- ⁶² *Бобров С. С.* Таврида или мой летний день в Таврическом Херсонесе. Николаев, 1798; *Он же.* Херсонида или картина лучшего летнего дня в Херсонесе Таврическом. СПб., 1804; *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. М., ч. 1—4, 1800—1802 (2-е изд.— 1805); *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800; Досуги крымского судьи или второе путешествие по Тавриде Павла Сумарокова. СПб., 1803—1805, т. I—II; [*Броневский В. Б.*]. Обзорение южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде...; Путевые записки... Геракова.
- ⁶³ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, с. 12, 13.
- ⁶⁴ *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде..., с. 85, 86.

III

- ⁶⁵ См. обзор: *Бориневич-Бабайцева З. А.* Овидиев цикл в творчестве Пушкина.— В кн.: Пушкин на юге. Кишинев, 1958, т. 1, с. 164—178.
- ⁶⁶ *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России.— РА, 1866, с. 1140.
- ⁶⁷ *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина.— В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Л., 1941, VI, с. 103, 105.
- ⁶⁸ *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний, с. 303, 306, 307; Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди.— РА, 1866, с. 1278.
- ⁶⁹ *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина, с. 142.
- ⁷⁰ *Яцимирский А. И.* Румынские параллели и отрывки к некоторым произведениям Пушкина.— В кн.: Русский филологический вестник. Варшава, 1901, XLV, с. 205—213.
Богац Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967, с. 92, 103.
- ⁷² Основные работы о легендарной гробнице Овидия: *Przychocki G.* Grób Owidijusza w Polsce.— In: Prace Towarzystwa naukowego Warszawskiego. I Wydział językoznawstwa i literatury, 1920, N 8; *Mikulski T.* O grobu polskiego Owidijusza.— In: Księga zbiorowa k uczci I. Chrzanoskiego. Kraków, 1936; *Lascu N.* Ovidiu in Romania.— In: *Publius Ovidius Naso.* XLIII ċ. e. n.—MCMLVII e. n. Bucarest, 1957, p. 333—580; *Trapp J. B.* Ovid's Tomb. The growth of the legend from Eusebius to Laurence Sterne, Shateaubriand and George Richmond.— In: *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* London, 1973, v. XXXVI, p. 30—61; *Archeologia.* Warszawa, 1978, XX, s. 99—107; *Формозов А. А.* Легенда о гробнице Овидия в русской литературе.— В кн.: Вестник древней истории. М., 1976, № 4, с. 122—130.
- ⁷³ *Немировский А. И.* Нить Ариадны. Воронеж, 1972, с. 7.
- ⁷⁴ *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1905, т. I, с. 177.
- ⁷⁵ *Müller L.* Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische und andere Historien, wo sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen. Francfort a. M., 1585, S. 80, 81.
- ⁷⁶ Дмитрий Кантемира историческое, географическое и политическое описание Молдавии. М., 1789, с. 21—23. Его источник: *Stanislai Sarnicii Annales sive De origine et rebus gestis Polonorum et Lituano-rum.* Krakow, 1587, p. 73, 74.
- ⁷⁷ *Вельтман А. Ф.* Странник. М., 1831, ч. I, с. 89.
- ⁷⁸ *Вельтман А. Ф.* Дон. Место ссылки Овидия.— В кн.: Чтения в ОИДР. М., 1866, кн. 2, с. 1—64.

- ⁷⁹ *Religiosae Kijovenss crypte sive Kijovia subterranea, in quibus labarintus sub terra et eo emortua a sexcentis annis divorum atque heroum graeco-ruthenorum nec dum corrupta corpora ex nomine atque an oculum Paferico Sclavonico detegit M. Johannes Herbinius. Jenae, 1675, p. 9—13.*
- ⁸⁰ *Яцимирский А. И.* Румынские параллели..., с. 208.
- ⁸¹ Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Федора Туманского. СПб., 1788, ч. 8, с. 40, 41. Книга была в библиотеке Пушкина (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, с. 106).
- ⁸² *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961, ч. 1, с. 136.
- ⁸³ *Берков П. Н.* Овидий в русской литературе XVII—начала XVIII в.— В кн.: Вестник Ленинград. гос. ун-та. Л., 1973, т. 14, Сер. История, язык, литература, вып. 3, с. 88, 89; *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 202, 226, 236, 255, 261.
- ⁸⁴ *Новлянская М. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт. Л., 1970, с. 70.
- ⁸⁵ *Перволюф И. И.* Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874, с. 40—42.
- ⁸⁶ *Guthrie M.* A Tour performed in the years 1795—6 through the Taurida. London, 1802, p. 16—22, 417—442; *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise..., S. 306—308.
- ⁸⁷ *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний, с. 306.
- ⁸⁸ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, с. 74, 75, 243, 244.
- ⁸⁹ *М[изко] Н.* Овидий в русской литературе.— В кн.: Москвитянин. М., 1854, т. IV, № 14, с. 83—90.
- ⁹⁰ *Бобров С. С.* Разсвет полночи. СПб., 1804, ч. II, с. 127—137. С Темешваром идентифицировал Тома и обсуждавший этот вопрос с Пушкиным И. П. Липранди (Из дневника и воспоминаний, с. 307).
- ⁹¹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1938, т. I, с. 32.
- ⁹² *Вагюшкова К. Н.* Соч.: В 3-х т. СПб., 1886, т. III, с. 456.
- ⁹³ Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу.— РА, 1889, № 7, с. 377.
- ⁹⁴ Стихотворения Виктора Теплякова. СПб., 1836, ч. 2, с. 11—21, 85—87; Письма из Болгарии. Писаны во время кампании 1829 г. Виктором Тепляковым. М., 1833, с. 12—18. Обе книги были в библиотеке Пушкина (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, с. 103, 104).
- ⁹⁵ *Poezje Ludwika Kondratowicza.* Warszawa, 1872, t. VII, s. 252—255 (*Owidijusz na Polesiu*).
- ⁹⁶ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Недокопченные беседы.— В кн.: Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1973, т. 15, кн. 2, с. 291.
- ⁹⁷ *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. Л., 1964, с. 50.
- ⁹⁸ *Лугинин Ф. Н.* Из дневника.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 223.

IV

- ⁹⁹ *Плетнев П. А.* Из статей о Пушкине.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. II, с. 252.
- ¹⁰⁰ *Павлов И. П.* Проба физиологического понимания симптомологии истерии.— В кн.: Собр. соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1951, т. III, ч. II, с. 213.
- ¹⁰¹ *Нащокины П. В. и В. А.* Рассказы о Пушкине..., с. 193.

Вагльмский П. А. Взгляд на литературу науки в десятилетие после смерти Пушкина.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 151.

¹⁰³ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина, с. 178, 179, 216, 217, 268.

Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1962, с. 133.

Русское общество и охрана памятников культуры

I

- ¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. Berlin, 1962, T. 1, S. 299, 300.
- ² Агапитов Н. П., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири.— В кн.: Изв. Восточно-Сибирского отд. РГО. Иркутск, 1883, т. XIV, № 1/2, с. 31. См. также: Окладников А. П. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 11, 12, 14, 17—20, 33—35, 61, 80.
- ³ Gmelin J. G. Reise durch Siberien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Göttingen, 1752, T. III, S. 346.
- ⁴ Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири.— В кн.: Магазины землеведения и путешествий. М., 1860, т. VI, ч. II, с. 393.
- ⁵ Фелицын Е. Д. Кубанские древности. Екатеринодар, 1879, с. 13.
- ⁶ Лещенко А. Ф. О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа.— В кн.: Изв. Об-ва любителей изучения Кубанского края. Екатеринодар, 1924, IX, с. 89; Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию.— СЭ, 1936, № 4/5, с. 127. О дальнейшей судьбе дольменов см.: Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, с. 85—87.
- ⁷ Theodosiani Libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodasianum pertinentes. Berlin, 1905, v. II, p. 161 (De aedificiis publicis Maioriane, III). Цит. в пер. Д. С. Лихачева (Беречь памятники культуры.— Нева, 1963, № 3, с. 196).
- ⁸ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1886, т. VII, с. 492, 493.
- ⁹ Альберти Леон Баттиста. Десять книг о зодчестве. М., 1935, т. 1, с. 176.
- ¹⁰ Рафаэль. Письма.— МИИ. М., 1966, т. 2, с. 157—159.
- ¹¹ Пуссен Н. Письма.— МИИ. М., 1967, т. 3, с. 276 (письмо к Ф. де Нуайе).
- ¹² Бальзак О. Крестьяне.— В кн.: Собр. соч.: В 24-х т. М., 1960, т. 18, с. 16.
- ¹³ Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства. М.; Л., 1963, т. 1, с. 196.
- ¹⁴ Чайковская О. Г. Раскопки в Ключи и характер ключийской архитектуры.— СА, 1963, № 1, с. 75—97.
- ¹⁵ Кусьневич А. Состояние невесомости. М., 1979, с. 29.
- ¹⁶ Валлантен А. Эль Греко. М., 1962, с. 22, 55.
- ¹⁷ Сезанн П. Письма.— МИИ. М., 1969, т. 5, кн. 1, с. 153 (письмо к сыну от 26 сент. 1906 г.).
- ¹⁸ Кузнецова И. А. Национальная галерея в Лондоне. М., 1968, с. 12.
- ¹⁹ Там же, с. 6.
- ²⁰ Семенко М. С. Вена. М., 1971, с. 155.
- ²¹ Кубацкий В. Грустная Венеция. М., 1972, с. 18.

- ²² *Сартр Ж.* Я сжег бы Мону Лизу.— Литературная газета, 1973, 14 нояб. (№ 46), с. 15.
- ²³ *Батюшков К. Н.* Путешествие в замок Сирей. Письмо из Франции к г. Дашкову.— В кн.: Соч. М., 1955, с. 318, 319; *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 226.
- ²⁴ *Боткин В. П.* Письма об Испании. Л., 1976, с. 332.
- ²⁵ *Lévi-Strauss C.* La pensée sauvage. Paris, 1962, p. 34.
- ²⁶ *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. Berlin, 1964, T. 2, S. 7, 8.
- ²⁷ *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830, ч. II, с. 130.
- ²⁸ *Калачов Н. В.* Приложение к книге С. М. Шпилевского.— В кн.: Сб. [Петербургского] Археологического ин-та. СПб., 1879, кн. 2, с. 88.
- ²⁹ Письмо Екатерины II к Н. И. Панину от 3 июня 1767 г.— В кн.: Сб. Русского исторического об-ва. СПб., 1872, т. 10, с. 207.
- ³⁰ *Калачов Н. В.* Приложение к книге С. М. Шпилевского, с. 96—101.
- ³¹ ИСЗ (2-е собр.). СПб., 1849, т. XXIII, отд. 1, с. 108, № 21992.
- ³² *Сергеева-Козина Т. Н.* Коломенский кремль.— В кн.: Архитектурное наследство. М., 1952, т. 2, с. 133.
- ³³ *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917).— В кн.: История музейного дела в СССР. М., 1957, т. 1, с. 73—80.
- ³⁴ *Данилов И. Г.* Правительственные распоряжения относительно отечественных древностей с императора Петра I, особенно в царствование императора Александра II.— В кн.: Вестник археологии и истории. СПб., 1886, т. VI, с. 1—50; *Гаврилов А. В.* Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности.— Там же, с. 51—73; *Смолин В. Ф.* Краткий очерк законодательных мер по охране памятников старины в России.— В кн.: Изв. Археологической комиссии. Пг., 1917, вып. 63, с. 121—148; *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников..., с. 73—128; *Он же.* Охрана исторических памятников в России (XVIII в.—первая половина XIX в.).— ОИМД, 1971, вып. VII, с. 292—365.

II

- Батюшков П. Н.* Волянь. СПб., 1888, примеч., с. 84; *Лесков Н. С.* След поги Богородицы в Почаеве.— В кн.: Исторический вестник, СПб., 1882, № 10, с. 227—236.
- ³⁵ *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850, ч. 2, с. 57.
- ³⁷ *Маторин Н. М.* Женское божество в православном культе. М., 1931, с. 30.
- ³⁸ *Формозов А. А.* Камень «Щеглец» близ Новгорода и кампи-«следовики».— СЭ, 1965, № 5, с. 130—138.
- ³⁹ *Геродот*, IV, 82.
- ⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1910, т. XXIII, с. 159.
- ⁴¹ *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М., 1964.
- ⁴² Сказание о святых иконописцах.— МИИ. М., 1969, т. 6, с. 14—16.
- ⁴³ ПСРЛ. М., 1965, т. XIII, с. 454.
- ⁴⁴ *Анисимов А. И.* Владимирская икона Божией Матери. Прага, 1928.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Л., 1927, т. I, вып. 2, стб. 418. Ср. аналогичные записки 1185 и 1237 гг.: ПСРЛ. СПб., 1846, т. I, с. 166; М., 1962, т. II, стб. 630; т. I, вып. 2, стб. 463.
- ⁴⁶ *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871, т. III, отд. 1, л. 104.

- ⁴⁷ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 1.—САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 57, табл. XXVI.
- ⁴⁸ *Спицын А. А.* Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии.— В кн.: Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1893, вып. 1, с. 20.
- ⁴⁹ *Доброхотов В. И.* Памятники древности во Владимире Клязьменском. М., 1849, с. 94—97.
- ⁵⁰ *Оглоблин Н. Н.* «Сыские дела» о кладах в XVII в.— В кн.: Чтения в Историческом об-ве Нестора Летописца. Киев, 1893, кн. VII, с. 118.
- ⁵¹ *Латкин Н. В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, с. 377.
- ⁵² *Витсен Н.* Письма к Г. Куперу.— В кн.: *Радлов В. В.* Сибирские древности.— МАР, 1894, 15, прилож., с. 129.
- ⁵³ ПСРЛ. Л., 1926, т. I, вып. 1, стб. 152.
- ⁵⁴ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897; *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки русского Севера. Л., 1977. Этот факт я нашел только в давно устаревшей книге: *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, с. 226.
- ⁵⁶ *Житие Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым.* СПб., 1897, с. 35, 36.
- ⁵⁷ *Срезневский И. И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита киевского.— В кн.: Сб. ОРЯС. СПб., 1868, т. 5, вып. 1, с. 23, 24.
- ⁵⁸ *Поленов Д. В.* Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с господами Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг.— В кн.: Тр. I АС. М., 1871, т. I, с. 72, 73.
- ⁵⁹ *Уваров А. С.* Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам, с. 32.
- ⁶⁰ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889, кн. II, с. 364.
- ⁶¹ Там же, 1892, кн. VI, с. 208.
- ⁶² *Хомяков А. С.* Соч.: В 8-ми т. М., 1900, т. 8, с. 79.
- ⁶³ *Остроузов И. С.* О древнерусском искусстве.— МИИ. М., 1970, т. 7, с. 230, 231.
- ⁶⁴ *Малицкий Г. Л.* К истории Оружейной палаты Московского Кремля.— В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 509—560.

III

- ⁶⁵ *Чефранова Н. А.* Охрана природы в эпоху Петра Первого.— В кн.: Охрана природы и заповедное дело в СССР. М., 1960, № 6, с. 111—117; *Благодсконов К. Н., Иноземцев А. А., Тихомиров Б. Н.* Охрана природы. М., 1967, с. 53—59.
- ⁶⁶ *Страленберг Ф.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia.— В кн.: *Радлов В. В.* Сибирские древности.— МАР, 1891, 5, прилож., с. 32, 34.
- ⁶⁷ Уважение Петра Великого к памятникам старины.— РС, 1892, № 1, с. 265, 266. И этот приказ Петра не был выполнен, как не выполнили распоряжение об охране памятников Болгара. Уже в 1708 г. в Лавре колокол переплавили, чтобы получить металл для нового большого колокола. См.: *Арсений.* О царе-колоколе Свято-

- Троицкой Сергиевской лавры.— ЗОРСА, 1882, т. III, с. 71. Повеление царя сохранить древний колокол породило любопытный литературный памятник. См.: *Белоброва О. А.* Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиевского монастыря.— В кн.: Тр. Отд. древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР. Л., 1971, т. XXVI, с. 302—311.
- ⁶⁸ ПСЗ (1-е собр.). СПб., 1830, т. VI, с. 485, 486, № 3888.
- ⁶⁹ Там же, с. 658, 659, № 3975. Отмечу, что среди привесок к иконам была обнаружена первая монета эпохи Киевской Руси — «Ярославле серебро». См.: *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина.— В кн.: Зап. и тр. ОИДР. М., 1824, ч. II, с. 7, 8.
- ⁷⁰ История одной статуи Венеры.— В кн.: Художественные сокровища России. СПб., 1904, т. IV, № 10, с. 349, 350.
- ⁷¹ *Семенов А. А.* Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях.— В кн.: Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР. Душанбе, 1957, вып. 14, с. 143, 144.
- ⁷² *Овсянникова С. А.* Частное собирательство в России в XVIII — первой половине XIX в.— ОИМД, 1961, вып. III, с. 268—299; *Белавская К. П.* Дворцовые музеи и хранилища XVIII — первой половины XIX в.— Там же, с. 308—364. В статье Овсянниковой не учтены описания частных собраний древностей и картин в мемуарах иностранцев. См.: *Clarke E. D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. London, 1817, v. I, p. 171—190; Voyage de deux française en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—1792. Paris, 1796, t. III, p. 326—344.
- ⁷³ *Максимова М. И.* Императрица Екатерина II и собрание резных камней Эрмитажа.— В кн.: Сб. ГЭ. Пг., 1920, вып. 1, с. 53.
- ⁷⁴ *Clarke E. D.* Travels in various countries..., v. I, p. 111, 112.
- ⁷⁵ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными.— В кн.: Чтения в ОИДР. М., 1882, кн. 1, с. 191 (письмо Н. П. Румянцева А. Ф. Малиновскому от 7 сент. 1821 г.).
- ⁷⁶ Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Киев, 1888, вып. 3, с. 117, 118.
- ⁷⁷ *Мольер Ж.* Слава купола Валь де Грас.— В кн.: Собр. соч.: В 4-х т. Л., 1939, т. 4, с. 502.
- ⁷⁸ *Бенуа Ф.* Искусство Франции эпохи революции и первой империи. М.; Л., 1940, с. 14.
- ⁷⁹ *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963, с. 183.
- ⁸⁰ *Бенуа Ф.* Искусство Франции..., с. 14, 76, 86.
- ⁸¹ В... [*Григорович В. И.*]. О состоянии художеств в России.— В кн.: Северные цветы на 1826 г., собранные бароном Дельвигом. СПб., 1826, с. 7, 9, 10, 11.
- ⁸² *Карамзин Н. М.* Записка о московских достопамятностях.— В кн.: Соч.: В 9-ти т. СПб., 1835, т. 9, с. 255.
- ⁸³ Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824, с. 154.
- ⁸⁴ *Берлинский М. Ф.* Краткое описание Киева. СПб., 1820, с. 16.
- ⁸⁵ *Улапов П. В.* Об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитыше из новейших художников не берут их для себя за образцы.— ВЕ, 1818, ч. С, № 14, с. 106, 107. Об авторе см.: *Кацнельсон И. С.* Из истории египтологии в России. Первая

- русская диссертация по древнеегипетскому искусству.— В кн.: Палестинский сборник. Л., 1959, вып. 4, с. 182—185.
- ⁸⁶ Ломоносов М. В. Древняя Российская история.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1952, т. 6, с. 170.
- ⁸⁷ См., например: *Белинский В. Г.* Сочинения Державина.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1955, т. VI, с. 612; *Он же.* Петербург и Москва.— Там же, т. VIII, с. 390.
- ⁸⁸ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, с. 141.
- ⁸⁹ О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных.— ЗООИД, 1872, VIII, с. 363—403; *Стивен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в Таврической губернии.— ИТУАК, 1891, вып. 13, с. 33—54.
- ⁹⁰ ПСЗ (1-е собр.). СПб., 1830, т. XXXVIII, с. 322—324, № 29105.
- ⁹¹ Михайловский Е. В. Реставрация памятников архитектуры. М., 1971, с. 22.
- ⁹² Михайлов А. И. Баженов. М., 1951, с. 57.
- ⁹³ Державин Г. Р. На случай разломки Московского Кремля для постройки нового дворца.— В кн.: Соч.: В 9-ти т. СПб., 1870, т. III, с. 191, 192.
- ⁹⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М., 1918, ч. I, с. 129, 130.
- ⁹⁵ Там же, с. 128—132.
- ⁹⁶ Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя.— В кн.: Соч.: В 9-ти т. СПб., 1835, т. 8, с. 145.
- ⁹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964, кн. XII, с. 276.
- ⁹⁸ Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908, с. 27—58; Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962, с. 81—85.
- ⁹⁹ Дашкова Е. Р. Записки. СПб., 1907, с. 161.
- ¹⁰⁰ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961, ч. 1, с. 230.
- ¹⁰¹ Ломоносов М. В. Представление в канцелярию Академии наук о посылке живописца для снятия копий с древних живописных изображений и с надгробных надписей.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1955, т. 9, с. 406, 407.
- ¹⁰² См., например: Путеводитель к древностям и достопамяностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сея столицы. М., 1792, части 1—4.
- ¹⁰³ Текст «Слова» см.: *Снегирев В. Л.* Зодчий Баженов. М., 1962, с. 222.
- ¹⁰⁴ Михайлов А. И. Баженов, с. 324, 334.
- ¹⁰⁵ Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль, Гутаев. М., 1971, с. 171—176.
- ¹⁰⁶ Путешествие г.д.с. советника Миллера к Свято-Троицкому Сергиеву монастырю.— В кн.: Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1789, ч. XLI, с. 3—52; Известие о городе Переславле-Залесском, сообщенное покойным д.с.с. Миллером. Там же, ч. XLII, с. 3—34.
- ¹⁰⁷ Письма А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова к Г. В. Козицкому.— В кн.: Летописи русской литературы и древности издаваемые Николаем Тихомировым. М., 1862, т. 4, Смесь, с. 46.
- ¹⁰⁸ Незеленов А. И. Н. И. Новиков — издатель журналов 1769—1785 гг. СПб., 1875, с. 202, 207, 220; *Снегирев И. М.* Дневник. М., 1904, ч. 1, с. 299.

- ¹⁰⁹ Долгова С. Р. «Сокровище российских древностей» Н. И. Новикова.— В кн.: Книга. М., 1975, XXXI, с. 141—147. Здесь описаны корректурные листы «Сокровища...» (известные еще И. М. Снегиреву, о чем не знала С. Р. Долгова), но сделан неверный вывод, что один выпуск издания все же увидел свет. В приложении к № 92 «Московских ведомостей» от 17 нояб. 1775 г. подписчикам «Сокровища российских древностей» предлагалось взять деньги назад, ибо «издатель оного издавать не намерен». См.: Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII в. М., 1975, дополнит. т., с. 49, 50, № 282.
- ¹¹⁰ Общие примечания о путешествиях.— В кн.: Покойщийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением «Вечерней зари». М., 1784, ч. II, с. 128.
- ¹¹¹ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 491—493 (Кошелек, 1774, л. 4, 5).
- ¹¹² Формозов А. А. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории.— ВИ, 1976, № 10, с. 203.
- ¹¹³ Переписка Екатерины II с Ф. Гриммом.— В кн.: Сб. Русского исторического об-ва. СПб., 1878, т. 23, с. 293, 294 (письмо Екатерины от 20 дек. 1783 г.).

IV

- ¹¹⁴ Бенуа Ф. Искусство Франции..., с. 20, 21, 59, 60.
- ¹¹⁵ Там же, с. 86—88.
- ¹¹⁶ Gautier T. Voyage en Russie. Paris, 1866, t. II.
- ¹¹⁷ Барановская М. Ю. Письма другу.— Советская музыка, 1969, № 8, с. 64, 65, 67 (письма Г. Берлиоза В. Ф. Одоевскому от февр., 28 июня и 19 сент. 1868 г.).
- ¹¹⁸ Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899, т. I, с. 203, 204.
- ¹¹⁹ Дурьлин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре.— В кн.: Литературное наследство. М.; Л., 1932, т. 4/6, с. 116.
- ¹²⁰ Снегирев И. М. О значении отечественной иконописи. Письмо к графу А. С. Уварову. СПб., 1848, с. 2; Древнейшая российская живопись. Картины Капониановы, хранящиеся в Ватиканской библиотеке, и другие соборы святых (менологи) православной греко-российской церкви, писанные с превосходнейшим искусством.— В кн.: Журнал изящных искусств, издаваемый на 1807 г. И. Ф. Буле. М., 1807, ч. II, с. 26—50.
- ¹²¹ Павловский И. Ф. Полтавская битва и ее памятники. Полтава, 1895, с. 66, 70; Ашурков В. Н. На поле Куликовом. Тула, 1980, с. 70—101.
- ¹²² [Глинка С. Н.]. Исторические памятники в России.— Русский вестник, 1809, № 1, с. 1—38.
- ¹²³ Аделунг Ф. П. Предложение об учреждении русского национального музея.— Сын отечества, 1817, № XIV, с. 54—72; Вилман В. Г. Российский Отечественный музей.— Там же, 1821, № XXXIII, с. 289—310.
- ¹²⁴ Аделунг Ф. П. Предложение..., с. 56.
- ¹²⁵ Там же, с. 63.
- ¹²⁶ ПСЗ (1-е собр.). СПб., 1830, т. XXIX, с. 133—135, № 22054; Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. М., 1807.
- ¹²⁷ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1878, с. IV, V (письмо А. И. Ермолаева А. Х. Востокову от 11 июля 1802 г.).

- ¹²⁸ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена.— В кн.: Сб. ОРЯС. СПб., 1911, т. 89, № 5, с. 149.
- ¹²⁹ Сбитнев И. М. Новгород Северский.— ОЗ, 1828, № 96, с. 105—137; № 97, с. 313—333; Солунов. О старинных городищах, существовавших в Курганском уезде.— ОЗ, 1824, № 54, с. 127—130; Исследования древних исторических мест или урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии.— ОЗ, 1826, № 73, с. 68—90.
- ¹³⁰ Записка о достопамятностях Москвы.— В кн.: Украинский вестник. Харьков, 1818, ч. X, май, с. 121—143; июнь, с. 245—253.
- ¹³¹ К господину издателю «Украинского вестника».— ВЕ, 1818, ч. С, № 3, с. 39—51.
- ¹³² Долгоруков И. М. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 г.— В кн.: Чтения в ОИДР. М., 1869, кн. 3, с. 283.
- ¹³³ Гоголь Н. В. Об архитектуре нынешнего времени.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 14-ти т. М.; Л., 1952, т. VIII, с. 56—75. Ср.: Он же. Кривавый бандурист.— Там же, 1938, т. III, с. 302.
- ¹³⁴ Батюшков К. Н. Соч.: В 3-х т. СПб., 1886, т. III, с. 87 (письмо Н. И. Гнедичу от 1 апр. 1810 г.).
- ¹³⁵ Цит. по кн.: Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. 1, ч. 2, с. 102.
- ¹³⁶ Цит. по кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894, кн. VIII, с. 408.
- ¹³⁷ Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899, т. II, с. 340, 341.
- ¹³⁸ Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861, с. 96 (письмо П. С. Савельева В. В. Григорьеву от 21 мая 1853 г.).
- ¹³⁹ Герцен А. И. Новгород Великий и Владимир на Клязьме.— В кн.: Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954, т. II, с. 47.
- ¹⁴⁰ Архив князя Воронцова. М., 1877, кн. 12, с. 259 (письмо П. В. Завадовского А. Р. Воронцову от 21 янв. 1801 г.). Ср.: Там же, с. 255.
- ¹⁴¹ [Надеждин Н. И.]. Рец.: «Клятва при гробе господнем» Н. Полевого, «Шемакин суд» П. Свинына, «Стрельцы» К. Масальского, «Последний Новик» И. Лажечникова.— Телескоп, 1832, № 14, с. 237, 243, 246. Ср.: Лермонтов М. Ю. Планы, наброски, сюжеты.— В кн.: Собр. соч.: В 4-х т. Л., 1981, т. 4, с. 350; Белинский В. Г. Статьи о народной Пoesии.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1954, т. V, с. 405; Он же. Россия до Петра Великого.— Там же, с. 94, 95.
- ¹⁴² Цит. по кн.: Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976, с. 43.
- ¹⁴³ Евгений, митрополит [Болховитинов Е. А.]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808; Он же. Описание Иоанно-Предтеченского монастыря. Дерпт, 1821; Он же. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот. Киев, 1826; Он же. История княжества Псковского с присовокуплением плана г Пскова. Киев, 1831, ч. 1—4.
- ¹⁴⁴ Аш К. И. Приглашение смоленского гражданского губернатора к отысканию и представлению старинных документов.— Русский вестник, 1819, № 9/10, стд. 1, с. 69—79. Читатель знает о К. И. Аше по роману Л. Н. Толстого «Война и мир». Старый князь Болконский запрашивал Аша о движении Наполеона к Смоленску.
- ¹⁴⁵ Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу.— РА, 1889, № 6, с. 209; Мурзакевич Н. Н. Митрополит Евгений и академик Кёппен.— ЗООИД, 1889, VIII, с. 404.
- ¹⁴⁶ Кёппен П. И. Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837 (перепечатка из «Северной пчелы», 1837, № 1—3); О курганах. Предварительное разыскание Петра Кёппена.— ИТУАК, 1908,

вып. 42, с. 1—41; Список курганам, составленный акад. П. И. Кёппеном.— Там же, с. 42—55.

- ¹⁴⁷ *Кёппен П. И.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. СПб., 1822.
- ¹⁴⁸ *Кёппен П. И.* Список известнейшим курганам..., с. 33, 34.
- ¹⁴⁹ *Сви́льин П. П.* Воспоминания в степях бессарабских.— ОЗ, 1821, № 9, с. 7; *Анастасевич В. Г.* Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове.— ОЗ, 1821, № 20, с. 441, 442.

V

- ¹⁵⁰ *Жуковский В. А.* Письмо к С. Л. Пушкину.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 351.
- ¹⁵¹ *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 39—44; Отчет о действиях временной комиссии изыскания древностей в Киеве в 1837 г.— ЖМНП, 1838, № 4, с. 77—89.
- ¹⁵² *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, строенный с 1194 по 1197 г. СПб., 1849, с. 14.
- ¹⁵³ *Бозулавский Г. А.* Царь-колокол. М., 1958, с. 46.
- ¹⁵⁴ ПСЗ (2-е собр.). СПб., 1842, т. XVI, с. 210, № 14392.
- ¹⁵⁵ Там же, 1843, т. XVII, отд. 1, прибавление, с. 8, № 16205. Поводом к этому распоряжению послужило открытие фресок XII в. при реставрации Дмитриевского собора во Владимире. В истории русской культуры должно сохраниться имя человека, обратившего внимание на древние фрески и позаботившегося о том, чтобы их не сбили. Это архиепископ владимирский Парфений (Павел Васильевич Васильев-Чертков). Образ его запечатлен в «Былом и думам» Герцена. Он «говорил о литературе, знал все новые русские книги, читал журналы». См.: *Косаткин В. В.* Дмитриевский собор в губернском городе Владимире. Владимир, 1914, с. 24; *Герцен А. И.* Былое и думы.— В кн.: Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. VIII, с. 372.
- ¹⁵⁶ ПСЗ (2-е собр.). СПб., 1849, т. XXIII, отд. 1, с. 108, № 21992.
- ¹⁵⁷ См., например: *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Иг., 1923, ч. 1, с. 101—105.
- ¹⁵⁸ *Веселовский Н. П.* История имп. Археологического общества за первые 50 лет его существования. СПб., 1900, с. 268, 269. Ср.: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, с. 99.
- ¹⁵⁹ *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933, с. 61—64.
- ¹⁶⁰ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XVI вв. М., 1961, т. 1, с. 380.
- ¹⁶¹ *Филимонов Г. Д.* Археологические исследования по памятникам. М., 1859, вып. 1, с. 1, 2; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, с. 387 (письмо М. П. Погодина Ф. Г. Солнцеву 1846 г.).
- ¹⁶² *Герцен А. И.* Былое и думы, т. VIII, с. 280.
- ¹⁶³ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. III, с. 101.
- ¹⁶⁴ Там же, 1892, кн. VI, с. 118.
- ¹⁶⁵ Там же, 1899, кн. XIII, с. 305.
- ¹⁶⁶ *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 65, 66.
- ¹⁶⁷ *Лемке М. К.* Николаевские жандармы..., с. 217.

- ¹⁶⁸ *Забелин И. Е.* Воспоминание о Д. А. Ровинском.— В кн.: Публичное собрание Академии наук в память о ее почетном члене Дмитрие Александровиче Ровинском. СПб., 1896, с. 9.
- ¹⁶⁹ Сб. исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М., 1845, т. I, с. 13, 14.
- ¹⁷⁰ *Чаадаев П. Я.* Философические письма.— В кн.: Соч. и письма: В 2-х т. М., 1914, т. II, с. 111. Пер. с француз. Русский текст «Телескопа» несколько иной. Относительно «Философических писем» Чаадаева и полемики с ним Пушкина см.: *Волков Г. Н.* Тебя как первую любовь... М., 1980, с. 139—160.
- ¹⁷¹ *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего.— В кн.: Соч. и письма, т. II, с. 220. Пер. с француз. Ср.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897, кн. XI, с. 66; *Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX в. Л., 1970, с. 738.*
- ¹⁷² *Писарев Д. И.* Бедная русская мысль.— В кн.: Соч.: В 4-х т. М., 1955, т. II, с. 66.
- ¹⁷³ *Лемке М. К.* Николаевские жандармы..., с. 592—607.
- ¹⁷⁴ *Чернышевский Н. Г.* «Апология сумасшедшего».— В кн.: Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1950, т. VII, с. 592—618.
- ¹⁷⁵ *Лермонтов М. Ю.* Сашка.— В кн.: Собр. соч.: В 4-х т. Л., 1980, т. II, с. 322; *Герштейн Э. Г.* Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 477.
- ¹⁷⁶ *Сахаров И. П.* Исследования о русском иконописании. СПб., 1849, кн. 1, с. 3.
- ¹⁷⁷ *Снегирев И. М.* О значении отечественной иконописи. Письмо к графу А. С. Уварову. СПб., 1848, с. 2.
- ¹⁷⁸ *Снегирев И. М., Мартынов А. А.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1846—1859, тетр. 1—18.
- ¹⁷⁹ Подробнее см.: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1890, т. 1, с. 284.
- ¹⁸⁰ *Классен Е. И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-россов дорюрикова времени в особенности. М., 1854, вып. 1, с. III, 25.
- ¹⁸¹ *Соллогуб В. А.* Тарантас.— В кн.: *Соллогуб В. А.* Повести и рассказы. М.; Л., 1962, с. 199.
- ¹⁸² *Хомяков А. С.* О возможности русской художественной школы.— В кн.: Соч.: В 8-ми т. М., 1914, т. I, с. 76; *Он же.* Письмо в Петербург по поводу железной дороги.— Там же, 1914, т. III, с. 113. Ср.: *Он же.* О старом и новом.— Там же, т. III, с. 131; *Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову.— В кн.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979, с. 152; *Он же.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.— Там же, с. 287; *Аксаков И. С.* Москва, 8 сентября.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 7-ми т. М., 1887, т. V, с. 6, 7; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1905, кн. XIX, с. 284.
- ¹⁸³ *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли.— В кн.: Соч.: В 24-х т. М., 1926, т. XXIII, с. 3—23.
- ¹⁸⁴ [*Пассек В. В.*]. Путевые записки Вадима. М., 1834, с. 221.
- ¹⁸⁵ *Белинский В. Г.* Путевые записки Вадима.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953, т. I, с. 152.
- ¹⁸⁶ *Белинский В. Г.* Воспоминание о посещении святыни Московской государем наследником.— Там же, т. III, с. 134, 135.
- ¹⁸⁷ *Герцен А. И.* Prolegomena.— В кн.: Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1960, т. XX, кн. 1, с. 62. Пер. с француз.
- ¹⁸⁸ *Герцен А. И.* Россия и Польша.— Там же, 1958, т. XIV, с. 33, 51. Огивы (точнее — оживы) — стрельчатые своды в готической архитектуре.

- ¹⁸⁹ Герцен А. И. К старому товарищу.— Там же, 1960, т. XX, кн. 2, с. 581, 586, 593.
- ¹⁹⁰ Герцен А. И. Былое и думы, 1957, т. XI, с. 356.
- ¹⁹¹ Зейдевиц Р. и М. Подаренный Геркулес: Судьбы картин Дрезденской галереи. М., 1975, с. 85—93.
- ¹⁹² Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в имп. музее Эрмитаже. СПб., 1854, т. I—III.
- ¹⁹³ Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о каменных бабах или балбалах.— ЗООИД, 1915, XXXII, с. 418, 419. Москвитинин, 1849, ч. I, № 2, с. 53 (хроника). Каталог христианских древностей собрания Николая Михайловича Постникова. М., 1888.
- ¹⁹⁶ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 170.
- ¹⁹⁷ Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. М., 1966, с. 119, 120.
- ¹⁹⁸ Соллогуб В. А. Тарантас, с. 219—224. Наблюдения Э. Г. Герштейн (Судьба Лермонтова, с. 257, 258) показывают, что эта глава «Тарантаса» написана при участии Г. Г. Гагарина. О нем см. в разделе VII данного очерка.
- ¹⁹⁹ Толстой А. К. Князь Серебряный.— В кн.: Соч.: В 4-х т. М., 1964, т. 3, с. 445.

VI

- ²⁰⁰ Писарев Д. И. Разрушение эстетики.— В кн.: Соч.: В 4-х т. М., 1956, т. III, с. 429.
- ²⁰¹ Писарев Д. И. Реалисты.— Там же, с. 114.
- ²⁰² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1905, кн. XIX, с. 349.
- ²⁰³ Успенский Г. И. Выпрямила.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 14-ти т. М., 1953, т. X, кн. 1, с. 262.
- ²⁰⁴ Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX—начале XX в.— ОИМД, 1960, вып. II, с. 217—233.
- ²⁰⁵ Д. А. Равикович учитывала только краеведческие музеи широкого профиля. Музеи специально историко-археологические в ее список не вошли. Почти все историко-археологические музеи возникли в конце XIX в. Таким образом, полный список музеев еще наглядней показал бы и так уже ясную закономерность.
- ²⁰⁶ Писарев Д. И. Реалисты, с. 137.
- ²⁰⁷ Яворский Г. И. Н. М. Мартынов. Красноярск, 1962.
- ²⁰⁸ Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902, с. 39, 40. Больше всего Мартынов интересовался ботаникой. Его главный труд «Флора Южного Енисея» издан посмертно (Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартынова. Минусинск, 1923, т. 1, вып. II). В архиве Минусинского музея хранятся рукописи других работ: «Описание грибов Минусинского края», «Алфавитный список растений Южного Енисея», «Материалы для сибирской грибной фауны», «Формационные списки растений флоры лесов и тайги Минусинского округа» и т. д.
- ²⁰⁹ От Комитета Минусинского музея.— В кн.: Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, с. 1.
- ²¹⁰ Частная инициатива в деле общественных учреждений.— Восточное обозрение. Иркутск, 1882, № 18, с. 3.
- ²¹¹ Минусинск.— В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1896, т. XIX, стб. 396.
- ²¹² Дейч Л. Г. Дмитрий Александрович Клеменц. М., 1921, с. 25.
- ²¹³ Азадовский М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири.— В кн.: Декабристы и Сибирь. Иркутск, 1975, с. 27—57.

- 214 *Рафикович Д. А.* Из истории организации сибирских музеев в XIX в.— В кн.: История музейного дела в СССР М., 1957, т. 1, с. 167—170.
- 215 *Жуков Н. Н.* Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова.— В кн.: Памяти А. К. Кузнецова. Чита, 1929, с. 30.
- 216 *Кон Ф. Я.* Исторический очерк..., с. 164.
- 217 *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960, с. 269.
- 218 *Овсянникова С. А.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861—1917).— ОИМД, 1960, вып. II, с. 66—144.
- 219 *Забелин И. Е.* Черты самобытности в древнерусском зодчестве.— В кн.: Древняя и новая Россия. М., 1878, № 3, с. 185—203; № 4, с. 281—303; *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984, с. 175, 176; *Славина Т. А.* Исследователи русского зодчества. Л., 1983, с. 82—86, 100.
- 220 ПСЗ (3-е собр.). СПб., 1891, т. IX, с. 95, № 5841.
- 221 Там же, 1897, т. XIII, с. 570, № 9982.
- 222 *Гаврилов А. В.* Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности.— В кн.: Вестник археологии и истории. СПб., 1886, т. VI, с. 58.
- 223 *Монгайт А. Л.* Археологические раскопки 1945 г. в Софийском соборе в Новгороде.— В кн.: Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. М., 1947, вып. 7, с. 44.
- 224 *Пуришев И. Б.* Переяславль Залесский. М., 1970, с. 11.
- 225 *Чистяков П. П.* Письма.— МИИ. М., 1969, т. 6, с. 364 (письмо В. Е. Савинскому от сент. 1883 г.).

VII

- 226 *Грбавь И. Э.* Моя жизнь. М.; Л., 1937, с. 156; Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982, т. 1, с. 382—387.
- 227 *Стасов В. В.* Наши художественные дела.— В кн.: Собр. соч.: В 4-х т. СПб., 1894, т. I, с. 118, 120.
- 228 *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства.— В кн.: Избр. соч.: В 3-х т. М., 1952, т. 2, с. 504; *Он же.* Нынешнее искусство в Европе.— Там же, т. 1, с. 599.
- 229 См., например, «Мир искусства» за 1902 г. со статьями А. Н. Бенуа «Живописный Петербург», «Архитектура Петербурга», «Красота Петербурга», многочисленными фотографиями памятников и репродукциями работ Е. Е. Лансере, А. П. Остроумовой, А. Н. Бенуа и О. Э. Браза на ту же тему.
- 230 *Бенуа А. Н.* Царское село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1910.
- 231 *Курбатов В. Я.* Павловск. СПб., 1909; *Он же.* Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб., 1913; *Он же.* О красоте Петрограда: лекции. Пг., 1915.
- 232 *Дягилев С. П.* В час итогов: речь.— Веса, 1905, № 4, с. 45, 46.
- 233 *Вороцкий А. К.* За живой и мертвой водой. М., 1970, с. 302. Ср.: *Масанов Ю. И., Грачева И. Б. Е. И.* Шамурин. М., 1970, с. 6—8.
- 234 *Александр Андреевич Иванов:* его жизнь и переписка. СПб., 1880, с. 299, 106 (письма Об-ву поощрения художников 1837 г. и неизвестному от марта 1858 г.).
- 235 Записки графа Ф. П. Толстого.— РС, 1873, № 1, с. 49.
- 236 Записки, статьи, письма И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 20.
- 237 *Краков А. Я.* Лермонтов и англичанность.— В кн.: Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 792—815.

- ²³⁸ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829, т. I, с. XXVI.
- ²³⁹ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л., 1933; с. 253 (письмо П. А. Бестужеву от 21 фев. 1836 г.).
- ²⁴⁰ Франс А. Эрнест Ренап — историк христианства. — В кн.: Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1960, т. 8, с. 73.
- ²⁴¹ Петров-Водкин К. С. Хлыновск; Пространство Эвклида; Самаркандия. Л., 1970, с. 356.
Армянским и грузинским памятникам посвящен, например, почти целый выпуск из шести в «Русских древностях в памятниках искусства, издаваемых И. Толстым и Н. Кондаковым». СПб., 1891, вып. 4.
- ²⁴³ Сб. византийских и древнерусских орнаментов, собранных и рисованных Г. Г. Гагариним. СПб., 1887; Гагарин Г. Г. Собр. византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. СПб., 1897.
- ²⁴⁴ Э-н А. В политическом салоне. — Новое время, 1911, 7 дек. (№ 12338). Ср.: Гангвельд В. Н. Путевые очерки Туркестана. М., 1914, с. 131; Массон М. Е. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. Ташкент, 1972, с. 20.
- ²⁴⁵ Лукин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979, с. 82.
- ²⁴⁶ Стасов В. В. Неучи и доки. — В кн.: Собр. соч.: В 4-х т. СПб., 1894, т. II, с. 192.
- ²⁴⁷ Лукин Б. В. Средняя Азия..., с. 78—80, 85.
- ²⁴⁸ Любопытно, что в начале XX в. было много сделано и для охраны природы в России. Тогда, в частности, возникли первые заповедники. См.: Лаптев И. П. Научные основы охраны природы. Томск, 1964, с. 126.
- ²⁴⁹ Лукомский Г. К. Хроника провинциального вандализма. — Старые годы, 1911, № 10, с. 65.
- ²⁵⁰ Esset [Маковский С. К.]. Столичный вандализм. — Старые годы, 1908, № 4, с. 207; Фомин И. А. Текущие вандализма. — Там же, № 7/9, с. 68, 69.
- ²⁵¹ Чуковский К. И. Мой Уитмен. М., 1966, с. 115—117.
- ²⁵² Экспрессионизм. М., 1966, с. 41.
- ²⁵³ Гастевен Г. Э. Футуризм: на пути к новому символизму. М., 1914, прилож., с. 7—9.
- ²⁵⁴ Бурлюк Д. Д., Крученых А. Е., Маяковский В. В., Хлебников В. В. Поощения общественному вкусу. — В кн.: Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1961, т. 13, с. 244, 245.
- ²⁵⁵ Андреев Л. Н. Савва. — В кн.: Полн. собр. соч.: В 8-ми т. СПб., 1913, т. IV, с. 251, 274.
- ²⁵⁶ Равинович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967). — В кн.: Тр. НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970, вып. 22, с. 3—127.

Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура)

¹ Карла Линнея рассуждения. Первое о употреблении коффея, второе о человекообразных. Переведены корректором Иваном Тредиаковским. СПб., 1777, с. 26—47; Бобров Е. Г. Линней, его жизнь и труды. М.; Л., 1957, с. 175.

- ² *Бадер О. Н.* Археологические памятники Тагильского края.— В кн.: Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 1953, т. VIII, вып. 2, с. 344; *Рябов И.* Песколько слов о древностях, находящихся в Верхотурского уезда в округе Нижне-Тагильских заводов.— Прибавление к № 28 «Пермских губернских ведомостей», 1855.
- ³ *И[овский] А. [Г.]*. О костях преждепотопных людей.— В кн.: Вестник естественных наук и медицины, издаваемый Александром Иовским. М., 1829, ч. I, № 2, с. 138—143; Ископаемый человек.— В кн.: Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общжития с присовокуплением живописных путешествий по Земному шару и жизнеописаний знаменитых людей, издаваемое Августом Семенов. М., 1839, ч. 5, с. 17—20; *Карпинский А.* Об ископаемых остатках человека.— ГЖ, 1829, ч. I, кн. 1, с. 48—56; Пещера, заключающая кости, подле Бира, недалеко от Нарбонна.— ГЖ, 1829, ч. IV, кн. 11, с. 204; *Серра М.*, де. Наблюдения над человеческими костями, найденными в трещинах вторичных областей и особенно над замеченными в Дурфортской пещере в Гардском департаменте.— Там же, кн. 10, с. 60—67; Костесодержащие пещеры, заключающие остатки людей.— ГЖ, 1830, ч. III, кн. 9, с. 465, 466; Об открытии человеческих костей в древних горных областях (сообщено г. Карпинским).— ГЖ, 1831, ч. I, кн. 3, с. 370—374; Теоретические исследования относительно костесодержащих Бизских пещер близ Нарбонна и человеческих костей, смешанных с остатками исчезнувших животных. Письмо Турналя-сына к барону Феррюсаку.— ГЖ, 1832, ч. I, кн. 4, с. 26—43.
- ⁴ *Эйхвальд Э. И.* Древности царств животного и растительного, преимущественно в России.— В кн.: Библиотека для чтения. СПб., 1838, т. XXXI, ч. 2, с. 126—128.
- ⁵ *Kutorga S.* Notiz über zwei Menschen-schädel aus dem Gouvernement Minsk.— In: Verhandlungen der Russisch Kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St.-Petersburg, Jahr 1842, S. 35—39.
- ⁶ *Серра М.*, де. Записка о пещере в Погтыльи близ Сен-Попа, департамент Геро, в которой были найдены предметы промышленности, человеческие кости, также остатки носорога и других исчезнувших животных.— ГЖ, 1857, ч. IV, кн. 12, с. 457—459.
- ⁷ *Уваров А. С.* Археология России: Каменный период. М., 1881, т. II, с. 6.
- ⁸ *Эйхвальд Э. И.* О чудских копиях.— В кн.: Зап. РАО. СПб., 1857, т. IX, вып. 2, с. 280, 281; *Eichwald E.* Ueber die Säugetierfauna der neuern Molasse des Südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde.— In: Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou. M., 1860, t. XXXII, n 34, S. 377.
- ⁹ Сб. постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862, с. 176.
- ¹⁰ *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 205—306.
- ¹¹ *Гутцейт В. К.* Об ископаемых Курской губернии.— Курские губернские ведомости, 1850, 22 апр. (№ 16), с. 136—139; 29 апр. (№ 17), с. 145—148.
- ¹² *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры..., с. 267; *Райков Б. Е.* Дело Владимира Гутцейта.— В кн.: Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР. М., 1955, т. IV, с. 384—390.
- ¹³ Сб. постановлений и распоряжений по цензуре..., с. 299. Статья «Фапастическая зоология» (пер. из «Revue de deux Mondes») напечатана в ОЗ, 1854, № 9, отд. V, с. 1—11.

- ¹⁴ Попов Н. И. О чудских могилах Мигусинского края.— В кн.: Изв. Сибирского отд. РГО. Иркутск, 1877, т. VIII, № 1/2, с. 34.
- ¹⁵ Енисейская губерния. СПб., 1835, ч. I, с. 131.
- ¹⁶ Формозов А. А. Первый собиратель каменных орудий в России.— ВИ, 1972, № 1, с. 213—216.
- ¹⁷ Бугенев Н. Ф. Некоторые соображения о первобытных жителях России по найденным остаткам их быта.— В кн.: Зап. РГО. СПб., 1864, кн. IV, отд. II, с. 1—20.
- ¹⁸ Подробнее об А. Д. Озерском и других собирателях см.: Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в.— СА, 1981, № 3, с. 97—106.
- ¹⁹ Анучин Д. Н. Анна Михайловна Раевская.— ИОЛЕ, 1897, т. ХС, с. 513, 514.
- ²⁰ Уваров А. С. Археология России, т. II, с. 20, 30—32, 35, 39, 60, 77, 81, 86—91, 94.
- ²¹ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. II, с. 504, 505.
- ²² Изв. РАО. СПб., 1859, т. II, вып. 2, с. 100 (хроника); Антропологическая выставка 1879 г., т. I.— ИОЛЕ, 1878, т. XXVII, с. 188, 189. Выпускник ярославского Демидовского лицея Г. М. Девочкин интересовался и геологией, ботаникой, палеонтологией, печатался в костромских газетах. См.: Комаров М. Н. Памяти Г. М. Девочкина.— Костромской листок, 1903, 11 апр. (№ 41).
- ²³ А. Н. [архиепископ Пил]. Путевые заметки. Ярославль, 1874, ч. I, с. 203.
- ²⁴ Прествиц. Камни, обработанные человеческими руками, в диллювиальной почве.— ГЖ, 1859, ч. IV, кн. 10, с. 229, 230.
- ²⁵ Риттер К. О древнейших поселениях сваястроителей по разным швейцарским озерам.— В кн.: Вестник РГО. СПб., 1859, т. 26, № 8, с. 76—82.
- ²⁶ Появление человека на земле.— ЖМНП, 1860, ч. CV, № 1, отд. VII, с. 1—9. Имя переводчика — Н. Н. Страхова — указано на обложке.
- ²⁷ Бэр К. М. О древнейших обитателях Европы.— В кн.: Зап. РГО. СПб., 1863, кн. I, с. 213—220.
- ²⁸ Бэр К. М. О первоначальном состоянии человека в Европе.— В кн.: Месяцеслов на 1864 (високосный) г. СПб., 1863, прилож., с. 25—65.
- ²⁹ Северные древности королевского музея в Копенгагене, выбранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо. СПб., 1861.
- ³⁰ Лерх П. И. Некролог Л. Ф. Радлова.— В кн.: Изв. РГО. СПб., 1866, т. I, № 11/12, с. 205, 206.
- ³¹ Шлейден М. И. Древность человеческого рода, происхождение видов и положение человека в природе. Пер. с нем. Н. Бакста. СПб., 1863; То же. 2-е изд., дополн. лекцией К. М. Бэра «О древнейших обитателях Европы». СПб., 1865.
- ³² Фогт К. Человек, место его в мироздании и в истории Земли. Пер. с нем. А. Кашин. Изд. М. О. Вольфа. СПб., 1865 (каменному веку посвящены с. 209—411); Он же. Человек и его место в природе. Изд. П. А. Гайдебурова. СПб., 1865; То же. 2-е изд. СПб., 1866, т. I/II (каменному веку посвящен т. II); Он же. Взгляд на первобытные времена человеческого рода.— В кн.: Современные вопросы антропологии: Сб. новейших исследований по вопросу об изучении человека и общества. СПб., 1867, т. I, вып. 1. Выделим имя издателя П. А. Гайдебурова. Это — прогрессивный журналист, участник революционного движения 1860-х годов. Переводчик изданной им книги Фогта не указан, но одно из примечаний к ней

- (т. II, с. 90) подписано А. Ковалевским. Возможно, А. О. Ковалевский перевел не только труд Лайелла, но и эти лекции Фогта. *Достоевский Ф. М.* Бесы.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1974, т. 10, с. 269.
- Ляйель Ч.* Геологические доказательства древности человека с некоторыми замечаниями о теории происхождения видов: Пер. со 2-го англ. изд. А. Ковалевского. СПб., 1864.
- ³⁵ *Тайлор Э. Б.* Доисторический быт человечества и начало цивилизации: Пер. с англ. М., 1868.
- ³⁶ *Леббок Д.* Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей: Пер. с 3-го англ. изд. под ред. Д. Н. Анучина. М., 1876.
- ³⁷ *Первобытный человек.* Сочинение Луи Фигье с рисунками и картинами, изображающими сцены из жизни первобытного человека. СПб., 1870.
- ³⁸ Современное движение в антропологии, в основном во Франции: Речь Брока в Парижском антропологическом об-ве.— В кн.: Заграничный вестник. СПб., 1864, т. 1, вып. 2, с. 177—218 (об археологии — с. 211—218); О древних могилах и постройках на сваях (по двум лекциям, читанным в зале собрания берлинских ремесленников 14 и 18 дек. 1865 г. Рудольфом Фирховым).— В кн.: Заграничный вестник. СПб., 1866, т. IX, вып. 2, с. 255—275; Первобытные постройки на сваях.— В кн.: Заграничный вестник, 1865, т. VII, вып. 9, с. 321—353.
- ³⁹ [*Лавров П. Л.*]. Обзор иностранной антропологической литературы.— Библиограф, 1869, № 1, с. 22—50; *Лавров П.* Антропологические этюды.— В кн.: Современное обозрение, 1868, № 6, с. 474—501 (особенно с. 499, 500); *Угрюмов П.* [*Лавров П. Л.*]. Карл Эрнст Бэр.— Дело, 1878, № 11, с. 86—97; *Володин А. И., Игенберг В. С.* Лавров. М., 1981, с. 113, 151, 174, 172, 244, 245; *Витязев П.* Ссылка П. Л. Лаврова в Вологодскую губернию и его занятия антропологией.— В кн.: Изв. Вологодского об-ва изучения Северного края. Вологда, 1915, вып. 2, с. 41—67.
- ⁴⁰ *Брок П.* Везерские троглодиты.— В кн.: Природа, популярный естественно-исторический сб. М., 1873, кн. II, с. 121—173. Во Франции очерк издан в 1872 г.; *Фрааз О.* Древнейшие обитатели пещер.— Знание, 1874, № 4, с. 91—114; *Вирхов Р.* Первобытные обитатели Европы.— Знание, 1874, № 9, с. 52—83. *Анучин Д. Н.* Антропологические заметки: Письма из заграничьи.— В кн.: Антропологическая выставка 1879 г., т. I, с. 132.
- ⁴² *Сопцов Д. П.* О каменном веке. М., 1870.
- ⁴³ *Уляницкий В. А. Д. П. Сопцов.*— В кн.: Тр. [Московского] Нумизматического об-ва. М., 1898, т. I, с. 217—224. *Попов Л. К.* Из первобытной жизни человека. СПб., 1880. *К...н А.* Об археологии доисторической и следах древнейшего существования человека на земле. Варшава, 1876. Об авторе см.: *Навлеский И. Ф.* Первое дополнение к краткому биографическому словарю ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава, 1913, с. 19, 20. *Мильчевский.*— В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1896, т. XIX, стб. 318.
- ⁴⁷ *Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н. П. П. И. Лерх.*— ЖМНП, 1884, № 11, отд. 4, с. 57—66.
- ⁴⁸ *Лерх П. И.* Орудия каменного и бронзового веков в Европе.— В кн.: Изв. РАО. СПб., 1863, т. IV, вып. 2, с. 145—169; вып. 4, с. 310—323; 1865, т. V, вып. 4, с. 201—220.

- ⁴⁹ *Лерх П. И.* Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А. М. Р...юю. СПб., 1865.
- ⁵⁰ *Лерх П. И.* Археологическое путешествие в северные губернии.— В кн.: Изв. РГО. СПб., 1865, т. I, № 10, с. 196, 197.
Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982, с. 126, 127. Первая публикация: Беседы в Об-ве любителей российской словесности. М., 1867, вып. 1, с. 71.
- ⁵² *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. М.; Л., 1968, т. 15, с. 66. Первая публикация: Вестник Европы, 1880, № 7, с. IV
- ⁵³ *Грбавь И. Э.* Каменный век — монументальный декоративный фриз В. М. Васнецова в Государственном историческом музее. М., 1956 (Сер. Памятники культуры, вып. XX), с. 6—9.
- ⁵⁴ *Писарев Д. И.* Избр. философские и общественно-политические статьи. М., 1949, с. 461. Первая публикация: Русское слово, 1864, № 9, с. 4.
- ⁵⁵ *Шелгунов Н. В.* Развитие человеческого типа в геологическом отношении.— Русское слово, 1865, № 3, с. 218—254.
- ⁵⁶ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1949, т. XIV, с. 489 (письмо к А. Н. Пышину от мая 1864 г.).
- ⁵⁷ *Михайлов М. И.* За пределами истории (за миллионы лет).— Дело, 1869, № 3, с. 165—203; № 4, с. 90—124; То же: *Михайлов М. И.* Соч.: В 3-х т. М., 1958, т. II, с. 458—520.
- ⁵⁸ *Стахович С. Г.* Среди политических преступников.— В кн.: Н. Г. Чернышевский: Сб. статей, документов и воспоминаний. М., 1928, с. 119, 120; *Жуков И. Г.* Воспоминания шестидесятника.— В кн.: Литературный Саратов. Саратов, 1947, кн. 8, с. 252.
- ⁵⁹ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1960, т. XIX, с. 131. Первая публикация: Колокол, 1866, 1 сент., с. 1859.
- ⁶⁰ *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964, с. 66.
Толстой А. К. Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме.— В кн.: Полн. собр. соч.: В 4-х т. М., 1963, т. 1, с. 427.
- ⁶² *Костомаров Н. И.* Автобиография. М., 1922, с. 421.
- ⁶³ *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873, с. 383.
Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человеке.— Русский вестник, 1873, № 10, с. 689—764, цитаты — с. 698, 737. Перепечатано: *Буслаев Ф. И.* Соч.: В 3-х т. СПб., 1908, т. I, с. 456—522.
Д-чаев В. Теория Дарвина пред судом священного писания как самого древнего исторического ботаническо-зоологического памятника.— В кн.: Страники. СПб., 1869, кн. I, с. 12—33; кн. II, с. 45—75; То же.— СПб., 1869, 52 с.
- ⁶⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. М., 1884, т. IV, с. 381.
- ⁶⁷ *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, с. 93, 94.
- ⁶⁸ *Леббок Д.* Донисторические времена..., с. 126.
- ⁶⁹ *Янигс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайгы. Таллин, 1959, с. 6—8.
- ⁷⁰ *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги.— В кн.: Зап. РГО по отд. этнографии. СПб., 1882, т. IX, с. 156.
- ⁷¹ *Попов Л. К.* Из первобытной жизни человека, с. 13.
- ⁷² Антропологическая выставка 1879 г., т. IV, ч. 2.— ИОЛЕ, 1886, т. XLIX, вып. 2, с. 38.

- ⁷³ Там же, с. 4.
- ⁷⁴ Антропологическая выставка 1879 г., т. III, ч. 1.— ИЮЛЕ, 1879, с. XXXV, ч. 1, вып. 2, с. 112.
- ⁷⁵ Толстой А. К. Послание к М. Н. Лонгинову..., с. 429.
- ⁷⁶ Мильчевский О. Основания науки антропознологии... М., 1868, с. IX.
- ⁷⁷ Беляев А. Д. Характеристика археологии. Харьков, 1890.
- ⁷⁸ Список студентов, окончивших полный курс имп. Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814—1914). Сергиев Посад, 1914, с. 60.
- ⁷⁹ Тр. VII АС. М., 1892, т. III, с. 96 (хроника).
- ⁸⁰ Беляев А. Д. Характеристика археологии.— Вера и разум. Журн. богословско-филол., изд. при Харьков. духовной семинарии, 1889, № 16, с. 162—195; № 18, с. 247—280; № 21, с. 407—424. В тексте цитируется отдельное издание этой работы 1890 г. с указанием страниц.
- ⁸¹ К[игицы]н А. Об археологии доисторической..., с. 12—14; Попов Л. К. Из первобытной жизни человека, с. 64—68.
- ⁸² Короленко В. Г. Дневник. Киев; Харьков, 1926, т. II, с. 268 (запись от 15 сент. 1894 г.).
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Русская мысль, 1889, № 3, с. 122, 123.
- ⁸⁵ Новое время, 1891, № 5447.
- ⁸⁶ Ляйель Ч. Геологические доказательства древности человека... с. 29—34; Леббок Д. Доисторические времена..., с. 318, 319. Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, с. 228.
- ⁸⁷ Соколов В. А. Создатель школы карельских геологов. Петрозаводск, 1976, с. 84. Сведения восходят к неопубликованному мемуарам Иностранцева, хранящимся в архиве музея Ленинградского гос. ун-та (ф. истории факультетов и кафедр, д. 344).

Послесловие

- ¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма. М.; Л., 1963, т. VI, с. 40, 43, 53 (письма к П. В. Анненкову от 20 дек. 1865 г., 17 янв. и 9 февр. 1866 г.).
- ² Мамин Д. Н. Археологическая поездка по Уралу.— В кн.: Древности. М., 1894, т. XV, вып. 1, с. 95—103; Письма Д. Н. Мамина-Сибиряка к проф. Д. Н. Анучину.— В кн.: Зап. рукописей Всеобщей 6-ки им. В. И. Ленина. М., 1939, вып. II, с. 32—47.
- ³ Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. СПб., 1899; Он же. Некоторые древности пятины Деревской и Бежецкой.— ЗОРСА, 1903, т. V, вып. 1, с. 14—43; Он же. Каменный век на оз. Пирос.— ЗОРСА, 1905, т. VII, вып. 1, с. 160—170.
- ⁴ Рерих Н. К. Радость искусству.— В кн.: Собр. соч. М., 1914, кн. 1, с. 118.
- ⁵ Стасов В. В. Владимирский клад. СПб., 1866; Он же. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи.— В кн.: Отчет Археологической комиссии за 1872 г. СПб., 1875, с. 235—328.
- ⁶ Васнецов А. М. Древнее симеизское кладбище.— В кн.: Древности. М., 1914, т. XXIV, с. 324—348.
- ⁷ О театральной деятельности В. И. Сизова см.: Теляковский В. А. Воспоминания. Л.: М., 1965, с. 146, 147, 161.
- ⁸ Коцюбинский М. М. Твори: В 6-ти т. Київ, 1962, т. 6, с. 84 (письмо В. М. Гнатюку от 6 дек. 1908 г.).

Список сокращений

- АС — Археологический съезд
ВЕ — Вестник Европы. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ГЖ — Горный журнал. СПб.
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИОАИЭ — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете
ИОЛЕ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии Симферополь
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИИ — Мастера искусства об искусстве. М.
ОЗ — Отечественные записки. СПб.
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ОИМД — Очерки истории музейного дела в России и СССР. М.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии наук
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Русский архив. М.
РАО — Русское археологическое общество
РГО — Русское географическое общество
РИС — Русский исторический сборник. М.
РС — Русская старина. СПб.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СЭ — Советская этнография. М.

Оглавление

От автора	3
Возникновение русской археологии	7
Пушкин и древности	70
Русское общество и охрана памятников культуры	115
Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура)	175
Послесловие	203
Примечания	205
Список сокращений	239

Александр Александрович Формозов

Страницы истории русской археологии

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художник Г. П. Валлас
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. В. Тарасова
Корректоры Л. Р. Мануильская, Р. В. Молоканова

ИБ № 29473

Сдано в набор 7.05.85. Подписано к печати 12.11.85. Т-16785. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр. отт. 12,81. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 9600 экз.
Тип. зак. 1709. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательства «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1 р. 10 к.

А.А.Формозов
Страницы
истории

русской
археологии

(А.А.Формозов • Страницы истории русской археологии)